

Мир Приключений

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

Капитан Темпеста
Дамасский Лев
Дочери фараонов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука)

Эмилио Сальгари

**Капитан Темпеста. Дамасский
Лев. Дочери фараонов**

«Азбука-Аттикус»

1905, 1910

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Сальгари Э.

Капитан Темпеста. Дамасский Лев. Дочери фараонов /
Э. Сальгари — «Азбука-Аттикус», 1905, 1910 — (Мир
приключений (Азбука))

ISBN 978-5-389-14144-5

Эмилио Сальгари (1862–1911) — один из мастеров приключенческого жанра, «итальянский Жюль Верн», его романами зачитываются миллионы людей во всем мире. Сальгари почти не покидал родной Италии, однако герои его книг путешествуют и сражаются на всех морях и континентах, во все времена — от Античности до современности. В настоящее издание вошла дилогия «Капитан Темпеста» и «Дамасский Лев», главная героиня которой, отважная герцогиня д'Эболи, под именем Капитана Темпесты сражается на Кипре и Крите в затяжной войне Венецианской республики против Османской империи во второй половине XVI века. Также в издание вошел известный роман «Дочери фараонов», рассказывающий о борьбе за трон Древнего Египта законного наследника против узурпатора, коварством и предательством захватившего власть. Два романа («Капитан Темпеста» и «Дочери фараонов») выходили на русском лишь в сокращенном виде, поэтому для нашего издания они были переведены заново. Роман «Дамасский Лев» выходит на русском языке впервые.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-14144-5

© Сальгари Э., 1905,1910
© Азбука-Аттикус, 1905,1910

Содержание

Капитан Темпеста	8
1	8
2	16
3	23
4	32
5	39
6	46
7	53
8	58
9	66
10	73
11	80
12	88
13	95
14	100
15	106
16	113
17	120
18	127
19	135
20	140
21	147
22	152
23	160
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Эмилио Сальгари Капитан Темпеста. Дамасский Лев. Дочери фараонов

© О. Егорова, перевод, 2017

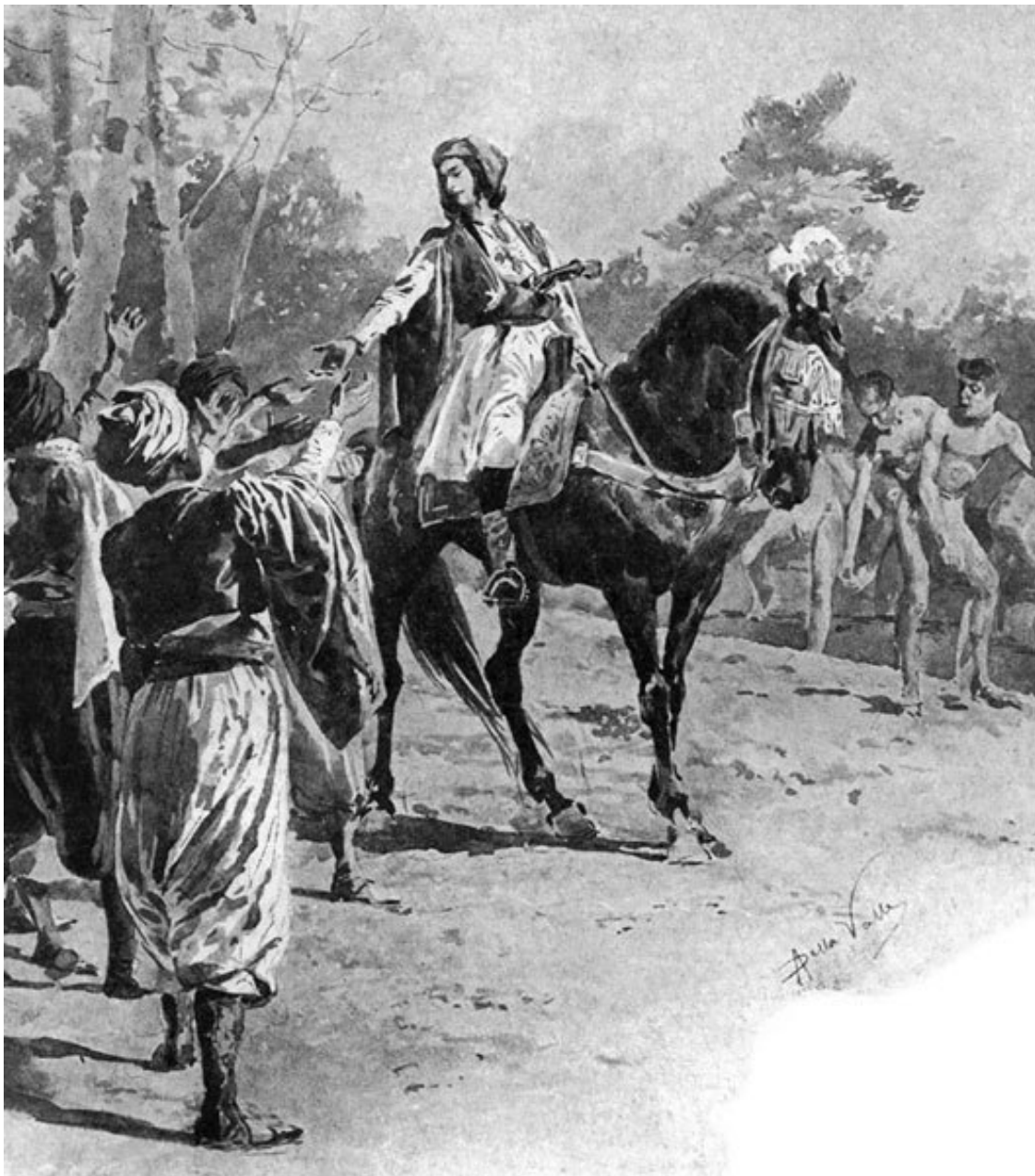
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Капитан Темпеста

1

Партия в зару¹

- Семь!
- Пять!
- Одиннадцать!
- Четыре!
- Зара!

¹ В арабском языке зарами вообще называют кости. (Примеч. перев.)

– Ух ты, чтоб тебя, тридцать тысяч турецких сабель! Ну и везет же вам, синьор Перпиньяно! Вы за два вечера выиграли у меня восемьдесят цехинов. Так дальше не пойдет! Уж лучше получить ядро из кулеврины², да еще пулю от неверных в придачу. По крайней мере, с меня не сдерут шкуру после взятия Фамагусты.

– Если ее возьмут, капитан Лацинский.

– А вы сомневаетесь, синьор Перпиньяно?

– Пока что сомневаюсь. Пока у нас воюют словенцы, Фамагусту не взять. Венецианская республика умеет отбирать солдат.

– Ну они же не поляки.

– Капитан, не обижайте солдат из Далмации.

– И не собирался, все же тут присутствуют и мои соотечественники...

Вокруг игроков послышалось угрожающее бормотание, смешанное с бряцаньем шпаг, когда их вытаскивают из ножен, и капитан Лацинский осекся.

– О! – сказал он, быстро сменив тон и улыбнувшись. – Да будет вам известно, доблестные воины, что я люблю пошутить. Вот уже четыре месяца, как мы бок о бок сражаемся с этими нечестивыми псами, которые поклялись живьем содрать с нас шкуры, и я вам цену знаю. Итак, синьор Перпиньяно, раз турки нам не досаждают, продолжим партию? У меня в карманах позвякивают еще двадцать цехинов.

Словно в опровержение слов капитана, вдаль послышался глухой пушечный выстрел.

– Вот мерзавцы! Даже ночью от них покоя нет, – не унимался разговорчивый поляк. – Ну у меня есть еще время либо просадить, либо выиграть десяток цехинов. Правда, синьор Перпиньяно?

– Когда пожелаете, капитан.

– Мешайте кости.

– Девять! – крикнул Перпиньяно, раскатив кости по скамейке, которая служила соперникам игорным столом.

– Три!

– Одиннадцать!

– Семь!

– Зара!

У невезучего капитана вырвалось ругательство, и вокруг раздались смешки, тут же, впрочем, затихшие.

– Да будь она неладна, борода Магомета! – воскликнул поляк, бросая на скамейку два цехина. – У вас, наверное, сговор с дьяволом, синьор Перпиньяно.

– Ничего подобного. Я добрый христианин.

– Но кто-то наверняка научил вас особым хитростям, и ставлю свою голову против бороды какого-нибудь турка, что этот кто-то – Капитан Темпеста.

– Я часто играю с этим благородным дворянином, но он никогда не обучал меня никаким хитростям.

– Ха! Благородный дворянин! – не без ехидства хмыкнул капитан.

– А вы полагаете, что нет?

– Гм... Да кто его знает, кто он такой на самом деле?

– Он всегда был любезным юношей и отличался необычайной храбростью.

– Юношей!..

– Что вы этим хотите сказать, капитан?

– А если он никакой не юноша?

² Кулеврины – тип длинноствольных огнестрельных орудий. В XVI в. кулевринами называли легкие длинноствольные дальнобойные пушки. (Примеч. перев.)

– Да ему не больше двадцати.

– Вы меня не поняли... Ладно, оставим Капитана Темпесту и турок и возьмемся за игру. Мне неохота завтра биться без гроша в кармане. Чем я расплачусь с Хароном, если у меня в кармане один жалкий цехин? Чтобы переправиться через Стикс, надо заплатить, милейший синьор.

– Ну, в таком случае будьте уверены, что вы отправитесь прямиком в ад, – смеясь, сказал синьор Перпиньяно.

– Может, и так, – ответил капитан, в сердцах хватая коробочку и яростно перемешивая кости. – Ставлю еще два цехина.

Эта сцена разворачивалась под навесом просторной палатки, мало отличавшейся от тех, что ставят сейчас бродячие артисты. Палатка служила одновременно и казармой, и таверной, судя по лежащим в кружок матрасам и по бочонкам, стоявшим за широкой скамьей, где, смакуя маленькими глотками кипрское вино из большого графина, восседал хозяин заведения.

Оба игрока расположились под светильником из муранского стекла, свисавшим с центральной стойки палатки, а вокруг них столпилось человек пятнадцать наемных солдат-словенцев. Венецианская республика вербовала их в колониях в Далмации для защиты своих восточных владений, которым постоянно угрожали турецкие клинки.

Капитан Лацинский был толст и широк в плечах, с мускулистыми руками, с ежиком жестких светлых волос и огромными усами, похожими на моржовые клыки. Его красный нос выдавал в нем неисправимого выпивоху, а маленькие подвижные глазки глядели живо и задорно. И черты лица, и движения, и манера говорить – все указывало на то, что он кондотьер и профессиональный фехтовальщик.

Перпиньяно составлял полную противоположность поляку и выглядел намного моложе капитана, которому явно перевалило за сорок. Он был истинный венецианец: высокий, чуть сухопарый, но крепкий, с черными волосами, черными глазами и бледным лицом.

На первом была тяжелая кираса, а на поясе пристегнут меч. Второй же был одет, как и подобало элегантному венецианцу той эпохи: вышитый камзол, доходивший почти до колен, плотной вязки штаны в цветную полоску, туфли и голубой берет, украшенный фазаньим пером.

Он походил скорее не на воина, а на какого-нибудь пажа при венецианском доже. Все его оружие составляли шпага и короткий кинжал.

Соперники вновь принялись за игру, и на этот раз оба играли с особым азартом, а за игрой с интересом следили солдаты-славяне, стоявшие вокруг скамьи, которая служила игровым столом. Где-то далеко раздавались пушечные выстрелы, и от них дрожало пламя в светильнике.

Однако этому, похоже, никто не придавал особого значения, даже хозяин. Он не двигался с места и продолжал безмятежно потягивать сладкое кипрское вино.

Капитан, то и дело разражаясь проклятиями, успел снова проиграть с полдюжины цехинов. Тут полог палатки откинулся, и появился новый персонаж; он был закутан в длинный черный плащ, на голове – изящный небольшой шлем с тремя синими перьями. Он произнес с иронией:

– Очень интересно! Они тут играют, а там турки пытаются разрушить бастион Сан-Марко, и мины рвутся без остановки. Пусть мои люди возьмут оружие и идут со мной. Там сейчас жарко.

Пока словенцы, повинаясь приказу, разбирали алебарды, железные булавы и двуручные мечи, стоявшие в углу палатки, поляк, в скверном расположении духа из-за крупной утечки цехинов в карманы соперника, быстро поднял голову и сердито взглянул на вновь вошедшего.

– А! Капитан Темпеста! – насмешливо протянул он. – Могли бы и сами защитить бастион Сан-Марко, а не являться сюда и мешать нашей игре. Нынче ночью Фамагуста еще не падет.

Молниеносным движением Капитан Темпеста скинул плащ и схватился за рукоять шпаги, висевшей на поясе.

Он был очень молод и очень красив, даже слишком красив для военного человека: высокий, стройный, прекрасно сложенный, с угольно-черными блестящими глазами и пухлым, почти девичьим ртом, белозубый, со смуглой кожей южанина и длинными волосами цвета воронова крыла. Он походил скорее на грациозную девушку, чем на кондотьера. Костюм его отличался элегантностью и опрятностью, хотя бесконечные атаки турок вряд ли оставляли ему достаточно времени, чтобы заниматься своим туалетом.

Он был облачен в стальные доспехи, с гербом на груди, где три резные звезды венчала герцогская корона. На башмаках посверкивали золоченые шпоры, а талию обхватывал богато вышитый голубой шелковый пояс, на котором висела шпага с узким клинком и серебряной рукоятью, из тех, что были на вооружении у французов той эпохи.

– Что вы хотите этим сказать, капитан Лацинский? – не снимая руки с гарды, поинтересовался он, и его мелодичный голос как-то странно контрастировал с низким, грубым голосом поляка.

– Что турки могли бы и до завтра подождать, – пожав плечами, ответил капитан. – Впрочем, у нас достаточно сил, чтобы гнать их до самого Константинополя или до их треклятых аравийских пустынь.

– Не передергивайте карты, синьор Лацинский, – сказал юноша. – Как бог свят, вы только что намекали на меня, а вовсе не на неверных.

– По мне, что вы, что турки – все едино, – резко ответил поляк.

Он все еще пребывал в дурном расположении духа, наверное потому, что неудача преследовала его весь вечер.

Перпиньяно, будучи горячим почитателем Капитана Темпесты, под командованием которого воевал, тоже схватился за шпагу и уже хотел было броситься на поляка, но молодой человек, сохраняя удивительное хладнокровие, удержал его резким движением и сказал:

– Защитники Фамагусты слишком ценны, чтобы мы тут поубивали друг друга. Если капитан Лацинский ищет со мной ссоры, чтобы выместить свое недовольство проигрышем сегодняшнего вечера или потому, что сомневается в моих достоинствах, как я слышал...

– Я?! Клянусь бородой Магомета! – крикнул, вскочив, поляк. – Те, кто вам это наболтал, – презренные пустомели, и я их перебую, как бешеных собак, хотя...

– Продолжайте, – с завидным спокойствием произнес Капитан Темпеста.

– Есть у меня сомнения насчет вашей отваги, – ответил поляк. – Вы слишком молоды, дорогой мой, чтобы наслаждаться славой знаменитого воина, и к тому же...

– Закончите вашу мысль, – с иронической усмешкой сказал Капитан Темпеста, властным жестом остановив Перпиньяно, который снова взялся за шпагу. – Вы говорите весьма занятно, синьор.

Поляк с такой силой ударил о землю скамьей, служившей игровым столом, что она разломалась.

– Клянусь святым Станиславом, покровителем Польши! – вскричал он, нервно подкрутив густые, висящие, как у китайцев, усы. – Шутить изволите, Капитан Темпеста? Сознаетесь честно!

– Должно быть, вы и сами это заметили, – ответил юноша все так же насмешливо.

– Вы, наверное, считаете себя сильным и умелым фехтовальщиком, если осмеливаетесь подшучивать над старым польским медведем, мальчик мой, если... если вы действительно мальчик, в чем я сомневаюсь.

Юноша смертельно побледнел, и в глубине его черных глаз вспыхнул грозный огонь.

– Я четыре месяца сражаюсь в траншеях и на бастионах, мною восхищаются и мои воины, и все осажденные, – немного помолчав, сказал он. – А вы называете меня мальчиком и обращаетесь со мной как с мальчишкой! Вы, фанфарон несчастный, не уничтожили столько турок, сколько их перебил я, это вы понимаете, господин искатель приключений?

На этот раз побледнел поляк.

– Такой же искатель приключений, как и вы! – взревел он.

– Нет, не такой, на моей кольчуге есть герцогская корона.

– Да я насажу королевскую корону на свою кирасу! – смеясь, отозвался поляк. – Кто бы вы ни были, герцог или... герцогиня, не будете ли вы так отважны, чтобы повстречаться с моей шпагой?

– Герцог, говорят вам! – крикнул прекрасный юный капитан. – И мы это сейчас выясним один на один!

Словенцы, вставшие за спиной Капитана Темпесты, схватились за алебарды и шагнули вперед, словно хотели тут же наброситься на поляка и изрубить его в куски.

Даже хозяин палатки спрыгнул со скамейки и схватил пустой бочонок, намереваясь запустить им в дерзкого авантюриста. И тут Капитан Темпеста, точно так же, как он только что остановил синьора Перпиньяно, жестом, не терпящим возражений, приказал своим солдатам опустить оружие.

Капитан Темпеста жестом, не терпящим возражений, приказал своим солдатам опустить оружие.

— Вы сомневаетесь в моей отваге? — сказал он с едва уловимой иронией. — Каждый день к стенам города выходит молодой и, несомненно, очень отважный турок и вызывает наиболее искусных фехтовальщиков помериться с ним силами. Завтра он непременно явится. Вы чувствуете в себе достаточно мужества, чтобы с ним сразиться? Лично я готов.

– Да я с ним разделаюсь в один присест, – ответил поляк. – Я турок не боюсь! Я не какой-нибудь венецианец или далматинец. Туркам далеко до российских татар.

– До завтра.

– Пусть меня Вельзевул утащит в ад, если я не приду.

– Я тоже буду.

– Кто сразится первым?

– Как пожелаете.

– Поскольку я старше, то первым и приму вызов. А потом и вы себя испытаете, Капитан Темпеста.

– Пусть так, если вам угодно. По крайней мере, никто не скажет, что защитники Фамагусты поубивали друг друга.

– Так будет гораздо благоразумнее, – подмигнул поляк. – Шпага Лашинского спасет и козу, и капусту, а в войске Мустафы станет на одного воина меньше.

Капитан Темпеста взял плащ, который протянул ему один из солдат, и вышел из палатки, на ходу бросив своим людям:

– На бастион Сан-Марко. Там теперь опаснее всего, турки не перестают метать разрывные мины.

Он ушел, даже не взглянув на своего соперника, а за ним – Перпиньяно и солдаты-словенцы, вооруженные, кроме алебард, еще и тяжелыми ружьями с фитильным запалом.

Поляк остался один и, не зная, на чем выместить злобу, принялся воевать со скамейкой, окончательно разломав ее на куски. На протесты хозяина он не обратил ни малейшего внимания.

Отряд под командованием Капитана Темпесты и Перпиньяно, служившего в чине лейтенанта, направился к бастионам по тесным улочкам с двухэтажными домами.

Все окна были закрыты, фонари потушены, и потому ночь казалась особенно темной. Сыпал надоедливый мелкий дождик, а из Ливийской пустыни порывами налетал горячий ветер и свистел в черепичных крышах.

Пушка грохотала чаще, чем раньше, и время от времени одно из тяжелых каменных ядер, которые тогда использовали как снаряды, со свистом пролетало по воздуху, оставляя за собой полосу искр. Потом оно с глухим шумом падало на какую-нибудь крышу и проламывало ее, вызывая переполох у обитателей дома.

– Скверная ночь, – заметил Перпиньяно, шагая рядом с Капитаном Темпестой, который закутался в плащ. – Турки не могли найти лучшей ночи для атаки на бастион Сан-Марко.

– Бесполезная трата сил, по крайней мере сейчас, – ответил юный капитан. – Страшный час падения Фамагусты еще не пробил.

– Но пробьет достаточно скоро, синьор, если республика не поторопится нам помочь.

– Мы надеемся только на собственные шпаги, синьор Перпиньяно, да оно и к лучшему. Венецианская республика сейчас слишком занята защитой собственных колоний в Далмации. Вдоль Архипелага и в Ионическом море курсируют турецкие галеры, готовые потопить галеры венецианцев, если они выйдут нам на помощь.

– Но тогда придет день, и мы будем вынуждены сдаться.

– И позволить, чтобы нас всех перебили, ибо я знаю, что султан отдал приказ закалывать всех, в наказание за долгое сопротивление.

– Каналья! Может, мы уже будем мертвы, капитан, и не увидим этой позорной резни, – со вздохом заметил Перпиньяно. – Бедные горожане! Им было бы лучше всем оказаться погребенными под руинами своего несчастного города.

– Замолчите, лейтенант, – сказал Капитан Темпеста. – На меня и так тоска накатывает, как подумаю, что эти дикие звери из Аравийской пустыни вот-вот обрушатся на Фамагусту, одержимые жаждой крови хуже тигров.

Тем временем отряд миновал узкие улочки города и вышел на широкую дорогу между домами и высокой стеной бастиона, уже почти лишившейся зубцов. На бастионе горело множество факелов.

В их красноватом свете мелькали фигуры людей в доспехах, снующих вокруг кулеврин. Время от времени темноту разрывала вспышка, и потом долго раскатывалось эхо выстрела.

За артиллеристами угадывались длинные ряды женщин, и богато одетых, и в лохмотьях. Они тащили тяжелые мешки и вытряхивали их содержимое со стены бастиона, в любой момент рискуя получить пулю от осаждавших.

Это были доблестные жительницы Фамагусты, которые укрепляли бастион обломками своих домов, разрушенных снарядами неверных.

2

Осада Фамагусты

Для Венецианской республики, самого крупного и заклятого врага турецких властителей, 1570 год начался неудачно. С некоторых пор рычание Льва Святого Марка стало ослабевать, и он, несмотря на героические усилия жителей лагуны, получил первые раны сначала в Черногории, потом в Далмации и на островах Греческого архипелага.

Селим II, могущественный султан Константинополя, властитель Египта, Триполи, Туниса, Алжира, Марокко и половины Средиземноморья, закрепился на Босфоре, отбив атаки венгров и австрийцев и отбросив малороссийских православных. Теперь он выжидал удобного момента, чтобы навсегда вырвать из когтей Льва Святого Марка его восточные владения.

Султан был очень силен на море, и, поскольку был уверен в свирепости и фанатизме своих воинов, ему не составляло большого труда найти повод, чтобы порвать с венецианцами, и так уже проявлявшими признаки слабости и упадка.

Передача острова Кипр Венецианской республике, которую осуществила Катерина Корнаро, стала той искрой, от которой и вспыхнул порох.

Опасаясь за свои малоазиатские владения, султан незамедлительно потребовал от венецианцев вернуть остров, обвинив их в том, что они давали пристанище западным корсарам, снаряжавшим галеры против приверженцев Полумесяца.

Как и можно было предвидеть, венецианский сенат с презрением отверг посланца преданных пророку варваров и принялся готовиться к войне, собирая разбросанные по восточным странам и в Далмации силы.

В то время Кипр насчитывал всего пять городов: Никозия, Фамагуста, Баффо, Аринес и Ламиссо. Однако оказать хоть какое-нибудь сопротивление могли только два первых, у которых были крепостные башни и бастионы.

На места были сразу же отправлены приказы: насколько возможно укрепить города, прорыть траншеи в Ламиссо для венецианских отрядов, которые были уже на марше под командованием Джироламо Дзане, и срочно вызвать из Кандии флот под командованием Марко Квирини, лучшего из мореплавателей республики.

Едва объявили войну, как под защитой двухмачтовых галер Квирини в Ламиссо высадилось подкрепление, посланное сенатом.

Войско состояло из восьми тысяч пехотинцев, набранных из венецианцев и словенцев, двух с половиной тысяч всадников и большого количества артиллерии. Тогда защитников острова насчитывалось не более десяти тысяч пехоты, вооруженной алебардами и аркебузами, четырехсот солдат-далматинцев и пятисот всадников. Но к ним присоединились и обитатели острова, среди которых было немало знатных венецианцев, не гнушавшихся торговли.

Поняв, что турки уже высадились на остров двумя огромными отрядами под командованием великого визиря Мустафы, стяжавшего себе славу самого опытного и жестокого из турецких высших чинов, венецианцы разделились на два отряда и поспешили укрыться за стенами мощных бастионов в Никозии и Фамагусте, в надежде отразить натиск неприятельской орды.

Защиту Никозии приняли на себя Николо́ Дандоло и епископ Франческо Контарини. Защищать Фамагусту взялись Асторре Бальоне, Брагадино, Лоренцо Тьеполо и албанский капитан Маноли Спилотто, которым было приказано продержаться до прибытия подкрепления, которое торжественно пообещала прислать республика.

Силы Мустафы в семь или в восемь раз превосходили силы венецианцев, и он, по пути ни разу не вступив в настоящий бой, явился под стены Никозии, которую рассчитывал захватить первой. Ему казалось, эта крепость окажет более сильное сопротивление, чем другие.

Яростный штурм бастионов Подакатаро, Костанцо, Триполи и Давиле ничего не дал, наоборот, принес неверным сплошные неприятности, поскольку неожиданная вылазка венецианцев во главе с лейтенантом Чезаре Пьовене и графом Рока нанесла им ощутимый урон.

Девятого сентября 1570 года Мустафа снова ринулся в атаку и на рассвете бросил свои бесчисленные орды на штурм бастиона Костанцо, которым и овладел после отчаянной схватки.

Поняв, что они проиграли, венецианцы вступили в переговоры о капитуляции с условием, что всем будет сохранена жизнь.

Коварный визирь согласился, но, едва его орды вошли в город, он, вопреки обещанию, хладнокровно отдал приказ о поголовном истреблении и его смелых защитников, и всех горожан, им помогавших.

Первой жертвой пал храбрый Дандоло, а вместе с ним были перебиты двадцать тысяч человек, после чего город превратился в настоящее кладбище.

Спасти удалось только двадцати знатым венецианцам, с которых жестокий визирь надеялся получить богатый выкуп, да нескольким красавицам из Никозии, которых собирались отправить в рабство в Константинополь.

Ободренные легкой победой, исламские орды устремились к Фамагусте в надежде взять ее быстрым штурмом. Бальоне и Брагадино тем временем не сидели сложа руки и успели укрепить город, чтобы он мог выстоять и продержаться до прибытия подкрепления из Венеции.

Девятнадцатого июля 1571 года несметные орды турок появились под стенами города и осадили его, а на другой день предприняли штурм, однако, как и незадолго до этого в Никозии, с большими потерями были отброшены на свои рубежи.

Мустафа долго бомбардировал ядрами и разрывными минами крепкие башни и бастионы города, пытаясь их разрушить, а 30 июля снова предпринял атаку, и снова защитники Фамагусты оказались на высоте. Отстаивать город бросились все жители, включая женщин, которые отважно бились рядом с сильными воинами республики, и их не пугали ни дикие вопли штурмующих, ни их кривые сабли, ни оглушительный грохот артиллерии.

В октябре осажденные, которым с помощью молниеносных вылазок удавалось держать неприятеля на расстоянии, получили наконец обещанное подкрепление в количестве тысячи четырехсот пехотинцев, под командованием Луиджи Мартиненго, и шестнадцати пушек.

Не так уж много для города, осажденного неприятелем численностью в шестьдесят тысяч солдат, однако это подкрепление очень подняло ослабевший боевой дух осажденных и придало им силы для сопротивления.

К несчастью, продукты и боеприпасы исчезали буквально на глазах, а бомбардировки не стихали ни на миг. Город уже превратился в руины, и лишь немногие дома сохранились.

Вдобавок ко всему спустя несколько дней на Кипре появился Али-паша, адмирал турецкого флота, с флотилией в сотню галер с сорока тысячами воинов на борту.

Теперь Фамагуста оказалась в кольце огня и металла, которое никакая человеческая сила разорвать не могла. Таково было положение вещей перед событиями, рассказанными в предыдущей главе.

Едва оказавшись на бастионе, солдаты-словенцы оставили свои алебарды, в тот момент ненужные, и укрылись за немногими, еще целыми зубцами крепостной стены, заря-

див тяжелые мушкетоны³ и отчаянно дуя на фитили, а артиллеристы, почти все с венецианских галер, без устали стреляли из кулеврин.

Несмотря на предостережения своего лейтенанта, Капитан Темпеста быстро оказался у самого края бастиона, спрятавшись за остатками одного из зубцов, который при каждом выстреле кулеврины крошился все больше и больше.

На темной равнине, расстилавшейся перед измученным городом, здесь и там виднелись светящиеся точки, то и дело вспыхивали огни выстрелов, а потом раздавался грохот и свист летящих каменных ядер.

Турки, разозленные долгим сопротивлением маленького венецианского гарнизона, принялись рыть новые траншеи, чтобы штурмовать бастион с более близкого расстояния. Он уже был наполовину разрушен, но отважные женщины каждую ночь насыпали новые и новые мешки камней, чтобы его укрепить.

Время от времени самые отчаянные из осаждавших, желая пожертвовать жизнью и тем самым заслужить волшебный рай у пророка Магомета, на четвереньках забирались на эскарп бастиона. Под покровом ночи они пытались заложить мины в эту толстую стену, которую не брали никакие пушки.

Они не могли укрыться от острых глаз солдат, и те тут же стреляли в них из мушкетонов. Однако на их месте появлялись новые бесстрашные фанатики. А ужасные взрывы, от которых подпрыгивали даже кулеврины, спрятанные за зубцами стены, следовали один за другим, и от стены отваливался то угол, то кусок контрфорса, то обрушивался край оборонительного рва.

Женщины Фамагусты не покидали бастиона, готовые в любую минуту заложить пробитую в стене брешь мешками с землей и камнями. Они были спокойны и решительны, подчинялись командам отважных защитников и бесстрашно глядели на пылающие каменные ядра, летевшие по воздуху и разбивавшиеся на тысячи осколков, достигнув земли.

Капитан Темпеста молча, спокойно наблюдал за освещенным огнями турецким лагерьем. Что он там высматривал? Об этом знал только он один.

Вдруг его подтолкнули под локоть, и кто-то тихо зашептал ему в самое ухо на невообразимом неаполитанском диалекте:

– Я здесь, госпожа.

Юноша быстро обернулся, нахмутив брови, а потом, не сдержавшись, крикнул:

– Это ты, Эль-Кадур?

– Я, госпожа.

– Молчи! Не называй меня так! Здесь никто не должен знать, кто я на самом деле.

– Ты права, синьора... Синьор.

– Опять?! Пошли!

Он схватил того, кто это сказал, за руку и потащил, крепко держа, вниз с бастиона, потом втолкнул в каземат, освещенный факелом, где в эту минуту никого не было.

Человек, которого не отпускал юный капитан, был высок и очень худ, на загорелом, суровом лице с тонким носом блестели маленькие черные глаза. Одет он был как бедуин арабийских пустынь: на плечах широкая накидка из темной шерсти, с капюшоном, украшенным красными кисточками⁴, а на голове красовался бело-зеленый тюрбан. Из-за пояса, вернее, полосы красной материи, повязанной на бедрах, виднелись квадратные рукоятки двух длинноствольных пистолетов. Оружие с такими рукоятками было в ходу у алжирцев и марокканцев. Кроме пистолетов, из-за пояса торчал ятаган.

³ *Мушкетон* – короткоствольный мушкет с раструбом на конце ствола. (Примеч. перев.)

⁴ В те времена у азиатских народов – арабов, турок, персов – было в обычае украшать одежду кистями. Даже сбруя боевых коней нередко насчитывала большое количество кисточек. (Примеч. перев.)

– Ну что? – спросил Капитан Темпеста почти с яростью, и в его глазах вспыхнул огонь.
– Виконт Л'Юссьер пока жив, – ответил Эль-Кадур. – Я узнал это от одного из капитанов визиря.

– А если он тебя обманул? – дрогнувшим голосом произнес юный Капитан.

– Нет, синьора.

– Не называй меня синьорой, говорят тебе.

– Но здесь никто не может нас слышать.

– А куда его поместили? Ты знаешь, Эль-Кадур?

Араб разочарованно развел руками:

– Нет, синьора, я пока не смог узнать, но я не теряю надежды. Я подружился с одним из командиров. Он хоть и мусульманин, а пьет кипрское вино бочонками, и плевать ему на Коран и на пророка Магомета. Как-нибудь вечером я у него выведаю этот секрет. Клянусь вам, госпожа.

Капитан Темпеста, или, скорее, капитанша – ведь он оказался девушкой, – села на лафет пушки и обхватила руками голову. Ее прекрасное лицо побледнело, по щекам катились слезы.

Араб сидел напротив герцогини, плотно завернувшись в плащ, и глядел на нее с глубоким сочувствием. На его жестком, диковатом лице появилось выражение невыразимой тревоги.

– Я бы всю свою кровь отдал, синьора, только бы вернуть тебе спокойствие и счастье, и мне бы это доставило радость, – сказал он, помолчав с минуту.

– Я знаю, что ты мне предан, Эль-Кадур, – ответила девушка.

– До самой смерти, госпожа, я буду твоим верным рабом.

– Не рабом – другом.

Черные глаза араба загорелись, словно сверкающие факелы.

– Я без сожаления отрекся от своей нелепой религии, – сказал он, еще немного помолчав. – И я не забыл, как герцог Эболи, твой отец, вырвал меня в детстве из когтей изверга-хозяина, который избивал меня до крови. Так как же еще я должен поступать?

Капитан Темпеста не ответил. Казалось, его захватила какая-то мысль, и, судя по тому, какая тоска отразилась на его прекрасном лице, эта мысль вызвала печальные воспоминания.

– Лучше бы мне никогда не видеть Венеции, этой колдовской сирены Адриатического моря, и никогда не покидать лазурных вод Неаполитанского залива... – сказал он вдруг, будто разговаривая сам с собой. – Тогда не было бы в сердце этой муки... Ах, эта волшебная ночь на Большом канале, среди мраморных дворцов венецианской знати! Я снова все вижу, как будто это было вчера, и, как подумаю обо всем этом, кровь мою охватывает доселе неведомый трепет. Он был рядом со мной, прекрасный, как бог войны, он сидел на носу гондолы и, улыбаясь, произносил сладостные слова, которые проникали в самую глубину сердца, как небесная музыка. Ради меня он забывал о трагических известиях, вызывавших у всех такую тревогу. До меня они тоже доходили, и от них бледнели старейшины сената и даже сам дож. Но он знал, что избран сразиться с несметными полчищами неверных, что, может быть, его ожидает смерть и что блестящая молодая жизнь может оборваться. А он улыбался, глядя на меня, словно зачарованный взглядом моих глаз. Что же с ним сделают эти чудовища? Обрекут на медленную смерть в страшных мучениях? Не может быть, чтобы его держали просто как пленника. Его, кто наводил ужас на пашу, кто нанес столько сокрушительных поражений варварским ордам, этим волкам, вылезшим из своих нор в Аравийской пустыне. Бедный, храбрый Л'Юссьер!

– Ты его очень любишь, – сказал араб, молча выслушав ее и не сводя с нее глаз.

– Люблю! – воскликнула со страстью юная герцогиня. – Люблю, как любят женщины твоей страны!

– Может быть, еще больше, синьора, – задумчиво вздохнул Эль-Кадур. – Ни одна женщина не сделала бы того, что сделала ты: не покинула бы свой дворец в Неаполе, не переоделась бы мужчиной, не оплатила бы военную кампанию и не примчалась бы сюда, в город, осажденный тысячными ордами неверных, чтобы бросить вызов смерти.

– Как же я могла спокойно оставаться дома, когда узнала, что он здесь и что он в такой опасности?

– А ты не думаешь, синьора, что туркам, жаждущим крови и резни, в один прекрасный день удастся одолеть бастионы и они ворвутся в город? Кто тогда тебя спасет?

– Все мы в руках Божьих, – смиренно сказала герцогиня. – Впрочем, если Л'Юссьера убьют, то и я жить не стану, Эль-Кадур.

По смуглой коже араба прошла дрожь.

– Синьора, – сказал он, вставая, – что я должен делать? Мне надо затемно вернуться в лагерь турок.

– Ты должен узнать, где его держат, – ответила герцогиня. – Где бы он ни был, мы пойдем ему на выручку, Эль-Кадур.

– Я приду завтра ночью.

– Если я буду еще жива, – сказала девушка.

– Что ты такое говоришь, синьора! – в испуге вскрикнул араб.

– Я ввязалась в авантюру, которая может плохо кончиться. Что это за юный турок, который приходит каждый день на бастион и дразнит капитанов-христиан? Кто он?

– Мулей-эль-Кадель, сын паши Дамаска. А почему ты спрашиваешь, госпожа?

– Потому что завтра я выйду помериться с ним силами.

– Ты?! – изменившись в лице, воскликнул араб. – Ты, синьора? Нынче ночью я пойду и убью его прямо в палатке, чтобы больше не ходил дразнить капитанов Фамагусты.

– О, не бойся, Эль-Кадур. Мой отец считался первой шпагой Неаполя и воспитал из меня фехтовальщицу, которая может одолеть самых знаменитых капитанов Великого турка.

– А кто понуждает тебя к поединку с этим неверным?

– Капитан Лашинский.

– Это тот собака-поляк, который, похоже, питает к тебе скрытую неприязнь? От глаз сына пустыни ничто не может укрыться, и я сразу угадал в нем твоего врага.

– Да, верно, это поляк.

Эль-Кадур резко подался вперед и взревел, как дикий зверь. Юную герцогиню поразило свирепое выражение его лица.

– Где сейчас этот человек? – хрипло прозвучал его голос.

– Что ты собираешься сделать, Эль-Кадур? – мягко спросила девушка.

Араб выхватил из-за пояса ятаган, и в свете лампы сверкнуло лезвие.

– Нынче ночью эта сталь напьется крови поляка, – мрачно заявил он. – Этот человек не увидит рассвета, и никто тогда не бросит тебе вызов.

– Ты этого не сделаешь, – твердо сказал Капитан Темпеста. – Скажут, что Капитан Темпеста трусил и велел убить поляка. Нет, Эль-Кадур, ты оставишь его в живых.

– И буду наблюдать, как моя госпожа выйдет на бой с этим турком? – грозно спросил араб. – И увижу, как она замертво упадет под ударами кинжала неверного? Жизнь Эль-Кадура принадлежит вам до последней капли крови, госпожа, а воины моего племени умеют умереть за своих хозяев.

– Капитан Темпеста должен показать всем, что он турок не боится, – ответила герцогиня. – Это необходимо, чтобы ни у кого не возникло подозрений по поводу моей истинной природы.

– Я убью его, – хрипло отозвался араб.

– А я тебе запрещаю.

– Нет, синьора.

– Я приказываю тебе подчиниться.

Араб склонил голову, и в его глазах показались слезы.

– Правильно, – сказал он. – Я ведь раб и должен повиноваться.

Капитан Темпеста подошел к нему, положил ему на плечо маленькую белую руку и гораздо мягче сказал:

– Ты не раб, ты мой друг.

– Спасибо, синьора. Но знай: если этот турок тебя сразит, я вышибу ему мозги. Позволь твоему верному слуге хотя бы отомстить за тебя, если с тобой случится несчастье. Что будет стоять моя жизнь без тебя?

– Ты поступишь так, как считаешь нужным, мой бедный Эль-Кадур. Ступай, тебе надо уйти до рассвета. Если ты задержишься, то не успеешь вернуться в лагерь неверных.

– Повинуюсь, госпожа. Я быстро разузнаю, где содержат синьора Л'Юссьера, обещаю тебе.

Они вышли из каземата и взобрались на бастион, где еще громче слышались выстрелы из кулеврин и мушкетенов, которые звонко, выстрел за выстрелом, отвечали турецким пушкам, чтобы не дать им окончательно разрушить наполовину разбитые стены несчастного города.

Капитан Темпеста подошел к синьору Перпиньяно, который командовал мушкетерами, и сказал:

– Прекратите огонь на несколько минут. Эль-Кадур должен вернуться в турецкий лагерь.

– Больше ничего, синьора? – спросил венецианец.

– Нет. И называйте меня Капитаном Темпестой. Только вы трое знаете, кто я на самом деле: вы, Эриццо и Эль-Кадур. Тише: нас могут услышать.

– Простите, Капитан.

– Прекратите огонь на одну минуту. Фамагуста от этого в руины не превратится.

Герцогиня теперь командовала по-мужски, как опытный, закаленный в сражениях капитан, сухо отдавая приказания, не терпящие возражений.

Перпиньяно пошел передавать приказ артиллеристам и аркебузирам, а араб, воспользовавшись короткой передышкой, скользнул к краю бастиона. Капитан Темпеста шел радом.

– Будь осторожна с турком, синьора, – шепнул он, прежде чем перелезть через зубцы. – Если умрешь ты, умрет и твой бедный раб, но сначала отомстит за тебя.

– Не бойся, друг, – ответила герцогиня. – Я владею такими приемами шпажного боя, какие даже не снились любому из офицеров в Фамагусте. Прощай. Иди, я приказываю.

Араб в третий раз подавил вздох, пожалуй более долгий, чем первые два, уцепился за выступающие камни зубцов и исчез из виду.

– Сколько чувства в этом человеке, – тихо сказал Капитан Темпеста. – И сколько в нем, должно быть, скрыто тайной любви. Бедный Эль-Кадур! Лучше бы тебе навсегда оставаться в родной пустыне.

Он медленно вернулся назад, прячась за зубцом, а тяжелые каменные ядра продолжали бомбить бастион. Капитан сел на груды камней, сложив ладони на рукоятке шпаги, и уперся в них подбородком.

Снова один за другим зазвучали выстрелы. Артиллеристы и аркебузиры засыпали равнину свинцовым градом и шквалом картечи, чтобы арабские подрывники не смогли пройти, но те все равно прорывались с редкостным, уникальным мужеством, бесстрашно бросая вызов выстрелам венецианцев и солдат-словенцев.

Чей-то голос вывел его из задумчивости.

– Ну что, пока никаких вестей, Капитан?

К нему подходил Перпиньяно, передавший на позиции приказ не жалеть боеприпасов.

– Нет, – отозвался Капитан Темпеста.

– Но вы хотя бы знаете, что он жив?

– Эль-Кадур мне сказал, что Л'Юссьера содержат как пленника.

– А кто взял его в плен?

– Пока не знаю.

– Все-таки странно, что жестокие в сражениях турки, которые никого не щадят, оставили его в живых.

– Я тоже об этом думаю, – ответил Капитан Темпеста. – И эта мысль больше всего разъедает мне сердце.

– Чего вы опасаетесь, Капитан?

– Сама не знаю, но сердце женщины, которая любит, трудно обмануть.

– Я вас не понимаю.

Вместо ответа Капитан Темпеста поднялся со словами:

– Вот-вот рассветет, и турок придет под стены, чтобы опять бросить вызов. Пойдемте, надо подготовиться к поединку. Я либо вернусь с победой, либо погибну, тогда и все мои тревоги закончатся.

– Синьора, – сказал лейтенант, – предоставьте мне честь биться с турком. Если я паду в этом бою, некому будет плакать обо мне, ведь я последний представитель рода Перпиньяно.

– Нет, лейтенант.

– Но турок вас убьет.

По губам гордой герцогини пробежала гневная усмешка.

– Если бы я не была сильной и решительной, Гастон Л'Юссьер меня бы не полюбил, – сказала она. – Я покажу и туркам, и венецианским военачальникам, как умеет сражаться Капитан Темпеста. Прощайте, синьор Перпиньяно. Я не забуду ни Эль-Кадура, ни моего доблестного лейтенанта.

Она спокойно завернулась в плащ, горделиво положила левую руку на шпагу и спустилась с бастиона. И со стороны осажденных, и со стороны осаждавших артиллерия продолжала бить с нарастающей силой, озаряя ночь вспышками огня.

3

Дамасский Лев

Занялась заря, осветив равнину Фамагусты, покрытую дымящимися руинами. В эту ночь пушка била без остановки, и звук выстрелов, отражаясь от стен старых домов осажденного города, прокатывался по узким улочкам, заваленным грудami обломков.

Постепенно выступил из темноты огромный турецкий лагерь. Мириады и мириады шатров простирались до самого горизонта, одни высокие, разноцветные, яркие, увенчанные длинными шестами с полумесяцем наверху и конским хвостом под ним, другие поменьше.

Посреди этого хаоса возвышался самый высокий и просторный шатер визиря, главнокомандующего огромным войском. Шатер был из красного шелка, с развевающимся зеленым знаменем ислама на макушке. Уже один вид этого флага превращал неверных в фанатиков и делал из них истинных разъяренных львов Аравийской пустыни.

На краю лагеря толпилось множество людей, пеших и конных, и в первых лучах солнца сверкали их доспехи, шлемы и кривые турецкие сабли. Налитыми кровью глазами они с подозрением посматривали на Фамагусту, явно удивляясь, отчего это гнездо христиан до сих пор не уничтожено после такой неистовой ночной бомбардировки.

Капитан Темпеста, вернувшись от коменданта крепости, которого он предупредил о ссоре, произошедшей между ним и поляком, разглядывал поле из ниши между двумя зубцами стены, чудом устоявшими против огромных каменных ядер, которые усыпали обломками и осколками весь бастион.

В нескольких шагах от него поляк с помощью оруженосца пытался зашнуровать кирасу и ругался на чем свет стоит, потому что она все никак не садилась как следует. Он был немного бледен и явно нервничал, несмотря на то что, к его чести будь сказано, ему уже не впервые доводилось сражаться с неверными.

Перпиньяно и один из солдат держали под уздцы двух прекрасных лошадей, помесь итальянской и арабской пород, то и дело осматривая подпруги и бормоча про себя:

– Бывают случаи, когда плохо затянутый ремень может стоить человеку жизни.

Канонада смолкла с обеих сторон. Из неприятельского лагеря доносились голоса муэдзинов, возглашавших утреннюю молитву, которая заканчивалась призывом истребить гяуров, то есть этих псов-христиан.

Венецианцы завтракали на эскаргах Фамагусты оливками и остатками несъедобного хлеба. Провизия была на исходе, и бедные жители города, чтобы не умереть с голоду, были вынуждены питаться сушеными травами и вываренной в воде кожей.

Едва муэдзины закончили молитву, как из лагеря турок выехал всадник и галопом поскакал к стенам Фамагусты, вернее, к бастиону Сан-Марко. За ним ехал солдат, который держал легкое копье с платком белого шелка, привязанным между полумесяцем и конским хвостом.

Всадник, юноша лет двадцати четырех – двадцати пяти, был роскошно одет и хорош собой: белокожий, с черными усами и живыми, сверкающими глазами. Гребень его шлема, на манер тюрбана, был обвязан ярко-красным шелковым платком, а вершину тюрбана венчало белое страусовое перо. Грудь закрывала сверкающая узорчатая кираса, украшенная серебром, руки защищали стальные нарукавники. На плечах красовался длинный белый плащ с кистями и широкой голубой полосой по подолу.

Шелковые шальвары турецкого покроя были заправлены в короткие сафьяновые сапоги, почти целиком скрытые в широких стременах черной стали.

В руке он держал кривую турецкую саблю, а на поясе висел легкий, чуть искривленный ятаган.

Оказавшись шагах в трехстах от бастиона, он сделал знак оруженосцу, и тот воткнул копье в землю. Осажденные должны были видеть, что воин находится под защитой белого флага. Затем, с непревзойденным искусством прогарцевав несколько минут на своем белом арабском скакуне с длинной гривой, украшенной лентами и кистями, крикнул громким голосом:

– Мулей-эль-Кадель, сын паши Дамаска, в третий раз вызывает христианских капитанов сразиться с ним. Оружие холодное. Если они снова не примут вызов, я сочту их гнусными шакалами, недостойными сражаться с доблестными воинами Полумесяца! Пусть по одному выходят на поединок, если у них в жилах течет настоящая кровь! Мулей-эль-Кадель ждет!

Капитан Лацинский, который наконец надел свою кирасу как надо, шагнул вперед, поднялся на стену бастиона и, театральным жестом вытащив из ножен меч, прорычал голосом, похожим на рев быка:

– Мулей-эль-Кадель больше не явится бросить вызов христианским капитанам, потому что минут через пять я пригвозжу его к коню, как обезьяну. Мы оба поклялись тебя прикончить, неверный пес!

– Пусть выйдут по одному, – ответил турок, продолжая гарцевать на своем белом коне, словно показывая, какой он искусный наездник, – и померяются со мной силами.

– Мы готовы, – рявкнул поляк.

Потом, обернувшись к Капитану Темпесте, который садился на своего скакуна, сказал с иронией, не укрывшейся от герцогини:

– Ведь мы его убьем, правда?

– Правда, – холодно ответил он.

– Сначала бросим жребий, кому первому выходить на бой с этим негодяем.

– Как пожелаете, капитан.

– У меня в кармане заваялся цехин. Орел или решка?

– Выбор за вами.

– Я предпочитаю орла: это будет хороший знак для меня и плохой – для турка. А первым на бой выйдет тот, кому выпадет решка.

– Бросайте.

Поляк подбросил цехин и выругался.

– Решка, – сообщил он. – Теперь вы.

Капитан Темпеста взял монету и тоже подбросил.

– Орел, – сказал он своим обычным холодным тоном. – Вам первому выпало сразиться с сыном паши Дамаска.

– Да я его проткну, как сыча, – отозвался поляк. – А если промажу, то, надеюсь, вы отомстите за меня ради чести капитанов Фамагусты и всего христианского мира. Хотя я сомневаюсь и в вашем мужестве, и в твердости вашей руки.

– В самом деле? – насмешливо воскликнул Капитан Темпеста.

– Я доверяю только своей шпаге.

– А я – своей. Вперед!

Поляк вскочил на коня, железную решетку крепостных ворот подняли по приказу коменданта, воины выехали на равнину и пустили коней в галоп.

Защитники и жители Фамагусты, которым объявили, что христианские полководцы приняли вызов турка, столпились на разрушенных стенах города, с тревогой ожидая трагического поединка.

Женщины тихонько молились Мадонне, прося победы для поборников христиан, а венецианские воины и словенские солдаты надели свои шлемы и железные морионы на шпаги и алебарды и орали во все горло:

– Задайте жару этим туркам!
– Покажите неверным, чего стоят венецианские капитаны!
– Проткните дерзкого выскочку!
– Да здравствует Капитан Темпеста!
– Да здравствует капитан Лашинский!
– Принесите нам голову неверного! Да здравствует Венеция! Да здравствуют сыны республики!

Юная герцогиня и поляк ехали рядом, направляясь к сыну паши Дамаска, который поджидал их, не двигаясь с места и проверяя, насколько остро заточена сабля.

Герцогиня сохраняла хладнокровие и спокойствие, удивительное для женщины. Кондотьер же, напротив, несмотря на все свое фанфаронство, нервничал более обычного и ругал коня, чья сбруя, по его мнению, сидела не так, как надо, невзирая на усилия синьора Перпиньяно.

– Уверен, что это глупое животное сыграет со мной какую-нибудь скверную шутку как раз в тот момент, когда я насажу турка на меч. Что вы на это скажете, Капитан Темпеста?

– Мне кажется, ваш конь ведет себя, как подобает настоящему боевому скакуну, – отвечал тот.

– Вы в конях не разбираетесь, вы ведь не поляк.

– Может, и так, – отозвалась герцогиня. – Я лучше разбираюсь в ударах шпаги.

– Хм! Если я не избавлю вас от этой дубовой башки, уж не знаю, как вы ее добудете. Я в любом случае сделаю все возможное, чтобы отправить его в мир иной, и спасу вместе с вашей и свою шкуру, причем буду стараться сохранить ее в целости.

– Вот как! – только и сказала герцогиня.

– Но если он меня всего лишь ранит...

– Что тогда?

– Приму ислам и стану капитаном у турок. Для этих идиотов достаточно отречься от Креста, что же до меня, то я бы и от родины отрекся, только бы перебираться в пальцах выигранные цехины.

– Хорош христианский капитан! – произнес Капитан Темпеста, презрительно на него покосившись.

– Я кондотьер, рыцарь удачи, и мне что сражаться за Крест, что за Полумесяц – все едино. И совесть моя не страдает, – цинично заявил поляк и осклабился. – А ведь для вас все по-другому, не так ли, синьора?

– Как вы сказали? – спросил, нахмутив брови, Капитан Темпеста.

– Синьора, – повторил поляк. – Слава богу, я не такой тупица, как остальные, и я не мог не заметить, что знаменитый Капитан Темпеста – капитан в юбке. Я давно уже хочу вызвать вас на дуэль, чтобы добрым ударом шпаги разорвать вашу стальную кольчугу. Не обязательно вас ранить, просто показать всем, кто вы есть на самом деле. Вот будет смеху!

– А может, слез? – глухо спросила юная герцогиня. – Я ведь умею убивать, и, может быть, лучше вас.

– Ха! Женщина? Убивать?

– Ладно, коли уж вы узнали мою тайну, капитан Лашинский, то, если турок вас не заколет, после поединка мы устроим для жителей Фамагусты еще один спектакль.

– Какой?

– Дуэль между двумя христианскими капитанами, как между двумя смертными врагами, – холодно ответила герцогиня.

– Пусть так, однако я, со своей стороны, учитывая, что вы женщина, обещаю нанести вам как можно меньше вреда. Мне достаточно порвать вашу кольчугу.

– А я, со своей стороны, постараюсь проткнуть вам глотку, чтобы вы никому не выдали мою тайну, которая принадлежит только мне.

– Продолжим нашу беседу чуть позже, синьора, похоже, турок начал проявлять нетерпение.

Потом, после некоторого колебания, прибавил со вздохом:

– Хотя, сказать по правде, я был бы счастлив дать свое имя такой отважной женщине.

Герцогиня не удостоила его ответом и придержала лошадь.

Сын паши Дамаска теперь был не далее чем в десяти шагах от них и внимательно изучал обоих капитанов, словно оценивая их силы.

– Кто первым выйдет на поединок с молодым Дамасским Львом? – спросил он.

– Медведь Польских Лесов, – ответил Лацинский. – Если у тебя длинные и острые когти, как у зверя, что живет в пустыне или среди диких лесов твоей страны, то у меня косолапая мощь жителя болот. Я тебя разрублю надвое одним ударом меча.

Турок, видимо, решил, что это шутка, и, со смехом подняв в воздух кривую саблю, вытащил из-за пояса ятаган.

– Мое оружие ждет. Посмотрим, кто из нас прав: молодой Дамасский Лев или старый Польский Медведь.

На воинов глядели более ста тысяч глаз, ибо все огромные фаланги неверных, все как одна, выстроились вдоль края поля. Всем не терпелось увидеть, чем закончится этот рыцарский поединок.

Поляк крепко держал поводья коня левой рукой, а турок взял их в зубы, оставив руки свободными. Оба противника несколько секунд пристально глядели друг на друга, словно желая загипнотизировать.

– Поскольку Лев не атакует, атакует Медведь, – сказал капитан Лацинский, прокрутив мечом несколько мулине. – Не люблю долго ждать.

Он так резко пришпорил коня, что тот заржал от боли, и ринулся на турка, который не двинулся с места и стоял как скала, только прикрыл грудь и голову саблей и ятаганом.

Увидев, что на него несется рыцарь удачи, он одним легким движением колен неожиданно развернул своего белого арабского скакуна и так сильно рубанул саблей, что горе было бы противнику, если бы она его достала.

Поляк, должно быть, ожидал подобного сюрприза и был готов отразить атаку с удивительной ловкостью. Он начал теснить араба, нанося удар за ударом.

Оба сражались с одинаковой храбростью и мастерством, одновременно припадая к головам коней, чтобы не вылететь из седла.

Кондотьер атаковал неистово, яростно, по своему обыкновению ругаясь на чем свет стоит, чтобы если не напугать турка, то произвести на него впечатление, и клянясь при этом, что разрубит его надвое, как лягушку.

Его меч обрушивал яростные удары на саблю турка, норовя ее сломать, и несколько раз задевал доспехи противника. Но Мулей-эль-Кадель в долгу не оставался, и его сабля, скреживаясь с мечом поляка, высекала искры.

Зрители подбадривали воинов оглушительными криками.

– Жми, капитан Лацинский! – кричали с эскарпов венецианцы, видя, что турок отступает под яростными ударами кондотьера.

– Убей гяура! – неистово орали бесчисленные отряды неверных, когда Мулей, в свою очередь, наступал, заставляя своего скакуна совершать газельи прыжки.

Капитан Темпеста молча сидел на коне, не двигаясь с места и внимательно следя за выпадами и парированиями противников, главным образом изучая манеру молодого Дамасского Льва на случай, если придется с ним биться.

Она была ученицей своего отца и снискала себе славу первой шпаги Неаполя, города, где воспитывались самые знаменитые фехтовальщики. Неаполитанская фехтовальная школа почиталась во всей Европе. И сейчас герцогиня чувствовала себя вполне в состоянии сразиться с турком и победить, не подвергая себя большому риску.

Дуэль между тем продолжалась и становилась все яростнее. Поляк, который рассчитывал больше на свою силу, чем на ловкость, понял, что Дамасский Лев обладает стальной мускулатурой и невероятной выносливостью. И тогда он решил применить один из секретных приемов, которым обучали воинов в те времена.

На этом он и проиграл. Турок тоже, скорее всего, владел этим приемом. Он очень быстро увернулся от клинка и ответил таким молниеносным ударом сабли, что у бедного кондотьера не было времени его парировать. Лезвие поразило его в шею над кирасой, оставив справа глубокую рану.

– Лев победил Медведя! – крикнул турок, и сто тысяч голосов приветствовали эту неожиданную победу оглушительными воплями.

Поляк выронил меч. Короткий миг он прямо держался в седле, зажав рукой рану, словно хотел остановить кровь, струившуюся по кирасе, потом рухнул на землю, гремя доспехами, и застыл у ног коня, который сразу остановился.

Капитан Темпеста и глазом не моргнул. Он поднял шпагу, подъехал к победителю и холодно сказал:

– Начнем, пожалуй, синьор!

Турок посмотрел на юную герцогиню с удивлением и симпатией, потом сказал:

– Но вы же еще мальчик!

– Что вам за забота, синьор. Желаете немного передохнуть?

– В этом нет нужды. С вами я быстро разделаюсь. Вы слишком слабы, чтобы сразиться с Дамасским Львом.

– Зато шпага крепка, – ответила герцогиня. – Берегитесь, я вас убью!

– Значит, вы тот львенок, что будет опаснее Польского Медведя?

– Не исключено.

– Скажите же, по крайней мере, ваше имя.

– Меня зовут Капитан Темпеста.

– Оно для меня не новость.

– Так же как и ваше имя для меня.

– А вы храбрец.

– Не знаю. Берегитесь: я атакую.

– Я готов, хотя мне и придется убить красивого мальчика, такого честного и храброго.

– Говорю вам: следите за концом моей шпаги. За святого Марка!

– За пророка!

Герцогиня, которая, помимо искусства владения шпагой, была еще и непревзойденной наездницей, ослабила поводья и со шпагой в вытянутой руке, как ураган, понеслась на турка.

Тот едва успел закрыться саблей, а она сделала резкий выпад в направлении горла, чтобы не затупить шпагу о кирасу.

Мулей-эль-Кадель был начеку и быстро отразил удар, но не до конца. Шпага отважной девушки, поднятая довольно высоко, поразила его в гребень шлема. Шлем упал с головы и откатился шагов на десять.

– Блестящая посылка, – сказал Дамасский Лев, удивленный молниеносным броском. – Этот мальчик бьется лучше Польского Медведя.

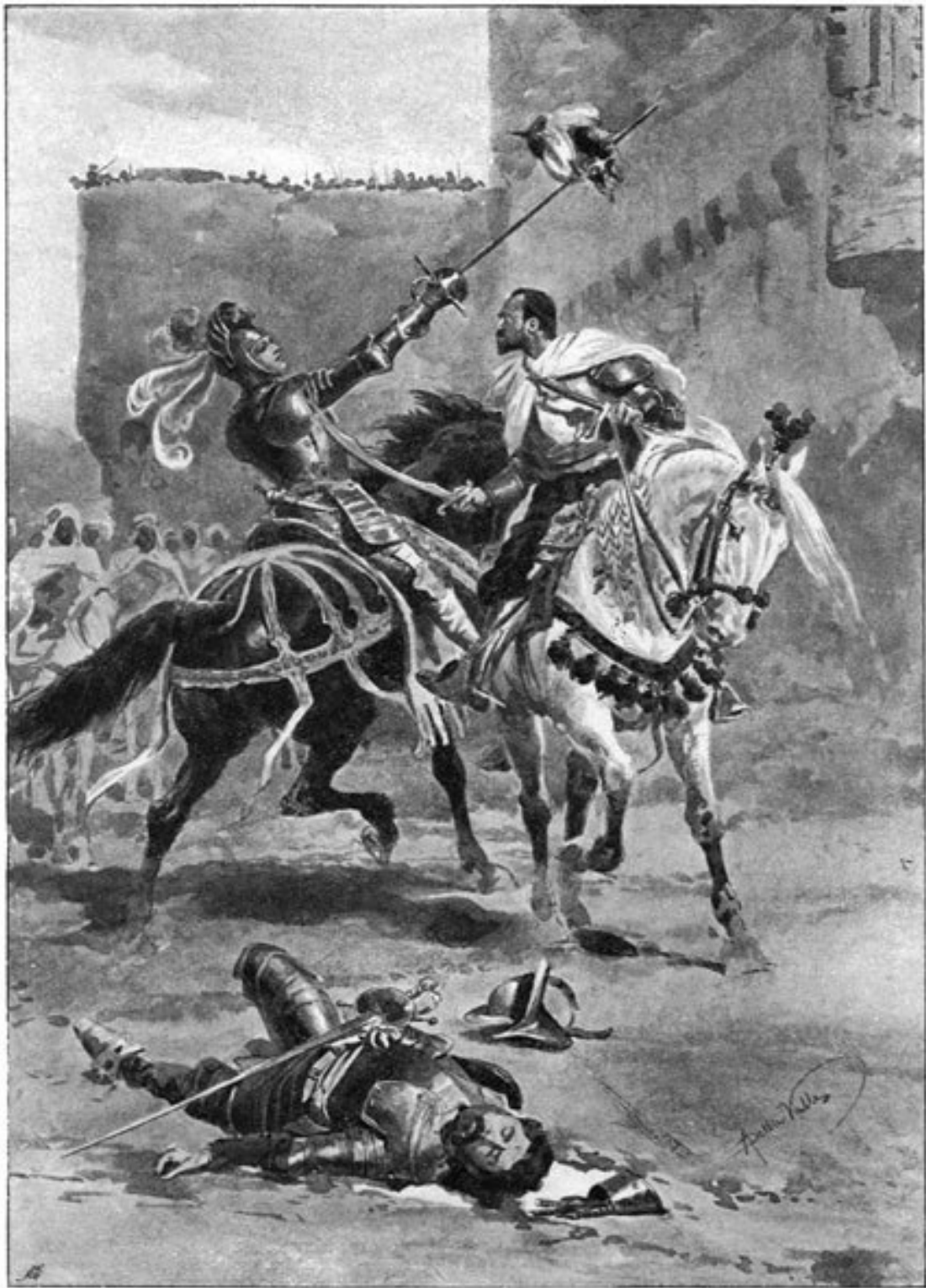
Капитан Темпеста проскакал еще метров двадцать, потом быстро развернул коня и точно так же, со шпагой в вытянутой руке, снова ринулся в атаку, готовый нанести удар.

Он объехал турка слева, ловко отразив удар сабли, и принялся кружить вокруг него, постоянно прищипывая коня, чтобы тот двигался быстрее.

Мулею-эль-Каделю, которого удивил подобный маневр, было нелегко выдерживать натиск проворного противника. Его арабский скакун ошалело вставал на дыбы, чтобы оказать сопротивление коню юного Капитана, у которого внутри, казалось, горел огонь.

И турки, и христиане надрывались от крика, подбадривая своих бойцов:

- Прижми его, Капитан Темпеста!
- Виват защитник Креста!
- Убей гяура!
- Аллах! Аллах!

Шпага отважной девушки, поднятая довольно высоко, поразила его в гребень шлема.

Герцогиня, сохранявшая удивительное спокойствие, принялась понемногу теснить турка. Ее огромные черные глаза сверкали, лицо покраснелось, яркие губы дрожали, ноздри расширились, вбирая терпкий запах пыли.

Она все быстрее кружила вокруг турка, сужая круги, и его белый скакун, вынужденный вертеться на месте, быстро терял силы.

– Берегитесь, Мулей-эль-Кадель! – крикнула она вдруг.

Не успела она произнести предупреждение, как ее шпага вонзилась турку в правую подмышку, в то место, что не было защищено кирасой.

Мулей-эль-Кадель вскрикнул от гнева и боли, а орды варваров оглушительно взревели, как ревет приливная волна в узком проливе в бурную ночь.

А на эскаргах Фамагусты венецианские воины размахивали флагами и платками, поднимали на копьях и алебардах свои шлемы и кричали что было мочи:

– Да здравствует наш юный Капитан! Лашинский отомщен!

Вместо того чтобы наброситься на раненого и добить его, на что она имела полное право, герцогиня остановила коня и с гордостью и сочувствием посмотрела на молодого Дамасского Льва, который неимоверным усилием держался в седле.

– Вы признаете себя побежденным? – спросила она, подъехав к нему.

Мулей-эль-Кадель попытался поднять саблю, чтобы продолжить поединок, но силы неожиданно оставили его.

Он зашатался, сидя в седле, вцепился в гриву коня и упал на землю, так же как и поляк, с гулким звоном стальных доспехов.

– Убейте его! – ревели воины Фамагусты. – Никакого сочувствия этому псу, Капитан Темпеста!

Герцогиня спешила, держа в руке шпагу с окровавленным концом, и подошла к турку, который с трудом поднялся на колени.

– Я победила, – сказала она.

– Убейте меня, – отозвался Мулей-эль-Кадель, – это ваше право.

– Капитан Темпеста не убивает тех, кто не может защищаться. Вы храбрый воин, и я дарю вам жизнь.

– Никогда не думал, что христиане так добры, – еле слышно ответил Дамасский Лев. – Благодарю. Я не забуду великодушия Капитана Темпесты.

– Прощайте, синьор, желаю вам поскорее выздороветь.

Герцогиня направилась к своему коню, но тут ее остановил дикий рев.

– Смерть гяуру! – кричали сотни голосов.

Восемь или десять всадников с саблями наголо во весь опор скакали с турецкой стороны, чтобы наброситься на Капитана Темпесту и отомстить за поражение Дамасского Льва.

С эскарпов Фамагусты раздались возмущенные крики христиан:

– Скоты! Предатели!

Мулей-эль-Кадель из последних сил поднялся на ноги, он был бледен, глаза сверкали гневом.

– Презренные ничтожества! – громко крикнул он, повернувшись к соотечественникам. – Что вы делаете? Остановитесь, или я завтра же прикажу вас всех посадить на кол как недостойных принадлежать к честным и доблестным воинам!

Смущенные и напуганные всадники остановились. В этот момент с бастиона Сан-Марко грохнули два выстрела кулеврины, и туча картечи поразила их, опрокинув семерых из них на землю вместе с конями.

Остальные поспешили ретироваться и бешеным аллюром поскакали к турецкому лагерю под хохот и свист своих же товарищей, которые явно не одобрили эту неожиданную выходку.

– Вы заслужили этот урок, – сказал Дамасский Лев, которого поддерживал оруженосец.

Турецкая артиллерия не ответила на залпы кулеврин христиан.

Капитан Темпеста, все еще со шпагой в руке, готовый дорого отдать свою жизнь, сделал Мулей-эль-Каделю прощальный знак левой рукой, вскочил на коня и поскакал к Фамагусте. Христиане приветствовали его шквалом рукоплесканий.

Тем временем поляк, который был всего лишь ранен, медленно поднял голову и следил глазами за удаляющейся всадницей.

– Надеюсь, мы еще увидимся, девочка, – пробормотал он.

Это движение не укрылось от Мулея-эль-Каделя.

– А ведь он не умер, – сказал он оруженосцу. – Значит, живуч Польский Медведь?

– Прикончить его? – спросил оруженосец.

– Подведи меня к нему.

Опираясь на солдата и зажав рукой рану, из которой ручьем текла кровь, он подошел к капитану.

– Хотите меня прикончить? – прохрипел Лацинский. – Теперь я ваш единоведец... потому что я отрекся от креста. Вы убьете мусульманина.

– Я прикажу, чтобы вас лечили, – ответил Дамасский Лев.

– Этого я и хотел, – прошептал про себя искатель приключений. – Ну, Капитан Темпеста, ты мне за все заплатишь!

4

Жестокость Мустафы

После рыцарского поединка слава Капитана Темпесты выросла, и теперь его стали считать лучшей шпагой Фамагусты. Орды турок продолжали осаду несчастного города, но, против ожиданий осажденных христиан, с гораздо меньшей интенсивностью.

Казалось, после поражения Дамасского Льва осаждавшие подрастеряли свой пыл. Они уже не бросались на приступ с недавним ожесточением, да и бомбардировки стали намного слабее.

Главнокомандующий ордами варваров Мустафа не выезжал каждое утро после молитвы, как раньше, осматривать штурмовые колонны и не показывался среди артиллеристов, чтобы подбодрить их своим присутствием.

Над огромным лагерем не разносились больше дикие крики, обычно кончавшиеся бешеным улюлюканьем, означавшим «смерть и истребление врагам Полумесяца». Даже боевые трубы притихли, и не слышно было барабанной дроби кавалерии.

Казалось, кто-то отдал несметному войску приказ соблюдать полную тишину.

Христианские командиры тщетно пытались объяснить эту загадку. Это не было время Рамадана, мусульманского праздника, во время которого почитатели пророка прерывают даже военные действия, чтобы предаться молитве и посту.

Не могло быть и такого, чтобы великий визирь отдал приказ соблюдать тишину ради скорейшего выздоровления Дамасского Льва, который, в конце концов, был всего лишь сыном паши.

Капитан Темпеста и его лейтенант ждали объяснения этого из ряда вон выходящего факта от Эль-Кадур, который один мог что-то сказать, но араб после того ночного разговора в Фамагусте не появлялся.

Неожиданное бездействие неприятеля не прибавляло мужества осажденным: запасы еды в городе таяли и голод все сильнее заявлял о себе. Особенно страдали те жители, чей рацион и так много недель состоял из оливкового масла и вываренной кожи.

Прошло немало дней, когда противники обменивались всего лишь редкими выстрелами из кулеврин. Однажды ночью, когда Капитан Темпеста и Перпиньяно дежурили на бастионе Сан-Марко, они увидели, что к ним по разрушенному турецкими минами эскарпу с ловкостью обезьяны карабкается какая-то тень.

– Это ты, Эль-Кадур? – спросил Капитан Темпеста, на всякий случай опустив аркебузу, которую уже приладил к парпету, запалив фитиль.

– Да, господин, – отозвался араб. – Не стреляйте.

Он уцепился за зубец стены, легко вылез на парпет и спрыгнул прямо под ноги Капитану Темпесте.

– Вы, наверное, беспокоились, почему меня так долго нет, хозяин? – спросил араб.

– Я уж думал, тебя разоблачили и убили, – ответил Капитан Темпеста.

– Будьте уверены, господин, они во мне не сомневаются, – сказал араб. – Хотя... в тот день, когда вы вышли на поединок с Дамасским Львом, они видели, как я заряжаю пистолеты, чтобы убить его, на тот случай, если вы его раните.

– Как он? Поправляется?

– Должно быть, у Мулея-эль-Каделя толстая шкура, господин. Он уже выздоравливает и через пару дней снова вскочит на коня. О! У меня есть еще одна важная новость, которая вас очень удивит.

– Что за новость?

– Поляк тоже быстро поправляется.

– Лацинский? – в один голос воскликнули капитан и лейтенант.

– Он самый.

– Значит, тот удар сабли его не сгубил?

– Нет, господин. Похоже, у Медведя Польских Лесов крепкие кости.

– И его не прикончили?

– Нет, он отрекся от Креста и принял веру в пророка, – ответил Эль-Кадур. – У этого авантюриста безразмерная душа, он одновременно поклоняется и Кресту, и Полумесяцу.

– Презренный тип! – возмущенно воскликнул Перпиньяно. – Сражаться против нас, своих братьев по оружию!

– Как только он выздоровеет, его сделают капитаном турецкого войска. Ему пообещал это звание один из пашей.

– Этот человек, наверное, смертельно меня ненавидит, хотя я не сделал ему ничего плохого, разве что...

– Что такое, капитан? – спросил венецианец, поскольку тот вдруг неожиданно умолк.

Вместо ответа Капитан Темпеста спросил у араба:

– Пока ничего?

– Ничего, господин, – с отчаянием произнес Эль-Кадур. – Я не знаю, почему они держат в тайне место, где находится синьор Л'Юссьер.

– Но не может такого быть, чтобы этого никто не знал, – вздохнул Капитан Темпеста. – А что, если его убили? О боже! Даже подумать страшно!

– Нет, господин, он жив, это точно. Думаю, его держат в каком-нибудь из береговых замков, в надежде заставить его принять ислам. Он ценный воин, и турки охотно принимают таких, как он, в свои ряды. Им нужны дельные командиры для бесчисленных, но абсолютно недисциплинированных орд.

Капитан Темпеста опустился на груды обломков, словно его одолела внезапная слабость.

Оба, и араб и Перпиньяно, смотрели на него с глубоким сочувствием.

– Неужели я никогда не узнаю, что с ним случилось? – прошептала сквозь глухое рыдание юная герцогиня.

– Не отчаивайтесь, господин, – сказал араб. – Я не откажусь от своих ночных вылазок, пока не узнаю, где его держат. Но узнать, что он жив, – уже немало.

– Но у тебя нет тому доказательств, мой добрый Эль-Кадур.

– Это правда, но, если бы его убили, в лагере наверняка бы об этом знали.

– Но тогда почему они так тщательно скрывают, где он?

– Не знаю, господин.

В этот момент ночную тишину разорвал ужасающий грохот.

В турецком лагере взвизгнули трубы и зарокотали барабаны, раздались крики и выстрелы.

Словно по волшебству, зажглись тысячи и тысячи факелов, и по широкому полю побежали огоньки, собираясь там, где возвышался шатер великого визиря, главнокомандующего турецкой орды.

Капитан Темпеста, Перпиньяно и Эль-Кадур тотчас приникли к парпету, а часовые христиан затрубили тревогу. Венецианские воины выбежали из казематов, где они отдыхали, схватили оружие и устремились к стенам города.

– Турки готовятся ко всеобщему наступлению, – сказал Капитан Темпеста.

– Нет, господин, – спокойным голосом отозвался араб. – Это восстание в турецком лагере, оно готовилось вплоть до сегодняшнего утра и вот теперь началось.

– Восстание против кого?

– Против великого визиря Мустафы.

– Но какова цель восставших? – спросил Перпиньяно.

– Заставить его возобновить осаду города. Войска уже восемь дней бездействуют, и они ропщут.

– Ну да, мы это заметили, – сказал Перпиньяно. – Может, великий визирь заболел?

– Да нет, он в добром здравии. А вот сердце его в цепях.

– Что ты хочешь этим сказать, Эль-Кадур? – спросил Капитан Темпеста.

– Его очаровала девушка-христианка из Канеи. Визирь в нее влюбился, и не исключено, что это по совету красавицы он дал нам передышку.

– Разве женские глаза могут иметь такое влияние на жестокого воина? – заметил лейтенант.

– Говорят, она удивительная красавица. Однако я не хотел бы оказаться на его месте, ибо все войско требует ее казни, потому что считает ее единственным препятствием военным действиям.

– И ты думаешь, визирь подчинится требованиям своих солдат? – спросил Капитан Темпеста.

– Вот увидите, он не осмелится упорствовать, – ответил араб. – У султана повсюду свои шпионы, недаром он сразу узнал о недовольстве среди воинов. Он не преминет послать главнокомандующему шелковый шнурок, а вы знаете, что это означает: либо встать по стойке смирно, либо повеситься.

– Бедная девушка! – с сочувствием воскликнул Капитан Темпеста. – И что же дальше?

– Когда красавица прекратит свое существование, можете сразу ожидать бешеного штурма. Орды мусульман устали от долгой осады, они, как бурное море, обрушатся на Фамагусту и все сметут на своем пути.

– Мы будем готовы встретить их так, как они того заслуживают, – сказал Перпиньяно. – Наши шпаги и кирасы крепки, и сердца наши не дрогнут.

Араб с тревогой посмотрел на герцогиню, покачал головой и произнес со вздохом:

– Их слишком много.

– Ну, по крайней мере, они не двинутся на штурм города неожиданно.

– Я всегда сумею вас вовремя предупредить. Мне вернуться в турецкий лагерь, господин?

Капитан Темпеста не ответил.

Облокотившись о парапет, он вслушивался в грозные крики осаждавших и беспокойно вглядывался в мириады факелов, лихорадочно двигавшихся вокруг шатра великого визиря.

В этом гуле, похожем на шум моря в штормовую погоду, ясно выделялись тысячи голосов, которые ритмично скандировали:

– Смерть рабыне! Выдайте нам ее голову!

Потом крики и вопли перекрыли звуки труб, дробь барабанов и выстрелы. Голоса смешались в один оглушительный рев, словно в лагерь неверных внезапно сбежались легионы диких зверей из всех африканских и азиатских пустынь.

– Господин, так мне вернуться в лагерь? – повторил свой вопрос араб.

Капитан Темпеста вздрогнул и отозвался:

– Да, ступай, мой добрый Эль-Кадур. Воспользуйся коротким затишьем и не прекращай поисков, если хочешь видеть меня счастливой.

В глазах сына пустыни промелькнула тень бесконечной грусти, и он произнес с покорностью:

– Я сделаю все, что вы хотите, господин, чтобы увидеть, как улыбаются ваши прекрасные губы и со лба исчезают морщинки.

Капитан Темпеста знаком велел лейтенанту остаться и проводил араба к парапету бастиона.

– Ты сказал, капитан Лашинский жив.

– Да, синьора, и, похоже, умирать не собирается.

– Следи за ним.

– Чего вы боитесь, хозяйка? Чем опасен этот отступник? – спросил араб, угрожающе выпрямившись во весь рост.

– Я чую в нем врага.

– А с чего бы ему вас ненавидеть?

– Он догадался, что я женщина.

– Может, он в вас влюбился?

Лицо Эль-Кадура вдруг исказила гримаса гнева.

– Кто его знает. Может, он ненавидит меня, потому что я, женщина, победила в поединке Дамасского Льва, а может, тайно влюблен. Человеческую душу понять нелегко.

– Виконт Л'Юссьер – да, но этот поляк – ни за что! – дрожащим голосом сказал араб.

– Ты, значит, решил, что я могу полюбить этого авантюриста?

– Никогда даже мысли такой не было, но если... У Эль-Кадура есть на поясе ятаган, и он по рукоять воткнет его в грудь отступника.

В этот миг на лице дикого сына Аравийской пустыни отразился такой гнев и такое отчаяние, что Капитан Темпеста был потрясен и тронут.

– Не бойся, мой бедный Эль-Кадур, – сказала герцогиня. – Или Л'Юссьер, или никто. Я слишком люблю этого храбреца.

Араб прижал руку к сердцу, при этом впившись в грудь ногтями, словно хотел унять его частые удары, склонил голову и спрятал лицо в высокий воротник плаща.

– Прощайте, синьора, – сказал он через несколько мгновений. – Я прослежу за этим человеком, в котором тоже чую врага вашего счастья, но следить буду, как следит лев за вожаком дичи. Стоит вам приказать – и ваш бедный раб его убьет.

Не дожидаясь ответа герцогини, он вскочил на парапет, прыгнул вниз на эскарп и быстро исчез в темноте.

Юная герцогиня стояла не двигаясь и старалась разглядеть в ночном мраке тюрбан своего верного слуги.

– Как, должно быть, кровоточит его сердце! – прошептала она. – Бедный Эль-Кадур. Уж лучше бы мой отец не освобождал тебя от жестокого хозяина.

Увидев, что она одна, к ней подошел Перпиньяно.

– Кажется, турки успокоились, – сказал он. – Может, убили-таки рабыню-христианку? Эти каналы на все способны: когда ими овладевает гнев, они не щадят ни женщин, ни детей.

– К сожалению, – вздохнула герцогиня.

И действительно, в турецком лагере больше не было слышно ни кавалерийских барабанов, ни труб. А вот мириады огоньков то собирались в группы здесь и там, то рассыпались по огромному полю длинными рядами, образуя причудливые светящиеся линии, хорошо заметные в темноте дождливой ночи.

Христианские командиры, понимая, что по крайней мере этой ночью враг не пойдет на штурм города, распустили свои отряды по казематам, усилив охрану на главных бастионах, особенно возле кулеврин.

Как и предсказывал Эль-Кадур, ночь прошла спокойно, и осажденные смогли спокойно отдохнуть.

Едва занялась заря, прогнав с неба ночные звезды, от турецкого лагеря отделились четыре всадника с полотнищами белого шелка, привязанными к алебардам. Парламентеры подъехали к бастиону Сан-Марко, где на площадке обычно собирались командиры христиан, и запросили короткое перемирие, дабы они могли присутствовать при необыкновенном зрелище, которое, как они уверяли, должно было повлиять на исход военных действий.

Решив, что речь идет об очередном вызове на поединок, как случалось довольно часто, венецианские воины, не желавшие к тому же раздражать варваров, в чьих руках продолжала оставаться судьба злосчастного города, посоветовались и дали согласие, пообещав не открывать огонь до полудня.

Десятью минутами позже, когда всадники вернулись в лагерь, осажденные, которые собрались на стенах и бастионах, не доверяя обещаниям варваров, увидели, как бесчисленные орды неприятеля распределяются по равнине и выстраиваются в батальоны, как для парада.

Первыми выдвинулись артиллеристы в разноцветных одеждах и широких шароварах, за ними великолепные арабские кони в красных потниках, с гривами, украшенными перьями и кистями, тащили двести кулеврин. Далее показались янычары – свирепые воины, составлявшие основу турецкого войска. Они не знали страха смерти, и, уж если бросались в бой, их не могли остановить ни мечи, ни кулеврины, ни мушкеты.

За янычарами шли албанцы в пышных костюмах с широкими и короткими белыми юбочками и в огромных богатых тюрбанах, с длинноствольными пистолетами и ятаганами за поясом; далее отряды наемников из Малой Азии, вооруженные аркебузами, алебардами и даже арбалетами столетней давности, сверкая стальными кольчугами и большими щитами времен Крестовых походов. И наконец – колонны арабских и египетских всадников в белых плащах, украшенных по краям красной каймой с кистями.

Под звуки труб и грохот барабанов несметное войско стало выстраиваться на широкой равнине огромным полукругом, края которого терялись за горизонтом.

– Они что, хотят нас напугать, выставя напоказ мощь своих полков? – спросил Перпиньяно Капитана Темпесту, который не без ужаса наблюдал за этой чудовищной массой воинов.

– Не знаю, – ответила юная герцогиня, – но что-то должно произойти.

Колонны расступились прямо напротив бастиона Сан-Марко, и осажденные увидели великого визиря Мустафу, в вороненых стальных доспехах, в большом тюрбане с султаном, который сверкал, словно усыпанный бриллиантами.

Он сидел на белом арабском скакуне с длинной гривой, в неслыханно роскошной сбруе. На голове у коня красовался огромный султан из страусовых перьев, широкие поводья, какими и в наше время пользуются марокканцы и берберы, были украшены резным узором с позолотой, кармазинный бархатный чепрак с золотыми кистями доходил до самой холки, а на пистолетных кобурах, обшитых голубым бархатом, красовались серебряные полумесяцы.

За Мустафой ехал араб с длинной трубой и зеленым шелковым флагом, а за ним, на белой кобылке, девушка, укрытая белоснежным покрывалом с золотыми звездами, которое закрывало ей лицо. За девушкой следовали паша и капитаны в сверкающих серебром кирасах, а за ними – роскошно одетые всадники в гигантских тюрбанах, с копьями, на верхушках которых красовался полумесяц, а под ним – конский хвост.

Он вдруг поднял коня на дыбы, встал на коротких широких стременах и резким ударом рубанул девушку по шее...

Великий визирь ехал шагом, сдерживая одной рукой своего скакуна, а другой гордо упираясь в бок. Он приблизился к бастиону Сан-Марко метров на триста, пристально оглядел христианских командиров, стоявших на эскарпе, потом выхватил саблю, повернулся к своим воинам и крикнул громовым голосом:

— Смотрите, как ваш визирь порвет свои цепи!

Он вдруг поднял коня на дыбы, одним прыжком поравнявшись с белой кобылой, встал на коротких широких стремянах и резким ударом рубанул девушку по шее, заставив голову отлететь на несколько метров. Голова, несомненно, принадлежала красавице.

Обезглавленное тело еще несколько мгновений оставалось в седле, орошая кровью белое покрывало, а затем сползло на землю, исторгнув у христиан вопль ужаса.

Великий визирь вытер саблю о чепрак своего коня, хладнокровно вложил ее в ножны и погрозил Фамагусте сжатым кулаком. Над равниной разнесся его громовой голос:

– А теперь, гяуры, вы заплатите за кровь, которую я пролил! Увидимся этой ночью!

5

Штурм Фамагусты

Угроза великого визиря произвела на христианских командиров глубокое впечатление. Им была известна храбрость и необычайная стойкость этого полководца, которому до сих пор всегда доставалась улыбка победы, несмотря на исключительную доблесть венецианцев.

Командиры христиан понимали, что нынче ночью им предстоит выдержать неистовый штурм, не идущий ни в какое сравнение с тем, что было раньше, и сознавали свою слабость после того, как мины сильно разрушили стены города и бастионы. А потому, посоветовавшись с губернатором, быстро заняли диспозицию, необходимую, чтобы отразить огромную опасность, которая угрожала городу.

Сторожевые посты были удвоены, особенно на башнях, защищающих глубокие рвы, хотя рвы уже настолько были засыпаны обломками, что вряд ли могли служить заслоном. А кулеврины расставили по наиболее высоким точкам, чтобы расстреливать неприятеля картечью.

Жителей города предупредили о готовящемся штурме, и они знали, что, если туркам удастся прорваться за стены, турецкие сабли никого не минуют. И все-таки, несмотря ни на что, ослабленные голодом люди с готовностью пришли укреплять наиболее пострадавшие от мин бастионы обломками собственных домов, тоже разрушенных почти до основания.

Все были охвачены сильной тревогой, ибо инстинктивно чувствовали, что конец Фамагусты близок и предстоит ужасная битва на уничтожение.

Турецкое войско в двадцать раз превосходило осажденных численностью и было уверено в своей несокрушимой силе и непобедимой мощи артиллерии. Турки устали от долгой изматывающей осады и собирались предпринять одну из мощнейших атак, которой ничто не могло противостоять: ни твердость сердец, не знающих страха, ни отчаянная храбрость, ни несокрушимая вера.

Весь день осаждавшие вели себя спокойно, ограничиваясь единичными выстрелами из кулеврин: скорее, для пристрелки, чем с целью разрушить оборонительные сооружения осажденных. Но в самом турецком лагере наблюдалось необычное оживление.

Группы всадников курсировали от шатра великого визиря и паши к дальним флангам войска, развозя приказы; артиллерию подводили ближе к траншеям; по всей равнине попластунски, как змеи, расползались минеры, стараясь не попасть под залпы картечи.

Командиры христиан – Брагадино, Мартиненго, Тьеполо и албанец Маноли Спинотто – после совещания с губернатором Асторре Бальоне решили предварить наступление турок мощной бомбардировкой, чтобы не подпустить минеров и не дать туркам расставить артиллерию в наиболее выгодных местах.

И действительно, сразу после полудня все орудия, расположенные на бастионах и башнях, открыли шквальный огонь, усеивая равнину картечью и каменными ядрами, а самые ловкие из аркебузирова, прячась за парапетами и зубцами стен, состязались друг с другом, кто уничтожит больше минеров, которые подползали и подползали, укрываясь за неровностями почвы.

Оглушительная канонада продолжалась до захода солнца. Осаждавшие понесли немалые потери, включая множество разнесенных в клочья кулеврин. Затем, как только тьма сгустилась, зазвучали трубы, призывающие всех на защиту крепостных стен.

Турецкое войско широким фронтом распределялось по равнине, готовясь к штурму.

Из лагеря турок слышались звуки труб и грохот барабанов. Время от времени до венецианцев долетали устрашающие крики, зловещим эхом отдаваясь в ушах, а короткие

секунды тишины заполняли вопли муэдзинов, которые ободряли сынов ислама и укрепляли в них привычный фанатизм.

– Во имя Аллаха! Крушите! Убивайте! Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет – пророк его!

Христиане сосредоточили силы обороны на бастионе Сан-Марко, ибо знали, что это место – ключ к Фамагусте и главный удар неприятеля придется именно сюда.

Лучшие командиры, и среди них Темпеста, стянули сюда свои отряды и разместили на бастионе двадцать самых крепких и надежных кулеврин.

Кулевринами управляли по большей части венецианские моряки, признанные непревзойденными мастерами своего дела. Огонь из этих орудий должен был проделать большие бреши в турецких колоннах, которые наступали плотными рядами, открыто бросая вызов смерти.

Осажденные отстреливались и с башен, целясь в основном в кавалеристов, которые скакали во всех направлениях, пытаясь полностью окружить крепость, чтобы все, кто попытается ее покинуть, напоролось на их острые сабли.

Как только все открыли огонь, по бастиону вскарабкался Эль-Кадур и подбежал к Капитану Темпесте. Он покинул лагерь, как только началась атака.

– Синьора, – сказал он дрожащим голосом, глядя на нее с величайшей тревогой. – Смертный час Фамагусты вот-вот пробьет. Если не произойдет чуда, завтра утром город будет в руках неверных.

– Мы все готовы умереть, – с покорностью ответила герцогиня. – А что синьор Л'Юссьер?

– Да спасет его Господь. У вас еще есть время бежать. Если вы накроетесь моим арабским плащом, то в суматохе сможете пройти незамеченной.

– Я воин Креста, Эль-Кадур, я солдат Креста, – с гордостью ответила герцогиня. – Я не могу лишиться Фамагусту своей шпаги, мне не позволяет мой долг.

– Подумай, синьора, ведь может случиться, что завтра ты умрешь. Я знаю: великий визирь приказал не щадить никого.

– Мы сумеем умереть, как подобает тем, кто силен духом, – сказала герцогиня, сдержав вздох. – Если всем нам на роду написано умереть во время этой памятной осады, значит такова наша судьба.

– Так ты не хочешь уходить, синьора?

– Это невозможно. Капитан Темпеста не может обесчестить себя перед лицом христианского мира.

– Ладно, госпожа, – взволнованно произнес араб. – Тогда и я умру рядом с тобой.

И прошептал про себя:

– Смерть сотрет все, и бедный раб уснет спокойно.

Тем временем разразилась ужасающая канонада. Двести турецких кулеврин, считавшихся лучшей артиллерией, тоже открыли огонь, с неслыханной силой обрушив его на башни и бастионы, и без того наполовину разрушенные во время долгой осады.

Множество железных и каменных ядер долбили защитные сооружения, убивая людей, слышались непрерывные мушкетные выстрелы. Погруженная во мрак равнина казалась огненным морем, и стоял такой грохот, что бастионы дрожали, давали трещины и обрушивались вниз во рвы.

Венецианские воины, хотя и были подавлены такой шквальной кровавой атакой, не теряли мужества и держались стойко, спокойно воспринимая ужасающие вопли, несущиеся с поля. Бесчисленные орды турок, наступая, завывали, как мириады и мириады голодных волков, жаждущих человечины.

Все жители крепости, способные держать оружие, охваченные яростью, выбежали на бастионы: кто с пикой, кто с алебардой, кто с мечом или палицей. Женщины и дети с криками и плачем укрылись в соборе, под дождем падающих бомб, разрушавших последние дома, будто там, внутри храма, предсмертное рычание Льва Венецианской республики могло остановить почитателей Полумесяца и Магомета.

Над Фамагустой стоял невысшимый грохот. Под натиском неприятельской артиллерии с треском рушились крепостные башни, падали стены, погребая под собой защитников, во все стороны разлетались осколки огромных каменных ядер, убивая и воинов, и женщин, и детей.

Губернатор города Асторре Бальоне безучастно наблюдал это смертоубийство, опершись на меч и с невыразимой тоской ожидая последней атаки.

Он стоял в окружении своих капитанов и спокойным голосом отдавал приказы, уже смирившийся с тем, что длинная лента его судьбы сейчас оборвется, и готовый встретить смерть.

Он понимал, что, даже если ему и удастся выйти живым из этой схватки, визирь его все равно не пощадит. А потому он бесстрашно глядел в глаза опасности, которая подстерегала его со всех сторон, и, бесспорно, являл собой пример, достойный восхищения.

Тем временем турецкие орды, поддержанные ударами своей сильной артиллерии, крушившей стены Фамагусты, неустрашимо наступали под непрерывные вопли муэдзинов:

– Убивайте! Уничтожайте! Так велит вам пророк и Аллах!

В первых рядах атакующих, все больше распространяясь по равнине, шли янычары, жестокие и безжалостные воины. Они вели за собой албанцев и отряды рекрутов из аравийских пустынь и Малой Азии.

Минеры, продвигавшиеся впереди всего войска, не теряли времени. Пользуясь темнотой и неразберихой, они с отчаянной храбростью подползали под башни бастионов и, не думая о том, что могут взорваться сами, взметали взрывами тучи пыли, чтобы пробить бреши, в которые могла бы устремиться пехота.

Особым их вниманием пользовался бастион Сан-Марко, они норовили взорвать его со всех сторон. Ужасающий грохот слышался непрерывно, со стен рушилась облицовка, в куски разлетались зубцы.

Однако, несмотря ни на что, сыны Венецианской лагуны и скалистых гор Далмации не прекращали огонь, безжалостно выкашивая солидную часть колонн неверных и усеивая равнину трупами и ранеными.

Под дождем из каменных осколков, взлетающих в воздух при взрывах, когда от сотрясения камни буквально уходили из-под ног, в грохочущей буре из стенобитных ядер, кусков железа, пуль и огненных стрел, пущенных из арбалетов азиатской пехоты, бесстрашные бойцы, взявшись за щиты, готовились отразить натиск турецких сабель.

Грохот усиливался с каждой минутой. Неистовым воплям мусульман отвечали рыдания и молитвы женщин и крики детей. В воздухе, напоенном дымом и пылью, в грохоте пушечных выстрелов звучали колокола, созывавшие всех жителей, которые еще оставались в развалинах пылающих домов.

Орды варваров наступали, медленно, неотвратно и мощно распространяясь по равнине. Безудержным приливом они тысячами и тысячами карабкались на эскарпы, а рвущиеся повсюду мины вспыхивали в темноте кровавыми огнями и сразу гасли.

– Аллах! За пророка! Смерть гяурам! – ревели сто тысяч голосов, перекрывая грохот артиллерии.

Янычары уже добрались до бастиона Сан-Марко и приготовились его штурмовать, когда темноту вдруг разорвала ослепительная вспышка и раздался ужасающей силы взрыв.

Видимо, кусок раскаленного камня или огненная стрела попала на неразорвавшуюся мину, и она грохнула, расколов стену пополам.

В воздух взлетела туча обломков, убившая и ранившая множество янычар и смешавшая их ряды. Часть осколков обрушилась на бастион, где находились венецианцы. Капитан Темпеста стоял возле одного из уцелевших зубцов, готовый во главе своего отряда вступить с захватчиками в рукопашный бой, но тут крупный осколок попал ему в правый бок кирасы, и он упал.

Эль-Кадур был рядом и, увидев, что его госпожа, словно сраженная молнией, выронила щит и меч и упала на землю, подбежал к ней с криком тревоги и отчаяния:

– Они убили его! Они убили его!

Его голос потонул в угрожающих воплях, заглушивших даже канонаду. Янычары с пронзительным визгом ринулись на штурм, и заняться несчастной герцогиней было некому. Перпиньяно с мечом в руках бился во главе своего отряда.

Вне себя, Эль-Кадур схватил свою хозяйку в охапку, прижал ее к груди и бросился с бастиона в город, не обращая внимания на пули и осколки камней, летевшие со всех сторон.

Куда он бежал? Он один знал куда.

Пробежав метров пятьсот-шестьсот вдоль внутренней стены, он остановился под одной из старых городских башен, уже изрядно поврежденной минами. Повсюду высились груды обломков, а с вершины башни стреляли две кулеврины.

Эль-Кадур схватил свою хозяйку в охапку, прижал ее к груди и бросился с бастиона в город...

Эль-Кадур вскарабкался на одну из этих внезапно образовавшихся горок, которая увеличивалась с каждым взрывом, и пролез в тесный лаз, некогда, наверное, служивший входом в каземат.

Он двигался на ощупь, прижимая к себе юную герцогиню, и наконец осторожно положил ее на землю.

– Даже если Фамагуста падет нынче ночью, никто не найдет тело моей госпожи, – прошептал он.

Нашарив в темноте свою сумку, он вытащил огниво и кусочек трута и высек несколько искр, пока не загорелся слабый огонек.

– Они ничего не унесли из каземата, – сказал он. – Здесь найдется все необходимое.

В углу громоздились сваленные в беспорядке ящики, бочонки и прочая утварь. Он порылся в этой куче и вытащил оттуда светильник, который сразу и зажег.

Они оказались в подвальном помещении, служившем, по всей видимости, гарнизону соседнего бастиона складом. Помимо ящиков с оружием и боеприпасами, здесь были сложены матрасы, одеяла и джары – глиняные кувшины с двумя ручками, где обычно держали масло или вино, а теперь и оливки, составлявшие почти единственное питание осажденных.

Не обращая внимания на то, что у него над самой головой стреляет кулеврина и каждый выстрел оглушительным эхом отдается в каземате, араб воткнул светильник в трещину в полу и бережно переложил герцогиню на матрас.

– Не может быть, чтобы она умерла, – сдерживая слезы, бормотал Эль-Кадур. – Не может умереть женщина такой красоты и такой доблести.

Он откинул плащ девушки и внимательно осмотрел кирасу. Справа виднелась глубокая впадина с дырой посередине, откуда сочилась кровь. Осколок камня или металла, летевший с огромной скоростью, пробил даже сталь. С превеликой осторожностью расшнуровав кирасу, он сразу увидел под правым плечом девушки глубокую рану, из которой обильно текла кровь.

– Ну, если в теле нет осколков, моя госпожа выживет, – прошептал араб. – Но какой же силы был удар...

Он разорвал легкий шерстяной плащ герцогини на бинты, осмотрел кувшины и, найдя среди них один с оливковым маслом, окунул в масло бинт. Потом аккуратно перетянул рану промасленным бинтом, чтобы остановить кровь, и несколько раз изо всей силы дунул в лицо девушки, пытаясь привести ее в чувство.

– Это ты, мой верный Эль-Кадур? – вдруг сказала она, пристально вглядываясь в араба. Голос ее был еле слышен, а лицо – бледно как полотно.

– Жива! Моя госпожа жива! – воскликнул араб. – А я думал, ты умерла, госпожа.

– А что произошло, Эль-Кадур? – снова заговорила она. – Я ничего не помню... Где мы?... Что за стрельба над головой? Ты не слышишь этот грохот, от которого у меня раскалывается голова?

– Мы в каземате, синьора, и нам не страшны ни пули, ни турки.

– Турки! – вскричала она, приподнимаясь и пытаясь сесть, и глаза ее вспыхнули огнем. – Турки! Фамагуста пала?

– Пока еще нет, синьора.

– А я валяюсь здесь, когда другие идут на смерть?..

– Ты ранена...

– Верно... Вот здесь очень больно. Меня ранили мечом или пулей? Я совсем ничего не помню.

– Кусок камня пробил твою кирасу.

– Боже мой, ну и грохот!

– Турки снова пошли в атаку.

Герцогиня еще больше побледнела.

– Город сдали? – с тревогой спросила она.

– Не знаю, синьора, но мне в это не верится. Я все время слышу выстрелы кулеврин с бастиона Сан-Марко.

– Эль-Кадур, пойди посмотри, что там происходит.

– А как же ты? Как я могу оставить тебя одну?

– Ты нужнее там, на бастионе, чем здесь.

– Я не решусь, госпожа, оставить тебя.

– Иди, – властно повторила герцогиня, – иначе я встану и сама выйду из укрытия, пусть даже и умру по дороге. Сейчас ужасный момент, все воины Креста сражаются, а ты отрекся от пророка и стал таким же христианином, как и я. Иди, Эль-Кадур, я этого желаю, и убивай неверных, убивай врагов нашей религии.

Араб опустил голову, в нерешительности посмотрел на нее повлажневшими глазами, потом вытащил из ножен ятаган и бросился из каземата, бормоча на ходу:

– Да поможет мне бог христиан спасти мою госпожу!

6

Кровавая ночь

Пока араб бегом добирался до бастиона Сан-Марко, стараясь держаться поближе к домам, чтобы не попасть под ядра, которые дождем сыпались на город, пробивая крыши и обламывая деревья, турецкие орды, все-таки перейдя равнину, несмотря на шквальный огонь христиан, приступили к штурму.

Фамагусту окружало облако из огня и железа, и этот круг медленно, но верно сужался и сужался.

Главный удар был направлен на бастион Сан-Марко. На его полуразрушенные башни и стены, с улыбкой бросая вызов смерти, взбирались все новые толпы осаждавших.

Хотя янычары понесли огромные потери и равнина была усеяна их мертвыми телами, они наконец вплотную подошли к неприступному бастиону, уже частично разрушенному минами. Этот передовой отряд бросился в рукопашный бой и принялся с неукротимой силой теснить отряды словенцев и критян, защищавших бастион. А тем временем албанцы, азиаты и дикие сыны Аравийской пустыни карабкались на башни, пытаясь их захватить.

Неверные лезли по отвесному эскарпу и развалинам бастиона со злостью голодных тигров и ловкостью обезьян. Держа в зубах ятаган, а в руке саблю, они закрывались железными щитами, украшенными конскими хвостами и серебряными полумесяцами.

Картечь расстреливала их почти в упор, внося в их ряды смятение, но живые перешагивали через мертвых и умирающих, и ряды снова смыкались, голоса что есть мочи:

– Убивайте! Истребляйте! Этого желает пророк!

И отборные янычары, все как один ветераны, познавшие цену венецианским мечам на Кипре, на Черном море и на земле Далмации, шли в атаку с улыбкой на устах, с улыбкой голодного дикого зверя, жаждущего христианской крови. В своем слепом фанатизме они верили, что за сверканием неприятельской стали им откроются прекрасные лица гурий в раю, обещанном пророком. Что была для них смерть, если их, отважных воинов, ожидали нежные объятия небесных дев! Ведь они умирали на поле боя, отважно защищая Полумесяц! Разве Магомет не обещал им рай? И они наступали с яростным упорством, производя невероятный шум, бешено потрясая сверкающими саблями, а за их спинами, вся в дыму, виднелась равнина, и артиллерия грохотала, не умолкая ни на секунду, покрывая Фамагусту раскаленными пулями и каменными ядрами.

Христиане стойко выдерживали натиск несметных полчищ. Воодушевленные присутствием губернатора, чей голос, отдававший приказы, перекрывал артиллерию, они оказывали сопротивление, достойное восхищения.

Сплотившись на бастионе, они сформировали железную стену, которую не могли пробить турецкие сабли. Они орудовали палицами, сминая щиты и шлемы с гребнями, наносили сокрушительные удары мечами, снося головы и отрубая руки, пиками и алебардами пронзали врагов насквозь, в упор расстреливали из мушкетов, а кулеврины поливали их картечью, сея смерть.

Это была титаническая, гигантская схватка, вселявшая ужас и в осажденных, и в осаждавших.

Тем временем и на других бастионах и башнях шел ожесточенный и кровопролитный бой. Албанцы и рекруты из Малой Азии, в ярости от стойкого сопротивления осажденных и от собственных крупных потерь, отчаянно пытались штурмовать стены, подтаскивая бесчисленное количество лестниц, но лестницы тут же оказывались сброшенными в ров вместе с теми, кто по ним лез.

С этой стороны крепости резня достигала такого накала, что по эскарпам струилась кровь, словно на зубцах крепостной стены закололи тысячи быков. Турки гибли целыми отрядами, застреленные из мушкетов, зарубленные мечами, проткнутые копьями, но на их месте сразу же с тупым упорством оказывались новые бойцы.

С невероятным ожесточением они штурмовали башни, где с платформ непрерывно стреляли кулеврины венецианцев и где потери были особенно велики. Эти старинные, очень высокие сооружения было не так-то легко взять, потому что они на удивление стойко выдерживали и взрывы мин, и удары таранов.

Внешняя облицовка отваливалась, а внутренняя не поддавалась, настолько прочно башни были построены венецианскими инженерами.

Время от времени христиане, потеряв надежду на свои укрепления и решив, что лучше умереть с оружием в руках, чем потом дать себя убить с холодной жестокостью, разбивали зубцы палицами и секирами и обрушивали на головы штурмующих град камней, которые калечили осаждавших.

В городе повсюду сражались плечом к плечу и солдаты, и простые горожане, не уступая друг другу в храбрости и стараясь нанести жестокому врагу как можно больший урон. Сквозь грохот пушек и разрывающихся мин, крики воинов и стоны умирающих, сквозь злое бряцанье мечей и палиц, бьющих по щитам, пробивались в дымном воздухе звуки колоколов и вместе с рыданиями возносились молитвы женщин к святому Марку,покровителю Венецианской республики.

Когда Эль-Кадур, чудом уворачиваясь от раскаленных каменных ядер, которые, как болиды, оставляли за собой красные следы, добрался до бастиона Сан-Марко, сражение приняло устрашающие размеры.

Небольшие отряды христиан, которых теснили неистовые атаки неверных и выкашивал огонь тяжелых кулеврин, стоявших на равнине, были измотаны непрерывным боем, длившимся уже три часа, и они начали понемногу отступать.

Теперь они сражались за бруствером из мертвецов. Весь бастион был покрыт телами тяжелораненых солдат. Неверные быстро их приканчивали, перерезая им горло ятаганами. Повсюду валялись щиты, шлемы, копья, алебарды, мечи и изуродованные кулеврины.

Губернатор, смертельно бледный, без шлема, в изодранной кольчуге, пытался собрать отряды венецианских моряков и словенцев, чтобы все-таки последним отчаянным усилием держать оборону. Его окружали капитаны, но их осталось очень мало: почти все погибли.

За бастионом располагалась защищенная стенкой довольно просторная площадка, что-то вроде ротонды. В мирное время она служила для военных занятий и имела по бокам помещения для отдыха.

Видя, что бастион пал, губернатор отдал приказ перетаскать на площадку годные к бою кулеврины и оттуда обстреливать турок, которые уже карабкались по эскарпу.

– Попробуем продержаться до завтра, ребята! – крикнул храбрый Бальоне. – У нас всегда будет время сдаться!

Словенцам и морякам, оставшимся в живых в этом кровопролитнейшем бою, удалось, несмотря на дождь из каменных ядер, сохранить штук восемь, а то и десять кулеврин. Они быстро перетаскивали их на позиции, а остальные пытались хоть ненадолго задержать неприятеля, сбрасывая вниз со стены обломки окончательно разрушенных зубцов.

В этот момент и появился Эль-Кадур. Заметив, что Перпиньяно перестраивает отряд Капитана Темпесты, потерявший половину бойцов, он подошел к нему.

– Бой проигран, это правда? – спросил араб.

Увидев, что Эль-Кадур один, Перпиньяно вздрогнул:

– А Капитан?

– Он ранен, синьор.

– Я видел, как ты его уносил.

– Не бойтесь, он в надежном месте, даже если турки войдут в Фамагусту, они его не найдут.

– Где он?

– В каземате башни Брагола, который почти полностью засыпан обломками. Если останетесь в живых, приходите туда.

– Не премину. Вон они, враги, совсем близко. Побереги себя, Эль-Кадур, не высовывайся. Тебе надо выжить, чтобы спасти Капитана.

Венецианцы и словенцы, теснимые бесчисленными ордами, уставшие убивать, понемногу отходили к ротонде, надеясь спасти если не всех, то хотя бы часть раненых.

К счастью, губернатор Фамагусты успел перегруппировать свои отряды, в которые влилось пополнение из горожан.

Одолев эскарп, который в буквальном смысле слова был покрыт трупами, янычары перелезали через парапет и непрерывно орали:

– Смерть гяурам! Убивайте их! Уничтожайте!

Выстрелы освещали их искаженные злобой лица и горящие яростью глаза, которые, казалось, фосфоресцировали в темноте.

– Артиллерия, пли! – скомандовал губернатор, перекрыв мощным голосом и вопли неприятеля, и грохот пушек.

И в тот же миг ожили кулеврины, сотрясая бастион сверху донизу и накрывая неверных шрапнелью.

Первые ряды врагов попадали с парашюта, убитые на месте, но за ними сразу же выросли новые и ринулись на штурм, чтобы не дать артиллеристам перезарядить орудия.

Венецианцы и словенцы после секундной передышки тоже пошли в атаку. Прикрываясь щитами, они набросились на янычар, и завязалась еще более яростная битва. Капитаны были рядом с бойцами и вдохновляли их защищаться до конца.

Сабли и мечи били по щитам и доспехам с такой силой, что оружие ломалось, а доспехи разваливались. Палицы глушили людей ударами по шлемам, алебарды вонзались в человеческую плоть, оставляя глубокие неизлечимые раны.

Когда в рядах сражавшихся образовывалась брешь, непрерывно стрелявшие кулеврины поражали и чужих, и своих. На стенах расположились аркебузиры, шквальным огнем сея смерть среди тех, кто пытался подняться по эскарам.

Но дальше сдерживать несметные полчища воинов, которых великий визирь и паша посылали на штурм Фамагусты, было уже невозможно. Измученные долгими месяцами осады и лишений, воины целыми отрядами падали на землю, обагренную их благородной кровью, и умирали с именем святого Марка на устах, прежде чем турецкие ятаганы перерезали им горло.

Началась агония Фамагусты, прелюдия к неслыханным мукам, которые вызовут ужас и возмущение у всех христианских народов старой Европы.

Восток убивал Запад, Азия бросала вызов христианству, надменно развернув перед ним зеленое знамя пророка.

Неверные побеждали на всех рубежах. Башни одна за другой оказывались в руках варваров из аравийских пустынь и азиатских степей, мертвых и умирающих победители сбрасывали во рвы, окончательно разрушенные бастионы брали штурмом.

Теперь бастион Сан-Марко мог оказывать лишь слабое сопротивление. Из-за налетов янычар словенцы и венецианцы утратили организованность и беспорядочно метались. Никто больше не слушал приказов губернатора и командиров.

Количество убитых росло. Разрушенный бастион превратился в бастион из человеческих тел и искореженного металла.

Огромное облако черного дыма от вражеских пушек накрыло всю Фамагусту, словно погребальное покрывало.

Колокола умолкли, а молитвы женщин, укрывшихся в церквях, тонули в торжествующих воплях неверных.

Приливная волна все поднималась и поднималась, волна человеческая, гораздо более страшная, чем океанская, и ее зловеющий рев был ужасен.

Азиатские воины взбирались на стены и устремлялись вниз, как изголодавшиеся вороны или, скорее, как грифы, что питаются падалью.

Венецианцы, словенцы и жители города, державшие оборону вместе с ними, бежали по узким улочкам в надежде спрятаться в развалинах домов, в погребках, казематах и церквях, сея панику среди обитателей:

– Спасайся кто может! Турки! Турки!

Услышав эти крики, возвещавшие о падении неприступной крепости, солдаты, которые еще сражались на стенах, опасаясь попасть в окружение, покидали позиции и опрометью бросались вниз, в город.

И тем не менее повсюду – на площадях, под прикрытием разрушенных домов, в тесных переулках – венецианцы еще пытались оказывать сопротивление. Они старались не подпустить турок к старой церкви, выстроенной в честь покровителя Венецианской республики, и предотвратить уничтожение женщин и детей, укрывшихся за мощными стенами нефов и с покорностью ожидавших, когда сабли неверных завершат свое кровавое дело.

Измученные, обессиленные, почти все с тяжелыми ранениями, доблестные сыны Царицы Адриатики все еще заставляли врага дорого платить за победу.

Понимая, что побеждены, они с отчаянием обреченных атаковали вражеские колонны, круша подряд и янычар, и албанцев, и арабов, и отряды наемников.

Но, на их беду, в город сквозь бреши в бастионе Сан-Марко уже ворвалась кавалерия и бешеным галопом неслась по улицам, сметая на своем пути всех, кто пытался сопротивляться.

Двенадцать кавалерийских полков, набранных из арабов, атаковали очертя голову, беспощадно рубя саблями направо и налево. И никакой отборный и обстрелянный отряд не смог бы их удержать.

В четыре часа утра, когда начало светать и облако черного дыма понемногу рассеялось, янычары, поддержанные кавалерией, сломили последнее сопротивление защитников. Они врываются во все уцелевшие дома и жестоко рубили головы всем, кого обнаруживали внутри. И вскоре оказались перед церковью Святого Марка.

На верхней ступеньке храма, держась очень прямо и гордо опираясь на шпагу, по которой стекала вражеская кровь, стоял в окружении горстки уцелевших воинов доблестный Бальоне.

Шлема на нем не было, окровавленная кольчуга свисала лохмотьями, но ни одна морщина не прорезала высокого лба венецианского полководца, а взгляд его был спокоен и ясен.

Янычары, сразу же его узнав, остановились и умолкли.

Небывалое спокойствие этого героя, который столько месяцев не подпускал к городу огромное войско, собранное султанами Византии, и который своим доблестным мечом отправил в рай пророка более двадцати тысяч воинов Полумесяца, казалось, сразу обуздало этих диких зверей, жаждавших человеческой крови.

Паша, в шлеме, украшенном тремя зелеными перьями и с широкой саблей в руке, бесцеремонно пробирался сквозь ряды янычар на гарцующем коне. Ему не терпелось покончить с этой группой гяуров.

– Подставляйте свои головы под сабли моих людей! – крикнул он. – Вы побеждены!

Венецианский полководец лишь скривился в гневной усмешке, и в его глазах сверкнул огонь.

– Убивай, если тебе так не терпится! – ответил он, отбросив шпагу. – Только имей в виду, Лев Святого Марка не погиб вместе с Фамагустой и настанет день, когда его рычание услышат за стенами старой Византии.

Потом, протянув руку к распахнутым дверям церкви, продолжил:

– Там находятся женщины и дети, и вы собираетесь их убить. Они не окажут никакого сопротивления, давайте, бесчестите себя и славу воинов Востока, если хотите. История вас рассудит.

Паша молчал. Гордые слова венецианского полководца поразили его в самое сердце, и он не знал, что ответить.

В этот момент взвизгнули трубы и раскатилась барабанная дробь. Ряды янычар с шумом расступились и прижались к стенам домов.

Приближался великий визирь в сопровождении своих офицеров и охраны из албанцев.

Он въехал на площадь, прямо и надменно держась на великолепном скакуне в богато украшенной сбруе, с поднятым забралом и с обнаженной саблей в руке. Брови его были нахмурены, в живых черных глазах горел жестокий огонь. Он проехал сквозь ряды янычар, даже взглядом не удостоив этих храбрецов, что тысячами и тысячами жертвовали собой, чтобы отдать ему прямо в руки Фамагусту. Потом приказал охране, повернувшись к группе венецианцев:

– Арестуйте побежденных!

Пока его приказ немедленно выполняли, причем венецианцы не оказывали никакого сопротивления, он, не слезая с коня, преодолел три ступеньки и въехал в центральный неф церкви, надменно уперев в бедро левую руку.

Верховный главнокомандующий мусульман опустил саблю, поднятую, чтобы дать знак к началу убийства...

Женщины, сбившиеся в кучу возле алтаря, на коленях, прижимая к себе детей, вскрикнули от ужаса. Старый священник, может быть единственный оставшийся в живых, поднял крест, словно желая тронуть сердце жестокого представителя византийского султана. Настал торжественный и страшный миг. Достаточно было одного знака, чтобы янычары, уже сто-

явшие в открытых дверях, набросились на несчастных и изрубили их ударами ятаганов и сабель.

Великий визирь молчал, глядя на крест, который высоко держал священник. Женщины рыдали, кричали дети, а янычары у стены роптали, в нетерпении ожидая сигнала начать резню.

И вдруг все матери как одна, словно их внезапно посетило божественное вдохновение, подняли на руки детей и, показывая их великому визирю, закричали с плачем:

– Спаси наших детей! Они ни в чем не виноваты!

Верховный главнокомандующий мусульман опустил саблю, поднятую, чтобы дать знак к началу убийства, и, повернувшись к своим воинам, громко крикнул:

– Все эти женщины принадлежат султану! Горе тому, кто их тронет!

Это было помилование!

7

В каземате

Когда Эль-Кадур увидел, что Фамагуста сдалась и на улицах города после бегства словенцев и спешного отступления венецианцев больше никто даже не пытается оказать сопротивление, он бегом ринулся по окружной дороге к башне Брагола, чтобы скрыться в каземате, где было безопаснее, чем в любом другом месте. С этой стороны турки тоже начали штурмовать стены, жестоко расправляясь с последними защитниками. У тех уже не осталось сил, чтобы сталкивать вниз лестницы, которые сотнями и сотнями приставляли к стенам враги.

Прежде чем албанцы успели спуститься по внутренним эскармам и войти в город, как только что сделали янычары, араб, ловкий и проворный, как антилопа его родных пустынь, добежал до узкого лаза, бросился внутрь и забаррикадировал вход огромными валунами, чтобы снаружи не было видно света от факела, все еще горевшего внутри.

Первым делом он посмотрел на свою госпожу.

Юная герцогиня лежала на матрасе в сильном бреде. Она размахивала руками, словно отгоняя врагов. Наверное, ей казалось, что в руке у нее меч и она отбивается от турок. С уст ее время от времени слетали бессвязные фразы:

– Туда... Чуть отдайте назад... вот они, лезут... тигры аравийские... вспомните Нико-зию... сколько крови... какие муки... вот он, Мустафа... Огонь по Мустафе... Л'Юссьер... ночь в Венеции... черная гондола... по лагуне... сладостная ночь... над Салюте светит луна... Купола Сан-Марко... колдовская Сирена... как в Неаполитанском заливе... Что там за шум, у меня от него мозг переворачивается... Ах! Я их вижу... лезут... их ведет Дамасский Лев... убивают!

Из груди герцогини вырвался крик, и невыразимая тоска исказила ее прекрасное лицо.

Она рывком села, опираясь на руки и оглядываясь вокруг невидящими, расширенными от ужаса глазами, потом снова упала на свое жесткое ложе, и глаза ее закрылись. Приступ бреда вдруг сменился неожиданным покоем. Дыхание стало ровным, лицо разгладилось, а на губах появилась улыбка. Она погрузилась в глубокий сон.

Сидя на обломке скалы возле факела, который то и дело отбрасывал кровавые отсветы на черные сырые стены каземата, араб глядел на нее, обхватив руками голову и упершись локтями в колени.

Время от времени он глубоко вздыхал, и его взгляд, оторвавшись от лица герцогини, устремлялся в пустоту, словно искал какое-то далекое видение.

В глазах бедного раба вспыхнул странный огонек, а лоб, не знавший пока морщин, нахмурился. Из глаз его выкатились две слезы и по смуглым щекам стекли до самого подбородка.

– Столько лет прошло... Светлый простор, песчаные дюны, шатры хищного племени, которое ребенком похитило меня у матери, верблюды, скачущие по бесконечной пустыне... Все это позабыто. Но в моем позолоченном рабстве я все еще вижу перед собой мою нежную Лаглан, – шептал он. – Бедная девочка, тебя тоже похитили, и кто знает, в каком краю злополучной Аравии ты теперь оказалась! У тебя были черные глаза, как у моей хозяйки, нежное лицо и такие же красивые губы... Я засыпал счастливым, когда ты играла на миримбе⁵, и забывал жестокие побои хозяина. Я снова вижу, как ты приносишь воду бедному рабу, избитому бичом до полусмерти. Я вижу, как ты бежишь по песку, вся в брызгах морской воды, а потом отдыхаешь в тени пальмы, счастливыми глазами глядя на меня! Ты исчезла,

⁵ *Миримба* – южноафриканский музыкальный инструмент. (Примеч. перев.)

может быть, ты умрешь там, на берегу Красного моря, которое шепотом своих вечных волн радовалось нашему чувству и нашим надеждам на будущее. А в моем сердце появилась другая женщина, роковая, не такая, как ты. Я помню твои черные глаза, в которые я смотрел по вечерам, когда солнце садилось и верблюды возвращались с пастбища. У этой женщины белая кожа, а у меня черная, и она не рабыня, как ты. Но разве я не человек? Разве я не родился свободным? Разве мой отец не был великим воином Амардзуки?

Он встал, изо всех сил сжав руками голову и откинув назад широкий плащ, а потом снова сел, вернее, опустился на камень, словно силы вдруг покинули его.

Эль-Кадур плакал, и слезы катились по его темному лицу.

– Я раб, – хрипло прошептал он. – Верный пес моей госпожи, и только смерть сделает меня счастливым. Уж пусть лучше пуля или сабля моих бывших собратьев по религии разорвут мое сердце... и вся тоска, все мучения презренного раба разом окончатся...

Он резко вскочил и, словно приняв отчаянное решение, бросился к выходу и начал отодвигать валуны.

– Да, – бормотал он почти с яростью. – Пойду найду Мустафу и скажу ему, что я хоть и араб, и кожа у меня черная, но верю я в Крест, а не в Полумесяц и много раз предавал турок. Пусть он отрубит мне голову. И часа не пройдет, как я тоже засну вечным сном, как заснули тысячи славных воинов, и все будет кончено.

Его остановил слабый стон, слетевший с губ герцогини. Он вздрогнул и обернулся, поведя рукой по пылающему лбу.

Факел угасал, и дрожащий отблеск пламени отражался на прекрасном бледном лице герцогини.

Каземат погружался в темноту, у него не оставалось больше никакой связи с внешним миром. Араб словно очнулся.

– Что за безумие на меня нашло, зачем я кинулся искать смерти? А моя госпожа? Какая же я скотина, если собрался оставить ее здесь одну, раненую, без всякой помощи... Ведь я ее раб, ее верный Эль-Кадур! Да я просто жалкий безумец!

Он на цыпочках подошел к герцогине. Она все еще спала. Длинные черные волосы рассыпались вокруг белого, как мрамор, лица, стиснутые руки, казалось, еще сжимают славный меч Капитана Темпесты и кинжал.

Дыхание ее стало ровнее, но мозг, видимо, тревожили какие-то сны, потому что на лоб ее будто набегало облако, а губы кривились и подергивались.

Вдруг с ее уст сорвалось имя:

– Эль-Кадур... мой верный друг... спаси меня...

В глубоких темных глазах сына Аравийской пустыни вспыхнул огонь безмерной радости.

– Она видит меня во сне, – прошептал он, подавив рыдание. – Она просит ее спасти! А я собрался ее бросить здесь умирать! О, моя госпожа! Ваш раб умрет, но вырвет вас из лап всех опасностей, что вас подстерегают.

Однако этот взрыв радости был краток, потому что с уст герцогини сорвалось другое имя:

– Л'Юссьер... где же ты... когда я вновь тебя увижу?

Из груди араба снова вырвалось рыдание.

– Она думает о нем, – сказал он, но в голосе его не было ни злобы, ни обиды. – Она его любит... Он ведь не раб... Нет, я сошел с ума...

Он подошел к входу и привалил на место валуны, зажег еще один факел, поскольку в каземате их было много, потом уселся возле герцогини и снова обхватил руками голову.

Казалось, он больше ничего не слышал: ни грохота последних канонад, доносившегося с башен, еще не взятых врагом, ни победных воплей турок, ворвавшихся на бастионы.

Что ему теперь падение Фамагусты, что ему начало великой резни, если его госпожа подвергалась стольким опасностям?

Он пристально и рассеянно глядел перед собой, и кто знает, какие видения вставляли перед ним... Может, ему вспоминалось детство, когда он скакал на резвом верблюде по сияющим просторам Аравийской пустыни и не был рабом. А может, он заново переживал ту страшную ночь, когда люди враждебного племени под покровом темноты напали на шатер его отца и, перерезав стражу, грубо схватили мальчика и умчали на боевом скакуне, чтобы превратить сына могущественного вождя в жалкого раба.

А может быть, он думал о маленькой Лаглан, подруге по несчастью и рабству, заставившей впервые забиться его сердце. Теперь же его буйная восточная фантазия придавала ей сходство с теперешней хозяйкой, герцогиней д'Эболи. Наверное, все дело было в цвете кожи...

Проходили часы, а Эль-Кадур не шевелился. Девушка, которая наконец перестала бредить, спокойно спала.

Прошло уже много времени, больше не было слышно ни криков, ни грохота пушек, раздавались только единичные выстрелы из аркебуз, а за ними – короткие яростные крики, но все быстро стихало.

– Бей гяура! Ату его! Ату! – Наверное, этот гяур был какой-нибудь бедняга-горожанин или венецианский солдат, спрятавшийся среди развалин домов. Его, конечно, как бешеную собаку, безжалостно расстреляют из мушкетов янычары Мустафы, которые не утолили еще жажду крови, хотя резня уже началась.

Вдруг снова раздался слабый стон, который отвлек Эль-Кадур от его мыслей и вывел из неподвижности.

Араб встал и подошел к юной герцогине. Она приоткрыла глаза и попыталась подняться.

– Это ты, мой верный Эль-Кадур? – спросила она слабым голосом и попыталась улыбнуться.

– Я уже давно дежурю возле тебя, госпожа, – ответил араб. – Не вставай, в этом нет нужды. Пока что нам не угрожает никакая опасность. Как ты себя чувствуешь?

– Сильная слабость, Эль-Кадур, – со вздохом сказала герцогиня. – И кто знает, когда я снова смогу взять в руки меч.

– Сейчас он тебе вряд ли пригодится.

– Значит, все кончено? – спросила она, и ее прекрасное лицо исказила боль.

– Все кончено.

– А жители города?

– Скорее всего, перебиты, как уже было в Никозии. Мустафа не прощает тех, кто столько месяцев с таким мужеством не подпускал его к городу. Он не воин, он тигр, синьора.

– А что случилось с командирами?

– Этого я сказать не могу.

– Неужели и они все убиты?

Ничего не ответив, араб опустил голову.

– Скажи, Эль-Кадур, – настаивала герцогиня. – Неужели Мустафа разделался с Бальоне, Брагадино, Тьеполо, Спилотто и другими?

– Сомневаюсь, чтобы он их помиловал, синьора.

– А ты не можешь это как-нибудь узнать? С твоим цветом кожи и в той одежде, что ты носишь, ты можешь свободно передвигаться по Фамагусте.

– Я не решусь выйти средь бела дня, чтобы не навлечь на тебя неминуемую смерть. Могут заметить, как я отодвигаю камни от входа, и заподозрить, что тут спрятано какое-

нибудь сокровище. Тогда они меня точно заставят их сюда впустить. Подождем до вечера, синьора. С турками осторожность никогда не помешает.

– А мой лейтенант? Ты своими глазами видел, как его убили?

– Когда я уходил с бастиона Сан-Марко, он был еще жив, и я сказал ему, что ты в безопасности, в этом каземате.

– Значит, есть надежда, что он придет сюда к нам.

– Если ему удастся уйти от турецких сабель, – ответил Эль-Кадур. – Можно, я осмотрю твою рану? В моей стране умеют лечить гораздо лучше, чем где бы то ни было.

– Не надо, Эль-Кадур. Она сама заживет. А слабость у меня от потери крови. Дай мне попить, меня замучила жажда.

– Я не смогу дать тебе ни капли воды. Здесь есть только кувшины, наполненные кипрским вином и оливками.

– Дай хотя бы вина.

Араб встал, поднял тяжелую каменную крышку с огромного глиняного кувшина, а лучше сказать, сосуда, похожего на глиняный кувшин, какие использовали на Востоке, достал кожаную флягу, зачерпнул вина и протянул его девушке. Она мигом осушила его.

– Вино поможет справиться с лихорадкой, – сказал араб. – Оно гораздо полезнее гнилой воды из городских колодцев.

Выпив вина, герцогиня снова улеглась, положив ладонь под голову, а араб тем временем пристраивал факел в том углу, где не было щелей, чтобы никто не заметил с улицы свет.

– Что же с нами будет, Эль-Кадур? – спросила герцогиня после нескольких минут молчания. – Как ты думаешь, нам удастся незамеченными выйти из Фамагусты и отправиться на поиски Л'Юссьера?

Араб вздрогнул, потом угрюмо сказал:

– Оставь пока мысли о виконте, госпожа, давай лучше подумаем, как спастись.

– Я ведь только спросила, сможем ли мы?

– Может, и сможем, с помощью одного человека. Он единственный из тысяч и тысяч турок, у кого благородное и рыцарское сердце.

Герцогиня пристально на него посмотрела:

– Кто же он?

– Дамасский Лев.

– Мулей-эль-Кадель?

– Да, госпожа.

– Тот самый, кого я победила?

– Но ты даровала ему жизнь, а ведь могла убить, и никто, даже турки, ничего бы не сказал. Он единственный, кто упрекал великого визиря за кровожадность в отношении христиан.

– Знал бы он, что его выбила из седла и ранила женщина...

– Это только лишний повод тобой восхищаться, синьора.

– И что ты хочешь предпринять?

– Явиться к Дамасскому Льву и объяснить ему, в какое положение мы попали. Я уверен, что этот сильный и честный воин тебя не выдаст, к тому же... кто знает, а вдруг он сможет дать какую-нибудь ценную информацию о том, где содержат виконта.

– Ты надеешься на такое великодушие турка?

– Да, синьора, – твердо ответил араб.

– Ты с ним знаком, с Мулеем-эль-Каделем?

– Мне выпал случай пообщаться с ним однажды вечером, вместе с одним турецким капитаном, которого я спаивал, чтобы выведать у него что-нибудь о синьоре Л'Юссьере.

– И поэтому ты думаешь, что он тебя примет?

– Не сомневаюсь. Если будет нужно, прибегну к одной военной хитрости.

– К какой?

– Позволь пока не говорить тебе, госпожа.

– А если он убьет тебя как предателя? – спросила герцогиня.

Араб неопределенно махнул рукой и тихо прошептал:

– Тогда бедный раб перестанет страдать.

Потом прибавил, уже в полный голос:

– Отдыхай, синьора. До вечера еще есть время.

Герцогиня послушалась совета араба, но прошло немало времени, прежде чем ей удалось задремать.

Чтобы не утомлять ее разговорами, Эль-Кадур ничком улегся за камнями, нагроможденными у входа, и стал внимательно прислушиваться к тому, что происходит снаружи.

Где-то далеко раздавались визгливые звуки труб и оглушительные крики. Турки разбили лагерь вокруг стен и, должно быть, праздновали победу, которая теперь обеспечивала султану владычество на Кипре.

Внутри города продолжали стрелять из аркебуз. Отстреливались ли это оставшиеся в живых христиане, которых пытались поймать среди руин, или кто-то по инерции продолжал воевать? Эль-Кадур не мог этого сказать.

Когда он поднялся, была уже ночь, и герцогиня, ослабевшая от потери крови, снова заснула.

Он подошел к ней и долго на нее смотрел, вслушиваясь в ее спокойное, легкое дыхание.

– Какая же она красивая, – прошептал он срывающимся голосом. – Несчастный раб! Уж лучше бы прежний хозяин насмерть забил тебя палкой. Ты бы тогда меньше мучился.

Он провел рукой по вспотевшему лбу, зажег факел, проверил пистолеты, засыпал в них немного пороху, вытянул фитили, прикрепил к поясу ятаган и направился к выходу, бормоча про себя:

– Ну что ж, пойдем к Дамасскому Льву.

И вдруг замер, затаив дыхание. Ему показалось, снаружи донесся какой-то шум.

– А вдруг какой-нибудь турок обнаружил наше убежище? – вздрогнув, прошептал араб.

Он вытащил пистолет, запалил от факела фитиль и осторожно подошел к лазу, держа оружие за спиной, чтобы снаружи не были видны искры. И тут он услышал, как от лаза отвалили камень и тот покатился вниз, а потом, осыпаясь, зашуршала земля.

– Кто же это может быть? – снова пробормотал араб. – Если это турок, войти ему я не дам, сразу успокою пулей в лоб.

Он притаился за камнями, как лев перед прыжком, не убирая пальца с курка.

Шум не стихал, и вниз опять покатались камни. Тот, кто пытался добраться до лаза, должен был очень осторожно подниматься по осыпи. Собирался ли он застать их врасплох, или это был вовсе не турок, а какой-нибудь несчастный христианин, знавший про каземат?

В сознание араба закралось сомнение.

– Ладно, подождем пока стрелять, – пробормотал он. – Так можно вместо врага прикончить друга.

Незнакомец поднялся по осыпи, довольно быстро оказался возле лаза и принялся осторожно откатывать камни, закрывавшие его.

В проеме показалась чья-то голова.

Эль-Кадур направил на незнакомца пистолет:

– Ты кто? Говори, иначе выстрелю!

– Подожди стрелять, Эль-Кадур. Это я, Перпиньяно.

8 Эль-Кадур

В следующий миг лейтенант Капитана Темпесты, отвалив еще один тяжелый камень, пролез в каземат.

При свете факела стало ясно, что юноше сильно досталось.

Голова его была повязана каким-то лоскутом, почерневшим от крови и пороха, кольчуга изодрана в клочья, от сапог остались одни лохмотья, а от меча – обломок в три пальца длиной, окровавленный до самой рукояти.

За эти двенадцать или пятнадцать часов боя лицо его так осунулось, словно он неделю голодал.

– Это вы, синьор! – воскликнул араб. – Господи, на кого вы похожи!

– А Капитан? – озабоченно спросил лейтенант.

– Спит. Не будем его будить, синьор Перпиньяно. Ему очень нужно как следует отдохнуть. Взгляните на него.

Лейтенант собрался подойти, но тут герцогиня, разбуженная шумом, открыла глаза.

– Перпиньяно! – радостно воскликнула она, всплеснув руками. – Как вам удалось живым уйти от турок?

– Чудом, Капитан Темпеста, – отвечал венецианец. – Если бы они меня нашли, вы бы меня здесь не увидели. Но несколькими беглецам удалось спрятаться в развалинах, а всех остальных зарезали. Проклятый Мустафа никого не пощадил.

– Никого! – Голос герцогини сорвался от ужаса и тоски. – Даже командиров?

– Даже командиров, – отвечал лейтенант, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. – Этот мерзавец-визирь собственноручно отрезал правое ухо и отрубил руку доблестному Брагадино, а потом велел на глазах у янычар содрать с него кожу. С живого.

– Какая гнусность! Какой позор!

– А потом велел отрубить головы Асторре Бальоне и Мантиненго, изрубить на куски Тьеполо и Маноле Спилотто и бросить их тела на съедение собакам.

– Боже мой! – вскрикнула герцогиня и закрыла глаза руками, словно стараясь отогнать страшное видение.

– А остальные, синьор лейтенант? – спросил Эль-Кадур.

– Убиты все. Мустафа помиловал только женщин и детей, которых увезут в Константинополь в рабство.

– Значит, конец Льву Святого Марка? – простонала герцогиня.

– Знамя Адриатической республики больше никогда не взвьется над Кипром.

– Неужели никто не попытается поквитаться за такое сокрушительное поражение?

– Настанет день, Капитан Темпеста, и корабли Венецианской республики отплатят этим азиатским тиграм по заслугам. Венецианские галеры еще зальют Архипелаг турецкой кровью, будьте спокойны. Светлейшая республика смое с себя позор, и Селим Второй ответит за неслыханные зверства своего великого визиря.

– Но Фамагуста превратилась в кладбище.

– В ужасающее кладбище, Капитан Темпеста, – отвечал венецианец с глубоким волнением в голосе. – Улицы завалены трупами, а на разрушенных стенах устроили страшную выставку голов тех, кто жил в городе и храбро его защищал.

– А вам-то как удалось избежать турецких сабель?

– Я уже сказал, по чистой случайности, просто чудом. Когда все было кончено и янычары ворвались на бастионы, которые уже никто не защищал, я побежал за теми немногими уцелевшими, кто бился за ротонду бастиона Сан-Марко. Я бежал как сумасшедший, не зная,

где смогу найти убежище, и уже считал, что погиб, как вдруг из развалин дома послышался голос:

– Эй, парень, сюда!

Сквозь засыпанную мусором и камнями оконную решетку я разглядел двоих людей, отчаянно махавших мне руками. Это было спасение. Они отодвинули засовы и впустили меня, вернее, втащили, потому что от ран и усталости я уже не стоял на ногах.

– А кто были эти благородные люди? – спросила герцогиня.

– Двое моряков венецианского флота, они сюда прибыли вместе с подкреплением под командованием Мартиненго: старший помощник капитана и марсовой.

– Где они теперь?

– Прячутся в темном погребе. Закрылись на засовы и привалили ко входу несколько камней, чтобы турки его не нашли.

– А как вы узнали, что я здесь? – спросила герцогиня.

– Это я ему сказал, – отозвался Эль-Кадур.

– А я в суматохе боя совсем забыл номер каземата.

– Почему же эти двое моряков не пришли вместе с вами?

– Они не решились, капитан. И потом, они боялись, что это убежище уже заняли янычары Мустафы.

– До погреба далеко?

– Шагов триста.

– Эти люди могли бы нам очень пригодиться, синьор Перпиньяно.

– Я тоже так думаю, герцогиня, – ответил венецианец, наверное впервые поименовав ее настоящим титулом знатной дамы.

Девушка несколько секунд помолчала, словно что-то обдумывая, потом, обернувшись к арабу, который все время неподвижно стоял рядом, резко спросила:

– Ты все-таки решился?

– Да, госпожа, – отвечал сын пустыни. – Только этот человек может нам помочь.

– А если ты ошибаешься?

– Дамасский Лев сюда не явится, синьора. У Эль-Кадура есть пистолет и ятаган, и он умеет с ними обращаться лучше, чем янычары Мустафы.

Герцогиня обернулась к венецианцу, который застыл от удивления и никак не мог сообщить, при чем тут турок, которого выбили из седла перед стенами Фамагусты.

– Вы полагаете, синьор Перпиньяно, побег возможен и турки его не заметят?

– Нет, синьора, – отвечал лейтенант. – Город наводнен янычарами, все еще жаждущими христианской крови, а за стенами не меньше пятидесяти тысяч азиатов стоят на страже и следят, чтобы никто не вышел из города.

– Ступай, Эль-Кадур, – сказала герцогиня. – Наша последняя надежда в руках Дамасского Льва.

Араб загасил фитиль пистолета, удостоверился, что ятаган легко скользит в кожаных ножнах, украшенных серебряными пластинками, одним движением нахлобучил капюшон с кистями по краям и закутался в свой широкий шерстяной плащ.

– Повинуюсь, госпожа.

Он пошел к лазу, опустив голову и спрятав лицо под капюшоном, но вдруг резко обернулся, горящими глазами пристально посмотрел на герцогиню и сказал с глубокой грустью:

– Если я не вернусь и моя голова останется в руках турок, я желаю тебе, синьора, отыскать виконта Л'Юссьера и вернуть себе утраченное счастье.

Последние слова заглушило рыдание.

Герцогиня д'Эболи села и протянула арабу руку.

Дикий сын пустыни подошел к импровизированному ложу, встал на колени и запечатлел на белой руке девушки долгий поцелуй. Ей показалось, к ее коже приложили раскаленное железо.

– Иди, мой добрый Эль-Кадур, – со вздохом произнесла она.

Араб рывком встал, глаза его горели.

– Или Дамасский Лев тебя спасет, или я его убью, – решительно заявил он.

Быстро отодвинув камень у входа, он выскользнул в щель, как дикий зверь из норы. Герцогиня грустно прошептала:

– Бедный Эль-Кадур! Какая верность и какая мука живут в твоём сердце!

Араб быстро сбежал вниз по огромной куче мусора и обломков, покрывшей основание башни, и пошел на свет костров импровизированного лагеря, который турки разбили в центре города.

Улицы Фамагусты погрузились во тьму. Теперь турки были уверены в своей безопасности: ведь они перебили не только гарнизон, но и всех жителей, способных держать в руках оружие.

Глаза Эль-Кадура без труда различали в темноте горы непогребенных трупов, которых с жадностью пожирали стаи собак, изголодавшихся за долгие месяцы осады.

Несколько раз Эль-Кадуру удалось отбиться от атак одичавших псов, которые были словно бешеные, причем некоторые нападали так свирепо, что пришлось пустить в ход ятаган. Он быстро добрался до широкой площади перед церковью Святого Марка, точной копией знаменитого венецианского собора, только пос скромнее и поменьше.

Возле костров расположились биваком человек сто вооруженных до зубов янычар. Они курили, болтали, а по углам площади и перед домами, чудом уцелевшими после шквального огня мусульманской артиллерии, стояли часовые.

На ступенях церкви сидел албанец. Заметив араба, он наставил на него мушкет с зажженным фитилем и спросил:

– Ты кто и куда идешь?

– Ты же прекрасно видишь, что я араб, а не христианин, – ответил тот. – Я солдат паши Хусейна.

– А что тебе здесь надо?

– Мне надо передать срочный приказ Дамасскому Льву. Можешь сказать, где он расположился?

– Кто тебя послал?

– Мой паша.

– Я не знаю, Мулей-эль-Кадель, может, уже спит.

– Но еще нет и девяти.

– Он пока не оправился от раны. Но я тебя пропущу. Он расположился в одном из этих домов.

Часовой загасил фитиль своей аркебузы⁶, закинул оружие за плечо и направился к маленькому, невзрачному домику со стенами, изрытыми снарядами и бомбами мусульман. Перед домом дежурили двое чернокожих рабов геркулесового телосложения и две огромные арабские собаки.

– Разбудите вашего хозяина, если он уже отдыхает, – сказал албанец двум часовым. – Здесь посланец паши Хусейна, он хочет с ним поговорить.

– Хозяин еще не спит, – ответил один из рабов, подозрительно взглянув на араба.

– Тогда иди предупреди его. С пашой шутки плохи, да к тому же он водит дружбу с великим визирем.

⁶ Мушкет и аркебуза с фитильным замком – одно и то же. (Примеч. перев.)

Один из рабов вошел в дом, а второй остался на пороге вместе с псами. Немного погодя первый вышел и сказал арабу:

– Иди за мной, господин тебя ждет.

Эль-Кадур сжал под плащом рукоять ятагана и решительно шагнул в дом, готовый на все, даже убить сына могущественного паши Дамаска в случае опасности.

Турок ждал его в одной из комнат первого этажа, очень скромно обставленной и освещенной всего одним факелом, вставленным в оплетенную глиняную бутылку. Он был бледен, рана еще не полностью зажила, но все равно он был неотразимо красив – с огромными черными глазами, достойными озарить лицо любой из гурий магометанского рая, и изящно закрученными усиками.

Хотя он еще не оправился от раны, на нем была сверкающая стальная кольчуга, перетянутая на бедрах голубой перевязью, на которой висели сабля и богато убранный ятаган с золотой рукоятью, украшенной бирюзой.

– Кто ты такой? – спросил он араба, сделав рабу знак удалиться.

– Мое имя ни о чем тебе не скажет, – ответил араб. – Меня зовут Эль-Кадур.

– Мне кажется, я тебя уже где-то видел.

– Возможно.

– Тебя послал Хусейн-паша?

– Нет, я соврал.

Мулей-эль-Кадель отступил на два шага, быстро схватившись за рукоять сабли, но не вытащил ее из ножен.

Эль-Кадур жестом успокоил его и быстро проговорил:

– Не думай, что я пришел сюда посягнуть на твою жизнь.

– Тогда почему ты солгал?

– Потому что иначе ты бы меня не принял.

– Что же заставило тебя воспользоваться именем паши Хусейна? Кто тебя послал?

– Женщина, которой ты обязан жизнью, – со значением ответил Эль-Кадур.

– Женщина?! – удивленно вскрикнул турок.

– Вернее, благородная дама-христианка, принадлежащая к высшей итальянской знати.

– И я обязан ей жизнью?

– Да, Мулей-эль-Кадель.

– Да ты сошел с ума. Я никогда не был знаком ни с одной итальянской аристократкой, и ни одна женщина никогда не спасала мне жизнь. Дамасский Лев способен спасти себя сам, не прибегая ни к чьей помощи.

– Ты заблуждаешься, Мулей-эль-Кадель, – спокойно сказал араб. – Если бы не великодушие этой женщины, не бывать тебе при штурме Фамагусты. Ведь твоя рана еще не зажила.

– Да о ком ты говоришь? О том юном капитане, что выбил меня из седла?

– Да, о Капитане Темпесте.

– Объяснись.

– Это итальянская аристократка, она даровала тебе жизнь, хотя имела полное право тебя добить.

– Да что ты такое говоришь! – воскликнул турок, сначала залившись краской, а потом побледнев. – Тот капитан, что сражался, как бог войны, – женщина?! Нет! Не может быть! Женщина не могла победить и выбить из седла Дамасского Льва!

– Это была герцогиня д'Эболи, известная среди христиан под именем Капитан Темпеста, – сказал Эль-Кадур.

Мулей-эль-Кадель был настолько поражен, что на какое-то время потерял дар речи.

– Женщина! – с болью вырвалось у него. – Дамасский Лев обесчещен, и теперь ему остается только сломать свою саблю.

– Нет, такой храбрый воин, как ты, не может сломать самый доблестный клинок турецкого войска. Женщина, что одержала над тобой победу, – дочь самого знаменитого фехтовальщика, которым гордится Неаполь.

– Но ведь это не он меня сразил, – почти с рыданием в голосе ответил турок. – Меня выбила из седла женщина! Честь Дамасского Льва теперь утрачена навсегда!

– Та, что победила тебя, – благородная дама, Мулей-эль-Кадель!

– Она станет меня презирать.

– Нет, потому что теперь твоя противница по поединку взывает к великодушию Дамасского Льва.

В глазах турка сверкнул огонь.

– Моя противница нуждается во мне? Разве Капитан Темпеста не погиб?

– Он жив, но ранен каменным ядром.

– Где он? Я хочу его видеть! – крикнул Мулей-эль-Кадель.

– Чтобы убить? Моя госпожа – христианка.

– А кто же ты?

– Я ее верный раб.

– Это герцогиня послала тебя ко мне?

– Да.

– Чтобы просить меня помочь ей бежать из Фамагусты?

– И не только об этом.

– А в твоё отсутствие ей не угрожает никакая опасность?

– Думаю, нет. Она в надежном убежище, и потом, она не одна.

– Кто ее охраняет?

– Ее лейтенант.

Мулей-эль-Кадель снял со стула длинный плащ из темной шерсти, взял со стола два длиннотвольных пистолета с рукоятками, украшенными серебром и перламутром, и сказал арабу:

– Веди меня к твоей госпоже.

Эль-Кадур взглянул на него с недоверием:

– А ты обещаешь, что не выдашь ее?

Щеки турка вспыхнули.

– Ты что, не доверяешь мне? – возмущенно вскинулся он. Потом, помолчав, снова заговорил: – Ты прав, она христианка, а я турок, враг христиан, но знай, я не одобряю жестокостей великого визиря. Его зверства навсегда обесчестили оттоманское войско. Ты араб, и я не знаю, христианин ты или приверженец пророка, но ты должен знать Коран и знать, что турки не клянутся на своей священной книге, в отличие от той, что причудливо написана блестящим пером архангела Гавриила. Эта книга обязательно найдется у кого-нибудь из муэдзинов, и я готов торжественно поклясться на ней в твоём присутствии, что спасу твою госпожу, которой обязан жизнью. Хочешь?

– Нет, господин, – ответил араб. – Я верю тебе и без клятвы. Я знал, Дамасский Лев будет не менее великодушен, чем герцогиня д'Эболи, моя госпожа.

– Где она?

– В одном из казематов.

– Ранена тяжело?

– Нет.

– У вас там, в каземате, есть еда?

– Только кипрское вино и оливки.

Мулей-эль-Кадель хлопнул в ладоши, и на пороге тотчас появились два черных раба.

Он обменялся с ними несколькими словами на неизвестном Эль-Кадуру языке и обратился к арабу:

– Иди за мной, они нас догонят.

Они вышли из дома и миновали площадь. Никто из часовых не посмел их остановить. Словно двое воинов, получивших задание патрулировать площадь вдоль внутренней стены, они медленно двинулись к башне.

Едва они отошли от площади шагов на триста-четыреста, как их догнали двое негров с арабскими догами на поводках. Негры несли огромные корзины.

Их попытался остановить отряд янычар, рыскавших среди развалин в надежде найти оставшихся в живых христиан.

– Пошли вон отсюда, или я прикажу выпороть вас, как собак! – крикнул Мулей-эль-Кадель. – Дайте дорогу Дамасскому Льву! Вам что, мало резни?

Никто не осмелился перечить сыну могущественного паши, и янычары пустились бежать, освободив дорогу.

Прежде всего Мулей-эль-Кадель удостоверился, что возле башни никого нет, потом двинулся через развалины за Эль-Кадуrom. Рабы и собаки шли следом.

Он опустился на одно колено и пристально взглянул в глаза герцогини черными, как ночь, глазами.

Едва оказавшись в каземате, освещенном факелом, турок сбросил плащ и, обменявшись учтивым приветствием с Перпиньяно, быстро подошел к ложу, на котором лежала герцогиня. Она не спала.

— Женщина, которая меня победила? — воскликнул он с волнением. — Я вас узнал, синьора!

Он опустился на одно колено, совсем как европейский аристократ, и пристально взглянул в глаза герцогини черными, как ночь, глазами.

– Синьора, – произнес он с благородным почтением, – пред вами не враг, пред вами друг, которому судьба дала возможность восхититься вашим необычайным мужеством и который не испытывает ни малейшего разочарования оттого, что был побежден такой женщиной, как вы. Приказывайте. Дамасский Лев готов спасти вас и оплатить свой долг перед вами.

9

Великодушие Дамасского Льва

Увидев турка, который приближался к ее ложу, герцогиня д'Эболи чуть приподнялась с помощью Перпиньяно и приветствовала сына паши очаровательной улыбкой.

– Это вы! – воскликнула она.

– Вы не предполагали, что я, мусульманин, явлюсь сюда, не правда ли, доблестная синьора? – спросил Мулей-эль-Кадель.

– Я в этом сомневалась и уже смирилась с тем, что больше не увижу своего верного слугу.

– Сын паши Дамаска не обладает жестокостью Мустафы и его янычар. Они храбрые воины, это верно, но свирепы, как аравийские львы. Я вовсе не дикий сын туркестанских степей или песчаных пустынь, и при дворе султана я всего два года. И ваша Италия мне знакома, синьора.

– Вы бывали в моей стране? – с удивлением спросила герцогиня.

– И восхищался Венецией и Неаполем, – отвечал турок, – и научился ценить галантность и изысканность вашей цивилизации.

– Я уже заметила, что вы, должно быть, не такой мусульманин, как все.

– Чем же я отличаюсь от всех, синьора?

– Вы остановили всадников, пытавшихся, в нарушение закона поединка, отомстить за вас, после того как я одержала законную победу.

По лицу молодого Дамасского Льва пробежала тень, и улыбка угасла на губах.

– Я был сражен мечом женщины, – произнес он с горечью.

– Нет, Мулей-эль-Кадель, мечом Капитана Темпесты, который среди христиан известен как лучший клинок Фамагусты. Дамасский Лев не утратил своей доблести, напротив, он доказал ее, выбив из седла Медведя Польских Лесов, который внушал страх силой и мощью своего удара.

Лицо турка посветлело, на губах снова заиграла улыбка.

– Да уж, лучше получить рану от женщины, чем от мужчины, – сказал он. – Пусть мои соотечественники никогда не узнают, кто был Капитан Темпеста.

– Я вам это обещаю, Мулей-эль-Кадель. В Фамагусте всего трое или четверо людей знали, что я женщина, но теперь они все мертвы, Мустафа не щадил побежденных.

– Он своей жестокостью обесчестил мусульманских воинов перед лицом всего христианского мира. И быть может, Селиму это не понравится, хотя его великодушие тоже сомнительно. Побежденные имели право на уважение воинов ислама. Синьора, вам надо подкрепить силы. Мои рабы принесли еду и изысканные вина, и я рад все это вам отдать. А затем вы скажете, что я могу для вас сделать. Я в вашем распоряжении и спасу вас и ваших друзей, даже если впаду в немилость у Мустафы.

По его знаку оба раба приблизились к ложу и принялись выгружать из корзин запыленные бутылки с вином, холодное мясо, сухари, полный кувшин еще теплого кофе и чашки.

– Это все, что я пока могу вам предложить, – сказал Мулей-эль-Кадель. – Даже у Мустафы стол не богаче: у нас тоже не хватает продовольствия.

– Я и не питала особых надежд, – с улыбкой отозвалась герцогиня. – Благодарю вас за такую благородную заботу. Мои друзья, должно быть, проголодались гораздо сильнее, чем я.

Она выпила чашку кофе, которую поднес ей Мулей-эль-Кадель, окунув в ароматный напиток сухарь, а лейтенант и араб с жадностью набросились на мясо. Они уже целые сутки ничего не ели.

– Синьора, – произнес Мулей, вставая, – что же я могу для вас сделать?

– Вывести нас из Фамагусты, – отвечала герцогиня.

– Желаете вернуться в Италию?

– Нет.

Мулей-эль-Кадель снова очень удивился.

– Вы хотите остаться на Кипре? – Его вопрос прозвучал немного странно, ибо в нем не слышалось сожаления.

– До тех пор, пока не разыщу человека, которого люблю. Он у вас в плену.

По лицу турка снова пробежала тень.

– Кто он такой? – спросил он.

– Виконт Л'Юссьер, – отвечала герцогиня.

– Л'Юссьер... – пробормотал Мулей-эль-Кадель и провел рукой по глазам, словно что-то вспоминая. – Это один из тех аристократов, кого взяли в плен в Никозии? И Мустафа их пощадил, так?

– Да. Вы его знаете? – с тревогой спросила девушка.

– По-моему, знаю. Подождите... ну да, любимец Никозии, звезда, доблестный воин, знаменитый командир.

– Мне хотелось бы знать, куда его увезли и где содержат.

– Думаю, это будет нетрудно. Кто-нибудь наверняка о нем знает.

– Пленных аристократов увезли в Константинополь?

– Сомневаюсь, – отвечал Дамасский Лев. – Ходили слухи, что Мустафа имеет особые виды на этих командиров. Вы хотите и его освободить, прежде чем покинуть Кипр?

– Я для того сюда и приехала, чтобы вырвать его из рук ваших соотечественников.

– А я полагал, что вы, благородная дама, взяли за оружие из ненависти к нам, мусульманам.

– Вы ошибались, Мулей-эль-Кадель.

– И очень рад тому, синьора. Нынче ночью узнать, где Мустафа держит виконта, будет невозможно, но завтра к вечеру обещаю. Сколько человек спрячется здесь? Я должен принести вам турецкую одежду, чтобы вы могли выйти из Фамагусты незамеченными. Вас только трое?

– Пятеро, – сказал Перпиньяно. – Еще двое моряков венецианского флота спрячутся в погребе. Если вам это не трудно, хотелось бы и их вырвать из когтей неминуемой смерти. Я обязан им жизнью.

– Я сражался с христианами, потому что я турок. Но у меня нет к ним ненависти, – отвечал Мулей-эль-Кадель. – Постарайтесь, чтобы завтра к вечеру они были здесь.

– Благодарю вас, синьор. Я был уверен, что Дамасский Лев столь же великодушен, сколь и смел.

Турок молча поклонился, улыбнулся, галантно поцеловал протянутую герцогиней руку и направился к выходу со словами:

– Клянусь Кораном, я сдержу данное вам обещание, синьора. До завтрашнего вечера.

– Спасибо, Мулей-эль-Кадель, – взволнованно отвечала герцогиня. – Когда я вернусь в мою страну, обязательно скажу соотечественникам, что и среди мусульман нашла людей высокого благородства.

– Это будет большая честь для турецкого войска. Прощайте, синьора, точнее, до свидания.

Эль-Кадур отодвинул камни, чтобы турок, рабы и собаки могли протиснуться в лаз, и потом вернул их на место.

– Благодарю тебя, Эль-Кадур, – сказала герцогиня. – Мы обязаны тебе нашим спасением, а я, может быть, и своим счастьем.

Араб вздохнул и ничего не ответил.

– Синьора, – спросил Перпиньяно, – вы вполне уверены в благородном великодушии Дамасского Льва?

– Абсолютно, лейтенант. А у вас есть какие-то сомнения?

– Я не доверяю туркам.

– Другим доверять нельзя, но не Мулею-эль-Каделю. А ты что скажешь, Эль-Кадур? Араб ограничился одним замечанием:

– Он поклялся Кораном.

– Чтобы все могли почувствовать себя в безопасности, пойду-ка я найду тех моряков, – сказал лейтенант. – Завтра может быть поздно, ведь янычары не перестанут рыскать в развалинах, пока не уверятся, что живых христиан там не осталось.

– На улицах есть патрули? – спросила герцогиня.

– Турки спят, – ответил Эль-Кадур. – Устали убивать христиан, презренные негодяи.

– Дай мне твой ятаган и пистолет, Эль-Кадур, – попросил лейтенант. – Мой меч уже никуда не годится.

Араб отдал ему оружие и накрыл ему плечи своим плащом, чтобы он стал похож на сына пустыни.

– Прощайте, синьора, – произнес лейтенант. – Если я не вернусь, передайте, что меня убили мусульмане.

Он нырнул в лаз и менее чем за минуту оказался у подножия башни.

Ночь стояла темная, и в тишине слышалось только ленивое тьяканье собак, до отвала насытившихся человечиной.

Лейтенант собирался свернуть в узкую улочку, ведущую вдоль разрушенных домов, как вдруг от колонны отделился человек в живописной форме командира янычар и решительно преградил ему дорогу.

– Эй, эй! – послышался чей-то насмешливый голос. – И куда это направился Эль-Кадур? На улице темно, но мои глаза хорошо видят в темноте.

Эти слова были сказаны не по-турецки, а на ужасающем венецианском диалекте, с сильным иностранным акцентом.

– Кто ты? – спросил лейтенант, отпрыгнув назад и распахнув плащ, чтобы удобнее было вытащить ятаган.

– Эль-Кадур и друзей тоже убивает? – поинтересовался капитан янычар с издевкой. – Ты так дикарем и остался?

– Ты обознался, – ответил лейтенант. – Я не Эль-Кадур, я египтянин.

– Значит, вы тоже пожертвовали своей верой, чтобы спасти шкуру, синьор Перпиньяно? Так-то лучше, сможем снова сыграть в зару.

У лейтенанта вырвался крик:

– Капитан Лашинский!

– Нет, Лашинский умер, – отвечал поляк, хотя это был, несомненно, он. – Теперь меня зовут Юсуф Хаммада.

– Лашинский или Хаммада – все равно ты отступник, предатель, – с глубоким презрением бросил лейтенант.

Лашинский грубо выругался, а потом снова заговорил с приторной, издевательской интонацией:

– Кому же понравится расстаться с жизнью? Если бы я не согласился стать мусульманином, моя голова была бы сейчас в другом месте, а не на плечах. А вы что тут делаете, да еще в шкуре Эль-Кадура? Честное слово, пока я не услышал ваш голос, я вас принимал за араба Капитана Темпесты.

– Что я тут делаю? – замялся венецианец, не зная, что ответить. – Да ничего, прогуливаюсь по развалинам Фамагусты.

– Шутить изволите?

– Может, и так.

– Разгуливать в одиннадцать ночи по городу, где полным-полно турок, которые с удовольствием содрали бы с вас кожу? Да ладно, лейтенант, карты на стол, вы напрасно мне не доверяете. Я еще не стал до конца мусульманином, и по мне, так пророк еще тот жулик, не верю я ни его пресловутым чудесам, ни Корану.

– Потише, капитан. Вас могут услышать.

– Мы одни. Турки, по крайней мере настоящие, спят. А скажите-ка, что случилось с Капитаном Темпестой?

– Не знаю, думаю, его убили на бастионах.

– Разве он не сражался с вами вместе?

– Нет, – благоразумно отвечал венецианец.

– А с чего бы вдруг Дамасскому Льву пришло в голову шататься ночью по улицам? Я знаю, за ним приходил Эль-Кадур, – сказал поляк, нагло расхохотавшись. – Вот видите, вы все-таки мне не доверяете.

– Я вам повторяю, что ничего не знаю ни об Эль-Кадуре, ни о Капитане Темпесте.

– О Капитанше, – поправил Лашинский.

– Что вы несете?

– Ох, скажите пожалуйста! Можно подумать, я не заметил, что это девушка, а вовсе не мужчина. Тысяча чертей! Ну и рука у этой женщины, ну и мужество! Клянусь кровью Магомета! Хотел бы я так владеть мечом, как она! Кто был ее учителем?

– Думаю, капитан, вы сильно заблуждаетесь.

– Ладно, не хотите – не верьте тому, что я вам сказал. Могу я быть вам полезен?

– Да нет, мне ничего не нужно.

– Имейте в виду: турки стоят большим лагерем вокруг Фамагусты. Если вас поймают, могут посадить на кол.

– Я буду осторожен, – ответил лейтенант.

– На случай, если с вами случится беда, что вполне возможно, не забывайте, меня зовут Юсуф Хаммада.

– Я этого имени не забуду.

– Удачи, лейтенант.

Капитан свернул направо, но венецианец притворился, будто не заметил, куда тот направился, и, надвинув капюшон, продолжил было свой путь, то и дело оглядываясь и наполовину вынув ятаган из ножен.

Поляк отошел уже довольно далеко, бормоча что-то себе под нос и ругаясь. Какое-то время лейтенант не спускал с него глаз, потом, свернув за угол старой башни, служившей фундаментом маленькой церквушки, спрятался за воротами. Железная калитка была полностью разбита палицами мусульман и валялась на земле.

– Надо проверить, не следит ли он за мной, – пробормотал он. – Человек, отрекшийся от веры, уважения не заслуживает, к тому же этот авантюрист явно затаил злобу на герцогиню. Ему доверять нельзя.

Не прошло и двух минут, как капитан снова появился. Он все еще что-то бубнил, но теперь шел на цыпочках, видимо полагая, что венецианец идет своей дорогой и может услышать его шаги. Ворота он миновал, не остановившись, и быстро исчез в темном переулке.

– Давай, давай, ищи меня, мошенник, – прошептал лейтенант.

Он быстро свернул назад и, двигаясь в темноте почти на ощупь, бросился к нескольким лачугам, совсем засыпанным камнями.

– Они должны быть где-то здесь, – проговорил он, перелезая через полуразвалившуюся стенку.

Сдвинув несколько камней, он оказался перед маленькой решеткой, прижался лицом к прутьям и несколько раз позвал:

– Папаша Стаке! Папаша Стаке!

Сначала никто не ответил, потом откуда-то из глубины погребца раздался глухой, хриплый голос:

– Это вы, лейтенант? Долго же вас не было. Я уж думал, вам отрубили голову или посадили на кол.

– Открывай засов, старина. А как там Симоне, жив еще?

– Еле живой, лейтенант, медленно помирает от голода и страха.

– Вылезайте быстро: скоро у вас будет и более надежное убежище, и еда.

– Ох, от этих двух слов кровь сразу быстрее побежала по жилам, – прохрипел голос. – Я поставлю двадцать свечек святому Марку и четыре – в церкви Святого Николая. Вставай, Симоне, шевели ногами, мой мальчик, если хочешь погрызть сухарика.

Засовы открылись, и оба, старик и молодой парень, с трудом протиснулись в дверцу.

– Идите за мной, папаша Стаке, – сказал лейтенант. – Опасности нет.

– Клянусь всеми хорватами Катара, у меня ноги подгибаются, синьор лейтенант, и сдается мне, что и у Симоне они не крепче моих.

– Это с голодухи, – уточнил его товарищ.

– Плохой ты моряк, – сказал старик, силясь улыбнуться.

– Пошли скорее, пока нас не застукал какой-нибудь патруль, – скомандовал Перпиньяно.

– Если вы о турках, то надо удирать. Мне что-то не улыбается быть посаженным на кол.

– Тогда ноги в руки, папаша Стаке.

Они отошли от домика и почти бегом бросились к башне, которая смутно виднелась в темноте. Все трое вскарабкались на груды обломков, затем Перпиньяно отвалил камни и пропустил обоих моряков внутрь.

– Это мы, Эль-Кадур, – сказал он.

Араб взял факел и принялся разглядывать вновь прибывших.

Первый, папаша Стаке, судя по имени уроженец Далмации, был красивый старик лет шестидесяти. Его морщинистое, очень смуглое лицо оттеняла длинная белая борода, серые глаза смотрели живо, мускулистую грудь атлета венчала крепкая, как у быка, мощная шея.

Несмотря на возраст, он, должно быть, обладал недюжинной силой и при случае мог бы справиться сразу с двумя турками, попадись они в его мозолистые руки.

Второй был высокий, сильно исхудавший парень лет двадцати, черноглазый, с едва пробившимися усами. Он выглядел более измученным и изнуренным, чем помощник капитана, которого мощная стать делала устойчивым и к голоду, и к постоянному страху неминуемой и ужасной смерти.

Старик спокойно дал арабу себя рассмотреть, потом, увидев герцогиню, стащил с головы берет и сказал:

– Да ведь это Капитан Темпеста! Как это здорово, что такой храбрец спасся от турецких сабель.

– Хватит болтать, папаша Стаке, лучше берите-ка на abordаж вот это, – сказал лейтенант, пододвигая к изголодавшимся морякам корзины с едой, которые принесли рабы Мулея-эль-Каделя.

– Ешьте и пейте сколько хотите, турки принесут еще, – уточнила герцогиня.

– Так это турки притащили! – не унимался неисправимый болтун. – Тем охотнее мы все съедим, синьор Капитан. Жаль только, что тут нет зажаренной головы Мустафы. Слово папаши Стаке, я бы ее сожрал в два счета, и тогда бы, наверное, в мое тело вселилась ока-

янная душа этого мошенника, да еще и души его четырех жен в придачу. Эй, Симоне, уж ты бы мне помог ее умять, а?

Парню отвечать было некогда. Он уже вовсю работал челюстями, как акула после месяца диеты, запивая еду старым кипрским вином, и казалось, все это исчезает в бездонном колодце.

– Как бог свят! Если ты и дальше так будешь стараться, мне ни кусочка не останется. Эй, давай поделись со мной!

Герцогиня и лейтенант глядели на них с улыбкой. Только араб оставался невозмутимым, как бронзовая статуя.

– Синьор Капитан Темпеста, – произнес судовой плотник, наевшись до отвала, – у меня неостанется слов, чтобы отблагодарить вас за такую щедрость.

Вдруг он осекся и уставился на герцогиню плутоватыми серыми глазами.

– То ли папаша Стаке ослеп от дыма кулеврин, то ли вообще стал хуже видеть?

– Что вы хотите сказать, друг мой? – со смехом спросила она.

– Хотя мне больше доводилось водить знакомство со швартовыми да со смолой, чем с женщинами, я бы все-таки поклялся всеми акулами Адриатики, что вы...

– Ложитесь спать, папаша Стаке, – сказал Перпиньяно, – и дайте отдохнуть герцогине д'Эболи, или, если вам так нравится, Капитану Темпесте.

Старый морской волк отвесил герцогине шуточный поклон, с трудом согнув спину и сняв берет, а потом пошел следом за своим юным спутником, бормоча себе под нос:

– Поступил приказ задать храпака, и я подчиняюсь, ибо приказ отдал победитель, вернее, победительница первого клинка негодяев-мусульман.

Перпиньяно подождал, пока тот задремлет, потом подошел к герцогине и тихо сказал:

– За нами следят.

– Кто? Янычары? – с опаской спросила герцогиня.

– Капитан Лашинский.

Герцогиня вздрогнула:

– Как? Он еще жив? А вы не обознались, Перпиньяно?

– Нет, синьора. Он принял мусульманство, чтобы спасти свою шкуру.

– А кто вам это сказал?

– Он сам.

– Сам?

– Я его только что встретил, он рыскал по развалинам, а незадолго до этого он видел Мулея-эль-Каделя вместе с Эль-Кадуром.

– Может быть, он выискивает наше убежище, чтобы сдать нас в руки Мустафе?

– От этого отступника, синьора, который отрекся от своей веры, можно ожидать любого скверного сюрприза. Если бы у меня был не ятаган, а меч или был бы запален фитиль пистолета, я бы не раздумывая напал на него. Он тайком за мной шел...

– До этого места?

– О нет, мне удалось его перехитрить, и он не узнал, где мы прячемся.

– Интересно, почему этот человек, в прошлом христианин, так храбро сражавшийся с Дамасским Львом, так меня ненавидит?

– Вероятно, за то, что вы, женщина, оказались храбрее его, заслужили большее уважение и одолели Дамасского Льва.

– И он догадался, что я женщина?

– Я в этом не сомневаюсь.

Араб, который все это время молчал, стоя по другую сторону ложа, на этот раз вмешался:

– Синьор Перпиньяно, – сказал он, по обыкновению холодно и решительно, – вы думаете, капитан и дальше будет шататься возле нашего убежища?

– Вполне возможно, – ответил венецианец.

– Ладно, пойду и убью его. Одним врагом и одним турком станет меньше.

– Эль-Кадур! – крикнула герцогиня. – Ты хочешь на всех навлечь беду?

– Я никогда не промахиваюсь, когда стреляю, госпожа, и запалить фитиль – пустяковое дело, – отвечал дикий сын Аравии.

– Но выстрел может привлечь дозор янычар, и тебя схватят.

– Что мне моя жизнь, когда дело идет о помощи госпоже? Разве я не твой раб?

– Они могут обнаружить и наше убежище.

– Я на них наброшусь с ятаганом и поломаю их мечи, – сказал Эль-Кадур, глядя на герцогиню сверкающими в полутьме глазами. – Я отступился от веры предков, я христианин, но достоинства не потерял: мой отец был великим аравийским воином, и я ему в этом не уступлю, госпожа. Я его сын. Он доблестно принял смерть, с оружием в руках защищая свое племя. Так почему же я не могу умереть, защищая дочь человека, который вызволил меня из рабства?

Араб выпрямился, откинув назад плащ, возвращенный лейтенантом, и в дымном красноватом свете факела его фигура обрела гигантские размеры. В руке он крепко сжимал ятаган, и лезвие посверкивало яркими искрами.

Казалось, сын пустыни превратился в льва, гораздо более свирепого, чем Дамасский Лев.

– Я его убью, – в исступлении повторял араб. – Он – соперник... синьора Л'Юссьера!

– Ты не выйдешь отсюда, – властно сказала герцогиня. – Повинуйся!

Эль-Кадур выронил ятаган.

– Повинуйся мне, мой верный Эль-Кадур, – повторила она гораздо мягче. – Ты должен меня охранять.

При этих словах свирепое выражение слетело с лица араба, как по волшебству.

– Да, госпожа, я впал в безумие, – проговорил он, медленно опустившись на камень. – Я потерял осторожность.

Из темного угла послышался голос папашы Стаке:

– Клянусь китовой тушей! Что, в Фамагусте вообще невозможно уснуть? Эти собаки-турки вечно устраивают дьявольский грохот своими ятаганами.

10

Польский медведь

На следующий вечер, около десяти, Мулей-эль-Кадель, как и пообещал накануне, появился в каземате, соблюдая все предосторожности. С ним пришли уже не двое, а четверо чернокожих рабов, вооруженных до зубов, в тяжелых кольчугах, и каждый нес большую корзину.

Эль-Кадур уже поджидал их за баррикадой из камней и сразу открыл вход маленькому отряду.

– Синьора, – произнес Дамасский Лев, приблизившись к ложу, где лежала герцогиня. – Я поклялся на Коране, и я выполнил все, что обещал, и даже более того. Со мной турецкая одежда, оружие и шесть лучших коней албанской конницы. Есть также и ценные сведения.

– Я не сомневалась, Мулей-эль-Кадель, что вы проявите честность и великодушие, – сказала девушка, протянув ему руку. – Женское сердце трудно обмануть.

Тут посчитал нужным вмешаться папаша Стаке, который занялся вместе со своим другом бутылкой кипрского вина, принесенной накануне чернокожими рабами.

– Я никогда бы в это не поверил, но теперь вынужден признать, что среди турок есть порядочные люди. Это настоящее чудо, все равно что встречный ветер вдруг задул бы в корму.

– Мулей-эль-Кадель, – сказала герцогиня, не обращая внимания на болтовню старого моряка, – вы не заметили, не следил ли кто-нибудь за вами?

На лице турка отразились удивление и тревога.

– Почему вы об этом спрашиваете, синьора?

– Не встретился ли вам кто-нибудь по дороге?

Дамасский Лев на минуту задумался, потом ответил:

– Ну да... капитан янычар, но мне показалось, он был пьян.

– Это он! – воскликнул Перпиньяно.

– Кто? – спросил турок, внимательно на него поглядев.

– Медведь Польских Лесов, – сказала герцогиня.

– Тот капитан, которого я вышиб из седла и который потом отрекся от своей веры?

– Да, – ответил венецианец.

– И этот человек осмелился шпионить за мной? – нахмутив брови, произнес Дамасский Лев.

– Возможно, он хочет нас выследить и сдать в руки Мустафе раньше, чем мы покинем Фамагусту, – прибавил лейтенант.

Турок презрительно усмехнулся:

– Мулей-эль-Кадель значит гораздо больше, чем жалкий отступник. Пусть только попробует перейти мне дорогу, если осмелится.

Потом, сменив тон, повернулся к герцогине и сказал:

– Вы хотели знать, где мои соотечественники содержат виконта Л'Юссьера?

– Да, – отвечала герцогиня, рывком поднявшись и зардевшись.

– Я знаю, где он находится!

– Его увезли с Кипра?

– Нет, он в замке Хусиф и останется там до тех пор, пока Венецианская республика не захочет подписать мирный договор.

– Как вы сказали? – спросила герцогиня.

– В замке Хусиф.

– И где этот замок?

– В бухте Суда.
– Его охраняют?
– Возможно, но точно сказать не могу.
– И как туда можно добраться?
– По морю, синьора.
– Мы сможем найти какую-нибудь галеру?
– Об этом я тоже позаботился, синьора, – сказал Мулей-эль-Кадель. – Я знаю, кому можно вас поручить.
– Туркам?
– По моему приказу они тотчас же освободят небольшое судно. Вам только надо будет соблюдать осторожность и делать вид, что вы мусульмане, а не христиане. А в Суде вы найдете достаточно отступников, не принявших сердцем нашу веру, – с улыбкой добавил Дамасский Лев, – и они будут счастливы вам помочь. Мы знаем, чего стоят те, кто принял нашу веру, но так глубоко чувствовать ее, как мы, они не могут. Синьора, вы сможете сесть в седло?
– Надеюсь, – отвечала герцогиня. – Моя рана не так серьезна, как казалась поначалу.
– Я бы вам советовал уезжать этой же ночью. Янычары или этот польский отступник могут обнаружить ваше убежище, и моей популярности среди мусульманского войска будет недостаточно, чтобы вас спасти.
– А как же мы сможем пройти через патрули, которые мусульмане выставили вокруг Фамагусты? – спросил Перпиньяно.
– Я проведу вас сквозь посты внешней охраны, – отвечал Мулей-эль-Кадель. – Меня остановить не посмеют. Достаточно будет моего имени, чтобы вас пропустили.
– Надо уходить без промедления, госпожа, – сказал Эль-Кадур, наклонившись к герцогине. – Я опасаюсь проклятого поляка.
– Помогите мне, – попросила девушка.
Араб вздрогнул и на секунду смешался, но потом бережно обвил ее сильными руками и поднял легко, как ребенка.
– Я смогу держаться в седле, – сказала герцогиня, приветливо улыбнувшись Мулею-эль-Каделю. – Или я не Капитан Темпеста?
Турок не отвечал, только с восхищением глядел ей в глаза.
– Где лошади? – снова заговорила герцогиня.
– У подножия башни, за ними присматривает мой слуга. Наденьте турецкое платье, что я вам принес. В вашей одежде вас легко узнают.
Он открыл одну из корзин и вынул богатый албанский костюм с золотыми пуговицами, короткую курточку с широкими галунами и двойными манжетами из зеленого шелка и просторную белую юбку с туго накрахмаленными складками.
– Это для вас, синьора, – сказал он. – Капитан Темпеста станет блестящим албанским капитаном, способным вскружить головы всем женщинам из гарема Мустафы.
– Благодарю, Мулей-эль-Кадель, – отвечала герцогиня, пока араб бережно освобождал ее от кольчуги, разорванной осколком каменного ядра.
Рабы между тем вытаскивали из корзин другую одежду, арабскую и египетскую, для моряков и синьора Перпиньяно. Вслед за одеждой из корзин появились богатые пистолеты с инкрустированными перламутром рукоятками и длинными стволами с узором, канджары⁷ и ятаганы тончайшей стали, острые как бритва.
– Черт возьми! – вскричал старый морской волк, который выбрал себе костюм египетского мамелюка. – Я прямо как настоящий шейх, а статья-то какая! Эх, жаль, нет у меня тысячи верблюдов и племени, чтобы командовать...

⁷ Турецко-арабское название кинжала.

– Ага, и ста тысяч баранов, – отозвался Перпиньяно, который надевал богатый костюм арнаута.

– Нет, синьор, у этих удачливых разбойников в темных углах шатров стоят сундуки с цехинами, и эти сундуки ценнее баранов.

– Вы становитесь привередливы, папаша Стаке, – заметила герцогиня, заканчивая одеваться.

– Что же вы хотите, синьора: как только я увидел себя в одежде, расшитой золотом, – это я-то, кто в жизни не носил ничего, кроме морской робы, – во мне тут же пробудились амбиции. Сказать по правде, поздновато, но я же еще жив!

– В седельной сумке твоего коня, моряк, ты сундучка не найдешь, а вот цехины там будут, – улыбаясь, сказал Мулей-эль-Кадель.

– Ну, тогда, синьор, я назову вас не Дамасским Львом, а Золотым Львом.

– Как хочешь, моряк. Однако надо поспешить. В полночь сменяется караул у форта Эриццо, и мне не хотелось бы объясняться с тамошними командирами. Синьора, вы готовы?

– Да, Мулей-эль-Кадель.

– Тогда попытаемся воспользоваться моментом.

Они подвесили оружие к поясам и вслед за рабами вышли из убежища.

Эль-Кадур и Перпиньяно поддерживали герцогиню, все еще слабую после ранения.

У подножия башни их поджидал еще один чернокожий раб, который держал, собрав в руке все уздечки, десять великолепных арабских скакунов, с бархатной шкурой и длинной гривой, в турецкой сбруе, то есть с короткими широкими стремянами, под красными чепраками, шитыми серебром, и с легкими и удобными седлами.

Мулей-эль-Кадель подвел герцогиню к самому красивому жеребцу и помог ей сесть в седло со словами:

– Он помчится как ветер, и никто не сможет догнать вас, синьора. За это я отвечаю. В седельных сумках вы найдете хорошие пистолеты и кошельки с цехинами.

– Но как я смогу с вами расплатиться?

– Об этом не думайте, синьора. Мой отец – богатейший паша в Малой Азии, и он будет рад, что я выказал великодушие к той или к тому, кому я обязан жизнью. Умри я, он бы тоже умер, и никакое богатство не оплатило бы обе эти смерти.

– А теперь по коням! У нас мало времени! – обернулся он к морякам, арабу и лейтенанту.

Все поспешили выполнить команду, включая папашу Стаке, который не преминул, однако, заметить:

– Оседлаем этот живой флагшток и будем держаться крепче! Дьяволы-кони устроят нам приличную бортовую качку, как при хорошем сирокко в Кварнаро. Вцепись в фор-марсель, Симоне, или воткнешься башкой в палубу.

– Вперед! – скомандовал Мулей-эль-Кадель.

Негр, державший коней под уздцы, отпустил их и отошел в сторону, и кони пустились быстрым галопом.

Открывали кавалькаду четверо рабов, принесших корзины, двое моряков ее замыкали. По бокам от герцогини ехали Перпиньяно и Дамасский Лев, готовые при необходимости сразу поддержать ее.

В несколько мгновений они миновали южную часть города, почти свободную от турок, и оказались перед опускной решеткой бастиона Эриццо, которую охранял отряд янычар.

Вперед вышел капитан янычар и крикнул:

– Стой, стрелять буду!

Перпиньяно и герцогиня вздрогнули, услышав этот голос, а Эль-Кадур с глухим рычанием молниеносно выхватил из ножен ятаган.

– Лацинский! – вскрикнули все трое разом.

Мулей-эль-Кадель сделал знак герцогине и остальным остановиться, потом прищипнул коня, и тот гигантским прыжком оказался перед поляком, стоявшим посередине моста с обнаженной саблей.

За ним, в трех шагах, застыли как статуи двенадцать янычар, держа аркебузы с зажженными фитилями.

Они оказались перед опускающей решеткой бастиона Эриццо, которую охранял отряд янычар.

– Кто ты такой, чтобы осмелиться загородить мне дорогу? – спросил Мулей, обнажив саблю.

– По крайней мере, нынче ночью я комендант бастиона, – отвечал поляк со своей обычной насмешкой.

– И тебе известно, кто я?

– Черт возьми! – воскликнул авантюрист, коверкая турецкий язык. – Мне хватило длинного рубца на шее, чтобы узнавать вас, не видя, господин Мулей-эль-Кадель, сын паши Дамаска.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Вы уже позабыли Медведя Польских Лесов, который едва не переломал вам кости?

– А, это ты, отступник! – воскликнул Дамасский Лев, презрительно поморщившись.

– Я, может, теперь еще более правоверный мусульманин, чем вы, – нагло отвечал Лашинский.

– И чего тебе надо, когда ты знаешь, кто я?

– Клянусь гибелью Креста! Мне надо не дать вам пройти до рассвета, господин Мулей-эль-Кадель. У меня приказ никого не выпускать из Фамагусты, и я не собираюсь ради ваших прекрасных глаз подвергаться опасности исполнить свой последний танец на колу.

– Дорогу Дамасскому Льву! – угрожающе крикнул Мулей-эль-Кадель. – Полученный тобой приказ не распространяется на сына паши Дамаска, близкого родственника великого султана Селима.

– Да будь вы хоть сам Магомет, без бумаги, подписанной Мустафой, вы не пройдете.

Потом обернулся к неподвижно стоявшим янычарам и скомандовал громовым голосом:

– Сомкнуть ряд и приготовиться к команде «огонь»!

В глазах Мулея-эль-Каделя сверкнул гнев.

– И вы станете стрелять в Дамасского Льва? – крикнул он, грозя кулаком янычарам.

Затем, повернувшись к своим спутникам, скомандовал не менее громким голосом:

– Сабли из ножен, и вперед! В атаку! Ответственность беру на себя!

Еще раз прищипнув коня, он заставил его сделать такой неожиданный прыжок прямо на поляка, что тот рухнул на землю, не успев отскочить в сторону.

– Ах ты, мошенник! – заорал капитан, кувырком полетев в ров. – Янычары, огонь!

– Вперед! – крикнул Мулей-эль-Кадель.

Десять всадников ринулись на подъемный мост с саблями наголо, но янычары, вместо того чтобы стрелять, быстро отскочили к парапету, выстроились, взяли на караул и все как один крикнули:

– Да здравствует Дамасский Лев!

Отряд, как ураган, пронесся сквозь ворота и вылетел на равнину. Папаша Стаке, крепко ухватившись за гриву коня, с явным удовлетворением пробормотал:

– Невозможно поверить, но этот турок, похоже, и впрямь славный парень. Никогда бы не подумал, что среди этих каналий попадаются такие ребята!

Мулей-эль-Кадель держался в голове отряда и показывал дорогу. Вдали виднелись огни турецкого лагеря, разбросанные по всей равнине, и время от времени слышался звук трубы.

А дальше ничего не было видно, только сумрак.

Турок старался подальше объезжать лагерные стоянки, чтобы их снова не остановили часовые и они не потеряли время. А потом решительно повернул на восток, где над мрачным

горизонтом еле виднелась маленькая светящаяся точка, которую можно было принять за звезду.

– Это маяк в Суде? – спросил Перпиньяно.

– Да, – ответил Мулей-эль-Кадель.

– Когда доедем до берега моря?

– С такими лошадьми мы будем там примерно через полтора часа. Вам непременно надо отплыть до рассвета, чтобы избежать расспросов турецких властей.

– А мы сможем сразу найти судно? – поинтересовалась герцогиня.

– Я все предусмотрел, синьора, – отвечал турок. – Вчера утром я послал в Суду двоих людей, и они зафрахтуют для вас галиот. Когда мы приедем, все будет уже готово, и вам останется только поднять паруса.

– Как же вы к нам внимательны!

– Я плачу вам долг признательности, и никто не был бы так рад, как я, спасти самую красивую и отважную женщину из всех, кого я до сих пор знал.

Он немного помолчал, потом, поглядев на герцогиню, ехавшую рядом, прибавил с грустью:

– Я был бы счастлив сопровождать вас и помочь вам... но между мной и вами – пророк, ведь я рожден турком, а вы христианка.

– Вы и так слишком много сделали для меня, Мулей-эль-Кадель, и я никогда не забуду великодушия Дамасского Льва.

– Я тоже никогда вас не забуду, – еле слышно ответил турок.

– Наверное, по возвращении у вас будут неприятности с Мустафой? – спросила герцогиня, сменив смущавшую ее тему разговора.

– Мустафа не посмеет и пальцем тронуть сына паши Дамаска. Не бойтесь за меня, синьора.

Он снова пришпорил коня, заставив его скакать быстрее. Остальные всадники, христиане и чернокожие рабы, сделали то же самое, чтобы миновать опустошенные войной поля, которые за несколько месяцев из бесценных виноградников превратились в вытопанную степь.

К часу пополудни отряд, скакавший без остановки, добрался до маленькой деревушки из двух-трех дюжин лачуг, кое-как угнездившихся вокруг маленькой бухты, где слышно было, как накатывают на берег волны Средиземного моря.

На краю крошечного мыса расположился небольшой маяк с горевшим наверху немигающим фонарем. Из-за крыши почти целиком развалившегося домика высунулись двое негров, словно поджидавших всадников на краю деревни:

– Стой! Кто идет?

– Хозяин, – сразу отозвался Мулей-эль-Кадель, остановив коня таким резким рывком, что тот чуть не распластался по земле. – Галиот готов?

– Да, господин, – ответил один из негров.

– Кто на веслах?

– Десять греческих отступников.

– Они знают, что те, кто сядет на корабль, христиане?

– Я им сказал.

– И они согласились?

– С радостью, хозяин, и обещали слушаться христиан.

– Ведите нас.

Двое негров провели их по темной, пустой деревне к маяку, возле которого, поскрипывая, качался на волнах длинный и узкий стотонный двухмачтовый галиот с латинскими⁸ парусами и очень высокими шканцами.

У берега дожидалась шлюпка с шестью гребцами, наполовину вытащенная на песок.

– Вот хозяин, – сказал один из негров, указывая на Мулея-эль-Каделя, который уже спешился и помогал сойти с лошади герцогине.

Все шестеро гребцов почтительно сняли фески и поклонились до земли.

– Проводите нас на борт, – сказал Мулей-эль-Кадель. – Я тот самый человек, что зафрахтовал судно.

⁸ Треугольные паруса, крепившиеся к рее. Использовались на Средиземном море начиная со Средневековья. (Примеч. ред.)

11

На борту галиота

Парусник, который щедрый турок предоставил в распоряжение герцогини д'Эболи, чтобы она могла добраться до замка Хусиф, где томился пленный французский виконт, был красивый торговый галиот, из тех, которыми в то время пользовались для плавания между островами Греческого архипелага. Скорее всего, его захватили турки, ставшие настоящими пиратами в морях Малой Азии.

Как мы уже говорили, он был не более ста тонн водоизмещением, но представлял собой настоящий скоростной корабль благодаря необычайной длине мачт и обтекаемой форме. Для своего малого размера вооружен он был солидно: две кулеврины на палубе и еще четыре – у правого и левого бортов. В то время все парусники, ходившие по Средиземному морю, которое становилось все более опасным из-за возраставшего влияния турок, заклятых врагов христиан и торговцев, были более или менее вооружены. Надо было защищаться от мусульманских корсаров, непрерывно курсировавших между портами Малой Азии, Египта, Триполитании, Туниса, Алжира и Марокко.

Едва ступив ногой на верхнюю палубу, папаша Стаке окинул взглядом мачты и экипаж, набранный из бывших христиан, и остался доволен увиденным.

– Крепкий корпус, прекрасная оснастка, моряки с Архипелага, в чьи сердца наверняка еще не просочился свет истины этого мошенника Магомета, отличное вооружение... Да мы сможем посмеяться над галерами этого шута Али-паши, верно, Симоне?

– Хороший парусник, – коротко ответил молодой моряк. – Это точно, если Али-паша попробует нас настигнуть, мы обратим его в бегство.

Мулей-эль-Кадель подошел к экипажу, который выстроился перед грот-мачтой.

– Кто капитан?

– Я, господин, – отозвался энергичный моряк с длинной черной бородой. – Хозяин доверил командовать мне.

– Сдашь командование вот этому человеку, – сказал турок, указав на папашу Стаке, – и получишь премию в пятьдесят цехинов.

– Я к вашим услугам, господин. Хозяин велел мне слушаться человека, который зовется Дамасским Львом.

– Это я.

Грек низко поклонился.

– Эти люди – христиане, – продолжал турок. – Ты обязан им подчиняться, как если бы командовал я. Я беру на себя ответственность за все, что может случиться, учитывая возможную опасность экспедиции.

– Хорошо, господин.

– Кроме всего прочего, предупреждаю тебя: ты головой отвечаешь за свою преданность, и, в случае если попробуешь нанести любой вред этим людям, я найду тебя и накажу.

– Раньше я был христианином.

– Поэтому я и выбрал тебя. Я турок и не доверяю никаким вашим обращениям в ислам, но я не собираюсь вас за это упрекать. Как тебя зовут?

– Никола Страдиот.

– Я запомню, – сказал Мулей-эль-Кадель.

– Клянусь китовой тушей! – пробормотал папаша Стаке, который присутствовал при этом разговоре. – Если бы я был Мустафой, я немедленно назначил бы этого великолепного турка адмиралом мусульманского флота. Он командует как настоящий капитан и говорит как по-писаному. Для турка он просто чудо! И он совсем не твердолобый.

Мулей-эль-Кадель повернулся к герцогине, взял ее за руку и проводил на нос корабля, сказав с грустной улыбкой:

– Моя миссия окончена, синьора, наша партия сыграна. Я снова становлюсь врагом христиан, а вы – врагом турок...

– Не говорите так, Мулей-эль-Кадель, – прервала его девушка. – Как вы не забыли, что я спасла вам жизнь, так и я не забуду вашего великодушия.

– Любой на моем месте поступил бы так же.

– Нет. Вот Мустафа никогда не смог бы забыть, что он прежде всего мусульманин.

– Визирь – это обычный тигр, а я – Дамасский Лев, – с гордостью ответил турок.

Затем, сменив тон, продолжил:

– Я не знаю, синьора, чем кончится ваше приключение и как вы, женщина, хотя и гордая и смелая, сможете освободить господина Л'Юссьера. Боюсь, вам придется столкнуться с большими опасностями, поскольку весь остров сейчас в руках моих соотечественников, а они во все глаза следят за любым иностранцем из страха, что он христианин. Я оставляю вам своего раба Бен-Таэля, человека верного и отважного, не менее чем Эль-Кадур. Если когда-нибудь вы окажетесь в опасности, пошлите его ко мне, и клянусь, синьора, я попытаюсь сделать все от меня зависящее, чтобы спасти вас.

– А ведь вы только что сказали мне, Мулей, будто снова стали врагом христиан.

– Вы неправильно поняли меня, синьора, – ответил он и вспыхнул. – Капитан Темпеста не уйдет так быстро из моего сердца...

– А может быть, герцогиня д'Эболи? – лукаво спросила девушка.

Сын паши не решился ответить. На несколько мгновений им словно овладела какая-то глубокая и мучительная мысль. Потом, встряхнувшись, он протянул герцогине руку и сказал:

– Прощайте, синьора, но не навсегда. Надеюсь, в тот день, когда вы будете покидать остров, чтобы вернуться на родину, мы встретимся.

Он опустил голову, крепко стиснул маленькую руку и поцеловал ее, может быть, более долгим поцелуем, чем следовало, прошептав при этом:

– Такова воля Аллаха.

Потом, не оглядываясь, быстро спустился по веревочному трапу и прыгнул в шлюпку, которая уже ждала у правого борта.

Герцогиня стояла неподвижно, тоже, казалось, о чем-то задумавшись. Когда же она обернулась, шлюпка уже коснулась берега.

Сделав несколько шагов по направлению к корме, где дожидались ее приказаний папаша Стаке и Никола Страдиот, она оказалась перед арабом, который смотрел на нее с бесконечной нежностью.

– Что тебе, Эль-Кадур?

– Снимаемся с якоря? – спросил он, и голос его дрогнул.

– Да, отплываем тотчас же.

– Так будет лучше.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что турки гораздо опаснее христиан и от них надо держаться подальше, синьора. И особенно опасны... турецкие львы.

– Может, ты и прав, – отвечала герцогиня, с досадой тряхнув головой.

Она подошла к грот-мачте и сказала папаше Стаке, который разговаривал с греческим капитаном:

– Поднимайте якорь и ставьте паруса. Будет лучше, если мы еще до рассвета окажемся далеко отсюда.

– На такелаж! – скомандовал старый помощник капитана флота Венецианской республики голосом, достойным капитана. – И поторапливайтесь, акулы Архипелага!

Моряки распустили закрепленные вдоль мачт огромные латинские паруса, потравили шкоты, затем привели в движение лебедку, изо всех сил налегая на кабестан, чтобы достать якорь со дна.

Все это заняло несколько минут. Кливера галиота наполнились, он медленно развернулся, чуть накренился на левый борт и гордо покинул рейд, едва не задевая отвесные скалы.

Он проходил мимо маяка, стоявшего на обрыве, когда герцогиня, подняв глаза, увидела на краю обрыва неподвижно застывшего всадника. Свет маяка блеснул на стальной кольчуге, покрывавшей его грудь, и на шлеме, обернутом тюрбаном.

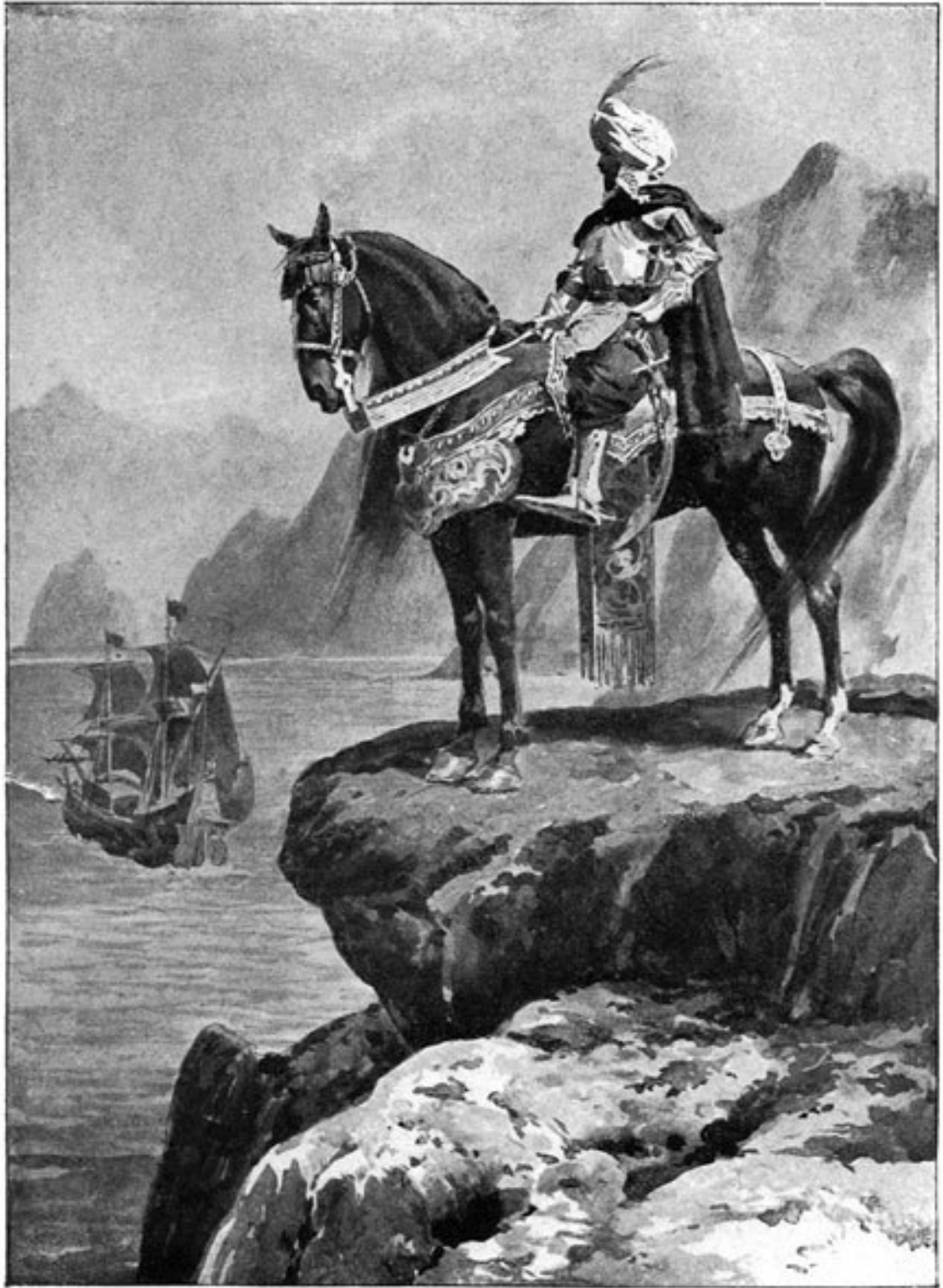
– Мулей-эль-Кадель! – прошептала она, вздрогнув.

Дамасский Лев, словно угадав, что его заметили, прощально помахал рукой.

И почти сразу же раздался голос папаши Стаке:

– Эй, араб, ты что творишь?

– Убиваю турка, – ответил голос, который герцогиня тотчас же узнала.

Герцогиня, подняв глаза, увидела на краю обрыва неподвижно застывшего всадника.

Она резко обернулась.

– Эль-Кадур! Что за безумие опять на тебя нашло?

– Хочу его убить, чтобы вы, госпожа, больше не испытывали к нему никакой признательности.

Араб держал в руке длинноствольный пистолет и уже прицелился в Дамасского Льва, который неподвижно стоял на краю скалы, гордо и прямо держась в седле.

Под ним был обрыв, и, если бы пуля настигла его, никто не смог бы его спасти.

– Загаси фитиль! – крикнула герцогиня.

Араб помедлил в нерешительности, но лицо его исказила гримаса жестокой ненависти.

– Дайте мне убить его, госпожа, ведь он враг Креста.

– Опустите оружие! Я приказываю!

Араб склонил голову и резким движением выбросил пистолет в море.

– Повинуюсь, госпожа.

Потом ушел на нос галиота, сел на бухту каната и спрятал лицо в широких складках своего белого плаща.

– Этот дикарь совсем спятил, синьора, – сказал папаша Стаке, повернувшись к герцогине. – Убить такого замечательного человека! Похоже, этот огрызок черного хлеба позабыл, что, если бы не турок, испускать бы нам сейчас последний вздох, сидя на колу. До чего же неблагодарны эти арабские разбойники!

– Не обращайтесь внимания, господин помощник капитана, – отвечала герцогиня. – Эль-Кадур всегда был очень вспыльчив. Встаньте к штурвалу и посмотрите хорошенько, нет ли у выхода из бухты какой-нибудь галеры Али-паши.

– С таким судном нас не должны беспокоить неповоротливые парусники, синьора, я за это отвечаю. Потравить еще шкоты! Живее, акулы Архипелага! Мне хочется провести хорошую ночь!

Герцогиня снова обернулась к маяку, уже удалившемуся от них шагов на шестьсот-восемьсот, и увидела на краю скалы неподвижную фигуру Мулея-эль-Каделя, которая словно вырастала из тьмы.

– Жаль, что он турок и что он появился после Л'Юссьера, – прошептала она.

В этот момент галиот, все увеличивая скорость, покидал рейд, затем обогнул последнюю скалу, и Дамасский Лев исчез из виду.

В открытом море задул свежий восточный бриз, по воде побежали волны и начали глухо ударяться в борта галиота.

Папаша Стаке и Симоне устроились возле подвесного светильника и вели легкий корабль, а Перпиньяно, будучи специалистом по оружию, занялся изучением бортовых кулеврин.

Герцогиня, опершись на левый фальшборт, в странной задумчивости неотрывно смотрела на свет маяка, посверкивающий сквозь мрак.

У галиота была прекрасная оснастка, и он с легкостью преодолевал волны, все увеличивая скорость по мере удаления от берега. Отойдя мили на две, чтобы не налететь на риф, которых в окрестностях Кипра было полно, капитан повернул на север, к замку Хусиф.

– Синьор, – сказал Никола Страдиот, почтительно приблизившись к герцогине. – Я должен исполнять только ваши приказы.

– Да, – отозвалась она.

– Вы желаете подойти к замку днем или ночью?

– А когда мы там будем?

– Ветер хороший, и около десяти мы уже сможем бросить якорь на рейде Хусифа.

– Вам известно, что там содержат узников-христиан?

– Так говорят.

– И что среди них есть один знатный француз?

– Может, и так, синьор.

– Называйте меня синьора, я женщина.

Грек ничем не выдал своего удивления. Видимо, его предупредил папаша Стаке или слуги Мулея-эль-Каделя, которые фраговали корабль.

– Как пожелаете, синьора, – сказал он.

– Вы знаете этот замок?

– Да, я сам там просидел три недели.

– А кто комендант замка?

– Племянница Али-паши.

– Турецкого адмирала! – воскликнула герцогиня.

– Да, синьора.

– И что она за женщина?

– Очень красивая и очень энергичная. Хотя, говорят, она жестока с пленниками-христианами. Меня шесть дней держали без еды только за то, что я ей не так ответил, и так пбили палками, что следы остались до сих пор, а ведь прошло уже семь месяцев.

– Бедный Л'Юссьер! – прошептала герцогиня, не в силах сдержать дрожь. – Как он, такой гордый и не терпящий никакого принуждения, сможет с этим смириться?

Она задумалась, потом спросила:

– А мы сумеем проникнуть в замок, если притворимся, что мы мусульмане и нас послал Мулей-эль-Кадель?

– Вы разыгрываете очень опасную карту, синьора, – ответил грек, покачав головой. – Однако я не вижу, какой еще мотив можно изобрести для того, чтобы проникнуть на эту скалу.

– Мы сможем доплыть до Хусифа без неприятных встреч и столкновений?

– В этом-то и трудность, синьора, – сказал грек. – Возможно, на рейде все время дежурит какой-нибудь корабль паши и его капитан нас задержит и начнет допрашивать, кто мы, откуда приплыли, и еще кучу всякой всячины.

– А замок далеко от моря?

– В нескольких милях, синьора.

– Если там окажется корабль, которого вы опасаетесь, мы его атакуем и захватим, – решительно заявила герцогиня. – Мы готовы на все, и думаю, вы тоже не откажетесь отомстить туркам за дурное обращение, если представится случай.

– Можете на нас рассчитывать, – отвечал грек. – Отступник здесь хуже раба, турки его шпыняют и презирают, христиане над ним насмеются. По мне, так лучше смерть, чем жизнь в бесчестье. Так и умрешь неотомщенным... С тех пор как я отрекся от Креста, чтобы озверевшие турки не посадили меня на кол, никто не подает мне руки, а ведь я этой самой рукой уничтожил больше двадцати мусульман в Негропонте и в Кандии⁹.

В голосе грека звучала такая боль, что герцогине стало его жалко. Она протянула ему руку и сказала:

– Вот, пожмите руку Капитана Темпесты.

Отступник вздрогнул.

– Капитан Темпеста! – воскликнул он, и на глаза его навернулись слезы. – Так это вы тот герой, что вышиб из седла Дамасского Льва? Вы... женщина!

– Это я, – отвечала герцогиня.

Грек пожал и поцеловал ей руку.

– Я снова стану христианином и свободным человеком! Синьора, можете располагать моей жизнью.

– Я, наоборот, предпочту ее побережь, Никола. В эту проклятую войну полегло и так слишком много христиан, чтобы еще кем-то жертвовать.

В этот момент подошел папаша Стаке, переваливаясь на мощных ногах, как старый медведь.

⁹ *Негропонте* – принятое в Италии того времени название греческой Эвбеи; *Кандия* – ныне Ираклион, но Кандией называли и сам остров Крит.

– По морю рыскает какой-то любопытный, – сообщил он.

– Что вы хотите этим сказать, папаша Стаке?

– Я заметил на горизонте две светящиеся точки.

– Мы уже находимся в акватории Хусифа, – сказал грек. – Может, это патрулирует один из кораблей паши?

Он ухватился за бакштаг, вскочил на фальшборт и оттуда долго смотрел на север.

– Да, – сообщил он. – Какой-то корабль движется на рейде. Может быть, кто-то предупредил племянницу паши о наших планах?

– О них знает только Мулей-эль-Кадель, но не думаю, что этот человек способен нас выдать после того, как проявил к нам такое великодушие, – заметила герцогиня.

– На какой высоте вы видите эти светящиеся точки, можете сказать? – спросил папаша Стаке, повернувшись к греку.

– Мы пока слишком далеко, чтобы о чем-то судить. Но, во всяком случае, не думаю, что это галера.

– И что вы намерены делать? – спросила герцогиня.

– Плыть дальше. Наш галиот идет со скоростью ветра, его так просто не догонишь. Если мы увидим, что нам угрожает опасность, повернем на другой галс и уйдем в открытое море.

– Я велю на всякий случай зарядить кулеврины, – сказал подошедший Перпиньяно. – Есть на борту артиллерист мне в помощь?

– Они все солдаты, – ответил грек. – Все умеют обращаться и с аркебузами, и с пушками. Они вместе с венецианцами сражались в Негропонте, на Родосе и в Кандии. Давайте пойдем на шканцы, оттуда лучше видно.

– А мы с Эль-Кадуром займемся оружием, надо быть наготове, – сказала герцогиня.

Галиот под умелым управлением Николя, который снова встал к штурвалу, сменив Симоне, быстро шел к рейду. От бухты отделялся небольшой полукруглый полуостров, сильно выдававшийся в море.

На горизонте появились смутные очертания высоких гор.

Папаша Стаке внимательно вглядывался в огни, которые, казалось, перестали двигаться, словно корабль после краткой вылазки в море встал на якорь у берега.

– Огни сидят слишком низко, – сказал он вдруг. – Это никак не может быть галера: ставлю цехин против турецкой фески. Никола, прикажите погасить наши огни.

– Мы их завесим куском паруса.

– Входим в бухту? – спросила герцогиня.

– Сначала посмотрим, с кем имеем дело, синьора, – ответил грек. – Подходите медленно, папаша Стаке.

Помощник капитана уже собрался уменьшить ход, как вблизи бухты сверкнула вспышка и прогремел выстрел.

Папаша Стаке, Перпиньяно и Никола прислушались, но знакомого свиста снаряда не услышали.

– Нас обнаружили и приказывают удалиться, – сказал папаша Стаке.

– А я разглядел, с каким кораблем нам предстоит иметь дело, – сообщил Никола.

– Галера?

– Нет, это шебека, и на борту у нее вряд ли больше двенадцати турок.

– Удобный случай прорваться, – заметил папаша Стаке. – Как думаете, Никола, они нас пропустят?

– Гм... Сомневаюсь. Они сначала пожелают узнать, кто мы такие, потом будут долго задавать разные вопросы, а это опасно.

– И что вы предлагаете? – спросила герцогиня.

– Пойти на двух наших шлюпках на внезапный абордаж и захватить шебеку.

– А у нас хватит сил?

– Здесь мы оставим только двоих матросов, синьора. Этого будет достаточно, чтобы охранять галиот. Сделаем вид, что подчинились и повернули в море.

Корабль быстро поменял галс и, пока моряки снимали с фонарей кусок паруса, направился к оконечности мыса, чтобы заставить турок поверить в то, что меньше всего на свете им хочется подставиться под кулеврины.

Однако, едва завернув за мыс, галиот остановился, и на воду спустили две шлюпки. У всех уже были наготове пистолеты, аркебузы и холодное оружие.

– Вы, папаша Стаке, командуете первой шлюпкой. В нее сажусь я, Перпиньяно, Эль-Кадур и шестеро человек из экипажа, – приказала герцогиня. – Вы, Никола, командуете второй шлюпкой, вместе с четырьмя матросами. Идем на абордаж неожиданно и начинаем стрелять не раньше, чем окажемся под самой шебекой.

Они сели в шлюпки и бесшумно отчалили, двигаясь на веслах в сторону бухты, решительно намереваясь завладеть вражеским судном.

12

Атака на шебеку

После того единичного выстрела экипаж шебеки не подавал признаков жизни.

Часовые, уверенные, что этого холостого выстрела хватило и галиот повернул назад, должно быть, снова устроились покурить на свернутых парусах.

Обе шлюпки шли в двух кабельтовых друг от друга, намереваясь напасть на шебеку с двух сторон. Гребцы старались как можно осторожнее орудовать веслами.

Папаша Стаке, сидя на кормовой банке рядом с герцогиней, пристально вглядывался в темноту.

– Странное дело! – воскликнул он вдруг. – Я не вижу больше огней шебеки.

– И правда, перед нами сплошной мрак, – отозвалась герцогиня.

– Синьор лейтенант, вы на носу, вам видно огни?

– Нет, – ответил Перпиньяно.

– И перед нами нет ни дамбы, ни скал, – пробормотал старик. – Может, чертовы турки сами хотят застать нас врасплох? Хотя нам гораздо проще вовремя увидеть шебеку, чем часовым заметить нас. Ну-ка, посмотрим, идет ли за нами Никола.

Он обернулся в сторону маленького полуострова, отделяющего бухту. Менее чем в кабельтове по волнам бесшумно скользила тонкая темная линия.

А вокруг слабо поблескивали какие-то огоньки, словно весла рассекали воду, напичканную светящимися моллюсками.

– А может, это ночесветки сыграли с нами шутку? – с тревогой пробормотал себе под нос папаша Стаке. – Даже моллюски Средиземного моря заделались союзниками Магомета и его приспешников!

Потом чуть громче прибавил:

– Только вперед, ребята. Вот войдем в бухту, тогда и увидим, поджидают нас эти акулы или погасили огни, чтобы сладко поспать.

Шлюпка сделала остановку, покачиваясь на волнах, чтобы старый помощник капитана мог внимательно оглядеться, а потом снова двинулась вперед, медленно приближаясь к небольшой бухте Хусифа.

– Папаша Стаке, – сказала герцогиня, – не лучше ли будет нам высадиться незамеченными?

– Тогда турки быстро обнаружат галиот и захватят его. Какое сопротивление смогут оказать оставленные там двое греков?

– Это верно.

– К тому же нам обязательно надо иметь под рукой судно. Если абордаж удастся, нам нельзя будет оставаться здесь, у берега Кипра, дольше часа. Опасность быть посаженными на кол пока никуда не делась, и такая смерть, клянусь, мне вовсе не улыбается. Я однажды видел, как казнили беднягу-отступника, и двух дней его ужасной агонии мне хватило на всю оставшуюся жизнь, я этого никогда не забуду, даже если буду жить тысячу лет, как кит.

– Говорят, из всех казней, что изобрели турки, эта самая ужасная.

– Чувствовать, как тебе молотком вбивают в тело острый кол, а потом висеть в воздухе, как птица на вертеле, – вещь не самая приятная, синьора.

– Прибавьте к этому, что несчастный может прожить в таком виде дня три, а эти собаки-турки придумали, как усилить его мучения. Они намазывают его медом, чтобы его терзали еще мухи и пчелы.

– Вот звери!

– Они настоящие каналы, синьора, достойные своего Магомета.

– Ну, Магомет таким не был.

– Нет, он был пес шелудивый, – отозвался старик. – Стоп, ребята!

– В чем дело, папаша Стаке? – спросил Перпиньяно, перебравшись на корму.

– Шебека не дальше чем в двух кабельтовых.

– Останавливаемся?

– Подождем Николу. Если в нужный момент он нам не поможет, наше дело дрянь. Он не должен быть далеко.

Папаша Стаке выпустил из рук румпель, оглянулся и тихо свистнул.

Вскоре послышался ответный свист.

– Подождем его. Никола понял, что он нам нужен.

Шлюпка грека двигалась очень медленно, чтобы с шебеки не услышали плеска весел, хотя прибой был силен и волны с шумом набегали на песок и бились о скалы. А потому до шлюпки папаши Стаке она добралась не скоро.

– Почему вы остановились? – спросил Никола.

– Сто тысяч акул! Турки загасили огни, – ответил старик, – а я не кошка, чтобы видеть в темноте.

– Я тоже это заметил, однако, мне кажется, для нас это даже хорошо, – сказал грек. – Так легче застать их врасплох. Вы видите шебеку?

– Вижу, но смутно.

– Значит, надо нападать.

– Хотелось бы еще знать, с какой стороны.

– Мы зайдем с кормы.

– Тогда мы – с носа. Только бы его увидеть. Похоже, темнота тоже нынче в сговоре с собаками-мусульманами, не только ночесветки.

– Откройте глаза пошире, папаша Стаке.

– Да, черт побери! Они и так уже распахнуты, как ворота.

– Значит, откройте еще шире.

– Закажете мне потом огромные очки, с линзами, как купол Святой Софии.

– Ну что, выдвигаемся?

– Мы готовы, – ответил старик.

– Вы идете прямо к носу.

– А мы под самую корму. Возьмем турок в клещи.

– Будьте осторожней возле скал.

– Постараемся на них не налететь, – ответил папаша Стаке, – слух у меня хороший, я слышу, как о них разбиваются волны.

– Прощаемся, синьоры, и готовьте оружие, – заключил Никола.

Его шлюпка развернулась и почти сразу исчезла во мраке.

– Вот грек, у которого в жилах течет правильная кровь, – пробормотал папаша Стаке. – Если стану адмиралом, назначу его капитаном галеры. Вперед, ребята!

Шлюпка снова осторожно двинулась к темным очертаниям шебеки, которая, казалось, дремала посреди бухты.

Похоже, турки, дав выстрел из кулеврины, отправились спать. С палубы шебеки не доносилось ни единого звука. Только, когда судно качала волна прибоя, штурвал поскрипывал на петлях, заржавевших от морской соли.

Папаша Стаке прислушивался к шуму волн, разбивающихся о торчащие из воды острые скалы.

Вести тяжелую шлюпку между таких препятствий, которые к тому же были еле различимы во мраке, – дело нелегкое.

Но тем не менее они прошли уже около кабельтова. И вдруг старик глухо вскрикнул.

– Что случилось, папаша Стаке? – спросила герцогиня.

– Видите там, в воде, светящуюся точку?

– Это какая-нибудь фосфоресцирующая рыба?

– Нет, синьора.

– Тогда что же?

– Что-то плоское, а может, скорлупа ореха, и в нее вставлен огарок свечи.

– Кто же ее зажег?

– Несомненно, турки, синьора.

– И что это значит?

– Эти каналы хотят, чтобы мы себя обнаружили. Но я не такой дурак, чтобы подплыть к огоньку, дать им заметить шлюпку и получить вместо приветствия заряд из кулеврины. Хитрецы наверняка не спят и только и ждут, чтобы мы как-нибудь себя обнаружили. Что ж, Магомет им в помощь! Эх! Не может же этот негодяй быть способным на все хитрости сразу. Ребята, пригнись! Мы у цели. Готовься к абордажу!

Герцогиня, Эль-Кадур и Перпиньяно вытащили из ножен ятаганы и сабли.

Они были уже шагах в тридцати от маленькой шебеки, и, похоже, стража не заметила две подплывающие шлюпки.

Папаша Стаке мощным рывком бросил шлюпку вперед и быстрым движением румпеля вплотную подогнал ее к правому борту шебеки. Ухватиться за фальшборт, оседлать его и спрыгнуть на палубу было секундным делом.

Часовой, стоявший у кабестана, увидел, как на судно проник какой-то чужак, бросился вперед и крикнул:

– Тревога!

Железный кулак помощника капитана, настоящая палица, с глухим стуком опустился ему на голову.

Турок свалился замертво, но его крик слышали.

С полуюта выскочил с саблей наголо капитан шебеки.

– Мусульманский пес! – хладнокровно рявкнул папаша Стаке, наставив на него пистолет с зажженным фитилем. – Предупреждаю: дернешься – пристрелю, как зайца. Бросай оружие!

Капитан, молодой турок лет двадцати пяти, был настолько ошарашен неожиданным вторжением и прозвучавшей угрозой, что на несколько мгновений потерял дар речи.

Между тем Капитан Темпеста, Перпиньяно, Эль-Кадур и греки, оставив весла и взяв аркебузы, воспользовались коротким замешательством, чтобы проникнуть на судно и наставить оружие на экипаж, который с громкими криками и руганью вылезал из маленькой носовой каюты.

Капитан Темпеста, с саблей наголо, тотчас же бросился на капитана шебеки, готовясь нанести ему смертельный удар.

– Вы слышали, что сказал этот человек? – крикнул он.

– Кто вы такие? – обрел наконец дар речи турок.

Вместо ответа герцогиня повернулась к Перпиньяно:

– Наступайте на экипаж. Если не бросят оружие – стреляйте!

Потом, пристально глядя на капитана и насмешливо отдав ему честь, сказала:

– Я капитан христиан, и я требую, чтобы вы сдались, если хотите спасти свою жизнь и жизнь ваших людей.

– Христиане! – крикнул капитан и попытался отскочить назад, увертываясь от направленного на него пистолета папаши Стаке.

Но старик прекрасно все видел и быстро схватил его за камзол:

– Э, нет, приятель, уйти от такой старой морской акулы, как я, никакой Магомет тебе не поможет. А попытаешься сбежать – я тебе подарю очень жесткую конфетку, и она тебя отправит прямиком к гуриям твоего рая, если, конечно, ты их там найдешь.

– Вы что же, думаете, турок сдастся христианам? – крикнул капитан шебеки. – Убейтесь вон, или я велю вас побить, как собак!

– И кто же это нас побьет?

– Али-паша.

– Ну, он далеко.

– Завтра он прибудет сюда.

– Хватит болтать! – рявкнул папаша Стаке. – Мы сюда явились не для того, чтобы разводить дискуссии с тобой, деревянная башка! У нас есть дела поважнее. Сдаешься или нет?

Турок неожиданным рывком высвободился из сильных рук папаши Стаке и попытался выхватить саблю, но тут же оказался в руках Эль-Кадур, и тот его так стиснул, что он взвыл от боли.

– Молодец араб! – со смехом сказал папаша Стаке.

– Ко мне, матросы! – крикнул капитан. – Убейте этих христиан! Такова воля пророка!

Все десять человек экипажа шебеки бросились на отряд Перпиньяно врукопашную, но тут у них за спиной раздался громкий голос:

– Эй, успокойтесь, ребята, полегче! Мы тоже здесь и готовы содрать с вас шкуры! И мы уже не мусульмане!

Это был Никола, который ворвался на полубак, а за ним быстро карабкались по найтовым бушприта его люди.

Турки, видя перед собой греков отряда Перпиньяно, готовых расстрелять их в упор, и услышав за спиной голоса второго отряда, который показался им более многочисленным, чем был на самом деле, остановились.

– Бросайте оружие, каналы! – крикнул грек, подходя к ним с саблей наголо и пистолетом с зажженным фитилем. – Желаете умереть – пожалуйста! Достаточно сделать только шаг. Кто первый? И приготовьтесь выметать остальных, как мусор.

Между тем Эль-Кадур повалил капитана турок на палубу и придавил его коленом, приставив к горлу ятаган.

– Прикончить его, госпожа? – спросил он.

– Пленники всегда пригодятся, и живые ценятся больше, чем мертвые, – сказал папаша Стаке. – Верно, синьора?

– Вы правы, – ответила герцогиня.

– Так ты сдаешься или нет? – тряхнул турка араб.

– Али-паша сумеет за меня отомстить, – ответил капитан шебеки, бросив саблю на палубу.

– Если мы дадим тебе время его предупредить, – вмешался папаша Стаке, – но это вряд ли.

– Вы за это заплатите!

– Мы тебя ждем на Адриатическом море, а лучше – в Венецианской лагуне. Там есть канал Орфано, всегда готовый принять турка с камнем на шее.

– Что вы хотите со мной сделать? – взвыл турок.

– Пока что взять в плен, – ответила герцогиня. – Если бы мы были мусульманами, вы и сами были бы уже мертвы, и ваши люди валялись бы бездыханными. Так что благодарите вашего пророка, что мы христиане, а вы турки. Эль-Кадур, свяжи этого человека и отведи в носовую каюту.

– А вы, лейтенант, – сказал папаша Стаке, – свяжите этих язычников сотней локтей просмоленного каната.

Турецкий экипаж, видя, что его окружили, побросал оружие, понимая, что любое сопротивление плохо кончится.

Греки тут же набросились на пленников и принялись их дубасить кулаками и ногами, и неизвестно еще, не лишились бы турки ушей, если бы не вмешательство Перпиньяно и не присутствие герцогини.

Их быстро связали и затолкали вместе с капитаном в носовую каюту, поставив у люка охрану из двух матросов, вооруженных аркебузами и саблями.

– Синьора, – сказал Никола, подойдя к герцогине, – теперь бухта свободна, и мы можем высадиться. Нас никто не потревожит. Если хотите сойти на берег сейчас, то к рассвету мы будем возле замка Хусиф.

– Черт возьми! – произнес папаша Стаке. – Вот уж не думал, что наша первая попытка пройдет так удачно, без единого выстрела. Вторая будет потруднее.

– Ну, может, она будет и не так трудна, как кажется, – заметила герцогиня. – Мы представимся посланниками Мулея-эль-Каделя, у которых от него поручение к племяннице паши. Разве мы не выглядим как турки?

– Но вы не говорите на их языке, госпожа.

– А я притворюсь арабом. Их ведь немало в войске Мустафы! Эль-Кадур меня научил арабскому языку.

– Хорошая мысль! Мои акульки мозги она бы никогда не посетила, – сказал папаша Стаке. – Араб, да еще какой, синьора! Ни разу такого не видел, а как хорош собой!.. Эх, не знаю, что и сказать... Если бы я не был стариком, клянусь, у меня бы точно голова пошла кругом.

Эль-Кадур бросил на него свирепый взгляд, но старому моряку от того было ни жарко ни холодно. А герцогиня только улыбнулась очередной выходке морского волка.

– Высаживаемся, – сказал Никола.

– А шебека? – спросила герцогиня.

– Двое наших людей отведут ее к галере. Чтобы добраться до товарищей, им хватит и одного паруса. Будут вчетвером охранять турок, которые теперь безоружны. Пойдемте, папаша Стаке, и вы тоже, синьора.

– А кто проводит нас в замок?

– Я, – ответил Никола. – Впрочем, рассвет уже близок.

Он отдал необходимые указания двоим часовым, что стояли возле носовой каморки, и христиане вместе с греками-отступниками снова спустились в шлюпки.

– К берегу! – крикнул Никола. – Теперь нам бояться нечего, а если явится Али-паша, то он сильно опоздает.

Обе шлюпки отделились от шебеки, которая тоже собиралась отплыть, поскольку часовые подняли парус, и направились к берегу. Западный ветер крепчал, и на прибрежный песок накатывали мощные валы прибоя.

Шлюпка папаша Стаке прибыла первой. Он ухитрился не задеть ни одного камня, которые торчали из воды, словно вырастая перед носом, и причалил к песчаному берегу.

Стук брошенных на банку весел растревожил морских птиц, и они вихрем разлетелись в разные стороны и исчезли в темноте.

– Хороший признак, – сказал папаша Стаке, потирая руки. – Если бы здесь были турки, птицы не спали бы на песке.

– Выходите на берег, – сказал Никола, тоже причалив к берегу.

Вооружившись аркебузами, герцогиня, Перпиньяно, Эль-Кадур и остальные сошли на пляж.

Никола их опередил и успел забраться на скалу, откуда внимательно изучал открывшуюся перед ним холмистую равнину, поросшую мощными деревьями.

Нигде, ни внизу, ни на скалистых холмах, что поднимались с другой стороны бухты, не было видно ни одного огонька. Только где-то вдалеке лаяла собака.

– С этой стороны бухту никто не охраняет, – сказал Никола, снова спустившись на пляж.

– Когда мы сможем добраться до замка? – спросила герцогиня.

– Через пару часов, – ответил Никола.

– Может, подождем до рассвета?

– Это ничего не даст, синьора. Я знаю дорогу, тысячу раз по ней ходил, таская на плечах центнеры маиса, и даже бегал под ударами плети тюремщика. Тяжелая тогда была жизнь.

– Значит, пошли?

– Да, синьора, если вы не устали.

– Вперед, и помалкивайте.

Отряд пересек песчаные дюны и спустился на равнину. Грек, который, казалось, видел в темноте, как кошка, шел впереди.

– Вот ведь чертяка! – пробормотал папаша Стаке, толкнув локтем Симоне, который шел рядом. – Эти греки и вправду молодцы, когда собираются насолить туркам. А я-то думал, они сделаны из хлебного мякиша!

– Да, народ что надо, – отозвался молодой моряк, не отличавшийся многословием.

Герцогиня и Перпиньяно вполголоса обсуждали план действий, стараясь все предусмотреть и согласовать, чтобы не допустить ни малейшей оплошности. Ведь за любой промах придется заплатить жизнью, а казнь у турок ужасна...

– Для всех я теперь Хамид, сын правителя Медины, поскольку я хорошо знаю арабский, – заключила герцогиня. – Я ближайший друг Мулея-эль-Каделя. Бен-Таэль, слуга великодушного юноши, подтвердит, что я действительно мусульманин и доблестный воин.

– А вы не скомпрометируете Дамасского Льва? – спросил Никола.

– Он сказал, я могу в любой ситуации воспользоваться его именем, и я им воспользуюсь, – отвечала герцогиня. – С племянницей Али-паши я буду говорить одна.

– Да, синьора, – сказали Никола и Перпиньяно.

– Предупредите наших людей. Мы не должны допустить ни малейшего промаха.

– Иначе всех посадят на кол, – сказал грек. – Племянница паши очень хороша собой, но о ней идет молва, что, если дело касается христиан, она не менее жестока, чем ее дядюшка.

– Я постараюсь укротить эту юную тигрицу, – сказала герцогиня, которой, похоже, в голову пришла какая-то мысль. – Я очень верю в то, что наш план осуществится, как бы дерзок он ни был.

Грек на минуту остановился, чтобы лучше сориентироваться в густой темноте, потом отряд снова двинулся вперед по оврагам, покрытым кустарником, который очень затруднял движение.

Папаша Стаке непрерывно ворчал по поводу буераков:

– Бывают же на свете идиоты, которые утверждают, будто путешествовать по земле – такое уж удовольствие. Они никогда не ступали ногой на палубу галеры, никогда не испытывали прелестей ни бортовой, ни килевой качки. Будь неладен этот Кипр с его турками и киприотами!

К пяти часам утра сумрак начал рассеиваться.

– Видите, синьора? – спросил Никола, указав рукой на обрывистый холм, на вершине которого смутно угадывались очертания огромного мрачного здания.

– Это замок Хусиф?

– Да, синьора.

– Бедный Л'Юссьер! Должно быть, он томится в подземелье одной из этих мрачных башен.

– И к тому же наверняка закован в кандалы. Племянница Али-паши не слишком гостеприимна с теми, кто заперт в башне.

13 Замок Хусиф

Замок Хусиф был одной из самых грандиозных цитаделей, выстроенных венецианцами на средства Катерины Корнаро, чтобы контролировать добрую часть восточного побережья Кипра, непрерывно подвергавшуюся набегам египетских и турецких корсаров, которые хозяйничали на востоке Средиземноморья.

Его возвели на небольшой прибрежной скале, в том месте, где она обрывалась в море, и снабдили массивными башнями с большим количеством амбразур.

Этот бастион оказывал долгое и упорное сопротивление туркам Мустафы, и кто знает, как долго продлилось бы это сопротивление, если бы на помощь Мустафе не пришли сто галер Али-паши.

Крепость нещадно атаковали с моря, ее денно и ночно обстреливали восемьсот кулеврин, и в конце концов она была вынуждена сдаться под натиском пятидесяти тысяч моряков, после чего воины Полумесяца, по своему обыкновению, вырезали весь гарнизон.

Бастионы крепости долгое время подвергались бомбардировкам мощного флота и были сильно разрушены, но их как следует отремонтировали и передали в руки племянницы Али-паши, женщины молодой и, как говорили, очень красивой, отважной и дерзкой. Она, как и адмирал султана Селима, была непримиримым врагом христиан.

При взгляде на замок, который четко вырисовывался в лучах рассвета на краю скалы, у герцогини невольно защемило сердце. Найдет ли она своего жениха Л'Юсьера живым, или злобная турчанка уморила его лишениями и жестоким обращением?

Эль-Кадур, казалось, угадал, какая мысль терзала его госпожу, которая стояла на краю обрыва и глядела на замок; он подошел к ней:

– Ты ведь думаешь о виконте, верно, госпожа?

– Да, Эль-Кадур, – с грустью ответила герцогиня.

– Боишься, что племянница паши его убила?

– Как ты догадался, о чем я думаю?

– Слуга привыкает заранее предвидеть желания своего хозяина, – с горечью ответил араб.

– Как ты думаешь, он еще жив?

– Его пощадили после взятия Никозии, значит, решили, что за него можно взять выкуп. Давайте поторопимся, госпожа. Еще немного, и нас обнаружит крепостной гарнизон.

Они ступили на узкую тропу, вырубленную в скале, круто обрывавшейся в море. Эту тропу могла бы оборонять от целого войска горстка людей, даже плохо вооруженных.

Они ступили на узкую тропу, вырубленную в скале, круто обрывавшейся в море

Внизу открывалась пропасть, на дне которой мрачно ревело и грохотало Средиземное море.

Никола решительно шагнул на тропу, но сначала попросил герцогиню покрепче прижаться к стене и не смотреть на море, чтобы не закружилась голова.

Пройдя по тропе минут десять и не встретив ни одного патруля, греки и их друзья уже решили, что турки слишком уверены в своей безопасности, чтобы бояться атаки со стороны

христиан, и так уже почти уничтоженных. И вдруг тропа вывела их на широкую площадку, над которой высился огромный замок.

Часовой на башне увидел группу вооруженных людей и крикнул:

– Тревога!

На подъемном мосту через опоясывающий замок ров тут же появился отряд янычар во главе с капитаном оттоманского морского флота.

– Мы друзья, – сказал Никола, который хорошо говорил по-турецки и по-арабски, и сделал янычарам знак опустить аркебузы.

– Откуда вы идете? – спросил капитан, не вкладывая саблю в ножны.

– Из Фамагусты.

– Что вам надо?

– Нам поручили сопровождать капитана Хамида, сына паши Медины.

– Где он?

– Я здесь, – сказала герцогиня на прекрасном арабском, которому обучилась у Эль-Кадура.

Турок внимательно ее оглядел, не выказав никакого удивления, потом отсалютовал ей саблей и произнес:

– Да пошлет пророк тысячу лет счастья тебе и твоему отцу. Хараджа́, племянница Али-паши, будет счастлива принять тебя. Следуй за мной, господин.

– Могут ли мои люди тоже войти?

– Они все турки?

– Да.

– Они тоже будут гостями Хараджи. Я об этом позабочусь.

Он жестом приказал янычарам расступиться и дать дорогу и проводил отряд в парадный двор крепости, украшенный по периметру арками в арабском стиле, с хорошо сохранившейся каменной колоннадой, хотя сюда тоже долетали снаряды турецкого флота, судя по нескольким незаделанным ямам в полу.

Турок усадил герцогиню на роскошный ковер в глубине одной из арок и сделал эскорту знак расположиться за колоннами, в тени большой пальмы, широко раскинувшей красивые перистые листья.

Четверо чернокожих рабов принесли шелковые подушки и серебряные подносы с дымящимися чашечками кофе, мороженым и фруктами.

Герцогиня знала восточные обычаи, поэтому сразу выпила чашечку кофе и съела маленький кусочек пирога. Исполнив эту формальность, она уселась на подушку и обратилась к турку, который ждал, что она скажет:

– А где племянница паши? Еще спит?

– Хараджа обычно встает раньше, чем ее воины, – ответил турок. – Когда четвертая стража объявляет о рассвете, она уже на ногах.

– Но почему теперь, когда ты знаешь, кто я, ты не велел послать за ней?

– Ее здесь нет сейчас, – отвечал капитан, помимо своего родного языка, владевший еще и арабским. – Она отправилась проверить, как христиане ловят пиявок. Многие раненые в Фамагусте очень нуждаются в пиявках, а этим маленьким тварям по вкусу христианская кровь.

Герцогиня побледнела:

– Что ты такое говоришь! Хараджа заставляет пленных христиан ловить пиявок?

– Но здесь уже не осталось никого из местных жителей. Не посылать же ей своих солдат, чтобы они капля за каплей теряли кровь, – сказал турок. – Кто же тогда будет защищать крепость, если венецианцы пошлют сюда флот? Лучше уж пусть гибнут христиане, они и так для нас большая обуза, да и хороший выкуп за них вряд ли заплатят.

– Но вы же их так совсем уморите! – вскричала герцогиня с плохо сдерживаемым возмущением.

– Конечно, они все так кончат, – небрежно бросил турок. – Хараджа не даст им передохнуть, чтобы кровь, высосанная пиявками, восстановилась.

– Хотя я и жесточайший враг христиан, но думаю, такая неслыханная жестокость не делает женщине чести.

– Что ты хочешь, господин, такова воля племянницы паши. Здесь распоряжается она, и никому не дозволено ей перечить, даже мне.

– А сколько здесь пленников?

– Около двадцати.

– Всех взяли в Никозии?

– Да, они все из гарнизона и, думаю, принадлежат к знатым фамилиям.

– И ты знаешь их по именам?

– Некоторых знаю.

– А есть среди них капитан по имени Л'Юссьер? – спросила герцогиня, и голос ее дрогнул.

– Л'Юссьер... – пробормотал турок. – О! Французский аристократ на службе Венецианской республики... Да, он тоже ловит пиявок.

Герцогиня закусил губы: рвущийся из груди крик надо было сдержать. Она нервным движением промокнула капли холодного пота, выступившие на лице, и немного помолчала, чтобы прийти в себя и обрести прежнее спокойствие. Потом сказала:

– Я ведь приехал именно из-за этого офицера.

– Его хотят освободить?

– Мне поручено препроводить его в Фамагусту.

– Кто отдал такой приказ, господин?

– Мулей-эль-Кадель.

– Дамасский Лев! – с удивлением воскликнул капитан. – Но зачем этому смельчаку из смельчаков понадобился Л'Юссьер?

– Этого я не знаю.

– Не думаю, господин, что племянница паши вам его отдаст. Мне кажется, она очень держится за своих пленников, и потом, Мулей-эль-Кадель должен будет заплатить за него солидный выкуп.

– Дамасский Лев достаточно богат, чтобы заплатить за свободу пленного.

– Я знаю, что его отец – один из самых влиятельных людей, родственник султана и к тому же обладатель несметных сокровищ.

– Когда вернется племянница Али? Я не могу оставаться здесь надолго, у меня много незаконченных дел в Фамагусте и еще одно поручение от Мустафы.

Турок задумался и ответил:

– Хочешь, я провожу тебя к прудам? Там увидишь и Хараджу, и пленника.

– Это далеко?

– Около получаса верхом. У нас есть отличные арабские скакуны, и я могу их предоставить в твоё распоряжение и в распоряжение твоей свиты.

– Согласен, – ответила герцогиня.

– Я пойду отберу лучших и велю их седлать, – сказал турок, вставая. – Через несколько минут мы сможем выехать из замка.

Едва он ушел отдать необходимые распоряжения, как к герцогине подошли Никола и Перпиньяно. Девушка выглядела совсем потерянной.

– Значит, виконт здесь? – спросил венецианец.

– Да, – ответила она. – И кто знает, в каком состоянии мы его найдем.

– Почему, синьора? – спросил грек.

– Его вместе с другими пленными отправили на пруды ловить пиявок.

– Вот канальи! – проворчал грек, и лицо его помрачнело.

– Наверное, это трудное занятие? – поинтересовался Перпиньяно.

– Скорее, опасное, синьор. Я знаю, что это такое, мне довелось несколько дней пробыть на прудах. После месяца пребывания там люди полностью теряют силы, у них возникает малокровие, их начинает лихорадить, и они еле держатся на ногах. А тела превращаются в сплошную рану.

– Но неужели племянница паши могла послать аристократа Л'Юссьера умирать среди пиявок? Этого не может быть! – в ужасе воскликнул Перпиньяно.

– Это подтвердил турецкий капитан, – с трудом сдерживая слезы, сказала герцогиня.

– Но мы вырвем его из жестокого ада! – решительно заявил венецианец. – Мы готовы пойти на любой риск, даже на штурм крепости, правда, Никола?

Грек с сомнением покачал головой.

– Здесь, должно быть, много турок, – сказал он. – Придется прибегнуть к насилию, и тогда, вполне вероятно, никто из нас не вернется живым в гавань Хусиф.

– Я знаю, что надо сделать, – сказала герцогиня. – Помериться силами с племянницей паши. И посмотрим, кто победит: турчанка или итальянка. Не забудем, что Дамасский Лев нас поддерживает, а этот доблестный человек слов на ветер не бросает.

Тут громкое ржание и цокот копыт по камням парадного двора прервали беседу. Появился турецкий капитан, а за ним многочисленные слуги вели под уздцы великолепных изящных коней с маленькими головами, длинными гривами и тонкими, чуткими ногами.

– Кони в твоём распоряжении, господин, – сказал турок, обращаясь к герцогине. – К часу полуденной молитвы мы уже вернемся и сможем позавтракать. Я послал гонца к Харадже, чтобы он объявил о твоём приезде от имени Мулея-эль-Каделя, и тебя примут с почестями, приличествующими твоему положению. Она будет счастлива принять посланца Мулея-эль-Каделя.

– Она с ним знакома?

На губах турка промелькнула странная улыбка.

– Еще бы! – вполголоса сказал он. – Полагаю, думая о нем, Хараджа теряет сон и становится еще злее.

– Может, она в него влюблена?

– Так говорят.

– А он?

– Похоже, он о ней даже не думает.

– Ах вот как!

– Прошу на коня, господин! Мы застанем христиан за работой, и это будет отменное зрелище: увидеть, как презренные ползают в болотной жиже, искушенные пиявками. Харадже пришла в голову блестящая идея, я бы до такого не додумался.

– А мне вот пришла идея получше, – прошептал папаша Стаке, который понимал по-турецки. – Сдавить бы тебе, гнусная падаль, шею руками, да так, чтобы язык вывалился!

Через минуту всадники выехали из замка и направились вглубь острова. Турок ехал впереди.

14

Ловля пиявок

Когда, спустившись со скалы, на которой стояла крепость, всадники выехали на холмистую равнину, где росли только маленькие пальмовые рощицы и высокие опунции с широкими, как лопаты, колючими листьями, солнце стояло уже высоко.

Даже в этом уголке страны, довольно далеко расположенном от Фамагусты, были заметны следы пребывания турок. Эти разрушители оставляли за собой только руины и трупы.

Земля здесь была плодородная, и усадьбы, которые должны бы множиться и процветать, теперь либо совсем исчезли, либо от них остались только почерневшие от огня и дыма стены и чудом не рухнувшие крыши. Кое-где еще виднелись разбитые когда-то виноградники.

Турецкий капитан делал вид, что ничего не видит, но от взглядов христиан, и в особенности папаши Стаке, ничто не укрылось. Ничуть не заботясь о том, что мусульманин может его услышать, смелый моряк непрерывно ворчал:

– Бандиты! Они уничтожили все, и людей тоже. Когда же этих псов настигнет кара? Не может же республика допустить, чтобы все жертвы остались безнаказанными! Если этого не произойдет, я сам заделаюсь турком!

После получасовой бешеной скачки, поскольку приведенные турком кони были чистейших арабских кровей, отряд оказался в низкой лощине, где виднелись многочисленные пруды, густо заросшие тростником с пожелтевшими листьями, что говорило о лихорадке, таящейся в гнилых корнях и на илистом дне.

На берегу одного такого болотца несколько полуголых людей орудовали в воде длинными палками, и казалось, они заняты перемешиванием ила или встряхиванием тростника.

– А вот и первые ловцы пиявок, господа, – сказал турок, сдерживая коня.

– Это пленные, взятые в Никозии? – спросила герцогиня, делая невероятные усилия, чтобы не выдать глубокого волнения.

– Нет, это рабы из Эпира, – отвечал капитан. – Разве не видишь, их охраняют всего четверо янычар? Иди посмотри, как они работают, и ты получишь представление, как работают пленные, взятые в Никозии, и как с ними обращается племянница паши. Уверю тебя: ловить пиявок – не самое приятное занятие. Лично я предпочел бы умереть посаженным на кол или с шелковым шнурком на шее.

Герцогиня не ответила. Сердце ее сжалось от невыразимой тоски, стоило ей подумать, что Л'Юссьер, ее жених, в этот миг испытывает те же муки, что и несчастные эпироты, которых так бесчеловечно эксплуатирует племянница паши.

Капитан направил коня к тростниковому навесу, под которым четверо омерзительных на вид солдат, обвешанных пистолетами и ятаганами, собирались сварить себе кофе, и отдал им приказ немедленно заставить рабов работать, чтобы сын правителя Медины увидел, как ловят пиявок.

Янычары поставили чашки и отсалютовали оружием высокому гостю, удостоившему болота своим визитом. Затем свистом вызвали из-под другого навеса полтора десятка человек, которых увели с берега, как только появился конный отряд.

При виде пленников у христиан невольно вырвался крик ужаса, а капитан разразился хохотом и заявил с циничной жестокостью:

– До чего же они забавны! Собакам и погрызть-то будет нечего, когда эти презренные кончат ловить пиявок. Сразу видно, что труженики болот не курятиной питаются.

Эпироты представляли собой настолько ужасное зрелище, что дрожь пробрала даже папашу Стаке, а старый моряк на своем долгом веку повидал еще и не такое.

Все были невероятно худые, так что можно ребра пересчитать, ноги – кожа да кости, а все тело покрыто ранами от укусов пиявок. Глаза у них гноились, взгляд был мутный, словно перед смертью, и двигались они с огромным трудом. Все они непрерывно дрожали, как в лихорадке.

– Но эти люди вот-вот умрут! – в ужасе всплеснула руками герцогиня.

Турок пожал плечами.

– Это рабы, христиане, – беспечно заявил он. – Мертвые они уже никому не нужны, а живые могут еще на что-нибудь сгодиться. Мне кажется, Хараджа хорошо придумала. А что она, по-вашему, должна была с ними сделать? Содержать за свой счет? Так они хоть какой-то доход приносят, и то хорошо.

– А велик ли доход? Какой-нибудь жалкий цехин, – сказал Никола, который еле сдерживался, чтобы не броситься на турка и не перерезать ему глотку ятаганом.

– Четыре, а иногда и пять цехинов в день, – ответил капитан. – А ты считаешь, этого мало?

– Племянница паши вряд ли нуждается в таких суммах, лучше бы она проявила себя более человеческой в обращении с этими несчастными.

– Хараджа очень любит деньги, господин Хамид. Давайте, янычары, гоните их в воду. У нас мало времени.

Солдаты схватили суковатые палки и, угрожающе ими замахиваясь, закричали на эпиротов, которые, как одурманенные, глядели на всадников.

– Лезьте в воду, мошенники! Вы достаточно отдохнули, а если не будете хорошо работать, водки вечером не получите...

Бедняги покорно склонили головы и пошли сквозь тростник к болоту. Немного потоптавшись в нерешительности, они принялись палками будоражить болотный ил.

Пиявок ловят простым методом, каким ловили еще древние греки и персияне, весьма искусные рыбаки. У них в странах множество болот, где обитают мириады этих жестоких, но очень полезных тварей.

Ловцы обычно сами служат приманкой, подставляя ноги болезненным укусам обитателей грязных, вонючих болот, где в прибрежных тростниках гнездится страшная болотная лихорадка.

И поныне система ловли не изменилась ни в Греции, ни в Персии, ни на Крите, ни на Кипре, то есть в местах, где эта странная индустрия всегда процветала.

Конечно, уже не существует рабов, что занимались бы этим опасным ремеслом, которое постепенно превращает людей в скелеты, и водка, сколько ее ни вливай, уже не поставит их на ноги и не поможет обрасти мускулатурой.

Сейчас эти люди – не греки и не персы. Нынешние ловцы, хлынувшие в восточные города из всех стран Европы, принадлежат к классу неприкаянных. Они берутся за любую работу и выживают как могут.

Это самые настоящие отверженные, и у них только одно желание: как можно больше заработать, пусть даже в ущерб здоровью, и напиться до бесчувствия.

Когда начинается сезон ловли, они появляются возле болот, наскоро сооружают шалаши из ивняка и энергично принимаются за работу. Те, у кого есть немного денег, покупают себе в помощь какую-нибудь старую клячу: она гораздо лучшая приманка, чем тощие ноги ловцов.

Несчастные животные не выдерживают дольше трех-четырех недель, ведь никого не заботит, восстановили они силы или нет.

Их палками загоняют в грязную воду, где в тростниках в огромном количестве водятся пиявки, и насильно там удерживают, пока их ноги, брюхо и бока сплошь не покроются болотными кровососами.

Когда же шкуры животных становятся похожи на скользкое черное копошащееся нечто, их выводят из воды. Прожорливых тварей бережно снимают и осторожно укладывают в дырчатые бочонки, наполовину заполненные обильно смоченным камышом, а животных оставляют на какое-то время в покое, чтобы они вновь набрались сил. После чего жестокая пытка повторяется, пока бедная лошадь, вконец обессиленная, не умрет прямо в болоте или не рухнет на землю, чтобы уже никогда не подняться.

Люди, как мы уже говорили, подставляют в виде приманки только ноги. Они стоят в воде и героически терпят болезненные укусы, а потом, когда вся кожа покроется пиявками, выходят на берег и стараются их снять как можно скорее, чтобы они не отсосали слишком много крови.

К вечеру бедняги уже настолько измучены, что не стоят на ногах и не в состоянии даже приготовить себе еду. Водка или любое другое спиртное, выпитое в солидном объеме, дает иллюзорное ощущение, что силы вернулись, и завтра можно снова продолжить опасное занятие.

Довольно большие заработки тратятся на алкогольный загул, пока не наступит день, когда в кармане останется каких-нибудь двадцать – двадцать пять лир.

Когда же сезон, который обычно длится три месяца, заканчивается, несчастные ловцы доходят до такого состояния, что все, кто их видит, приходят в ужас.

Это уже не люди, а тени: заострившийся нос, запавшие глаза, высохшие ноги, тело настолько исхудавшее, что кажется, вот-вот начнет просвечивать.

Даже в голосе не остается ничего человеческого, только сип и хрип, едва можно разобрать слова. А все тело еще много месяцев будет сотрясать лихорадка.

И все равно, несмотря на все мучения и страдания, едва начинается новый сезон ловли, они снова возвращаются на топкие берега илистых болот, к своему ремеслу, и редко кто из них доживает до сорока.

Угрожающие вопли янычар, а точнее, узловатые дубины, которые описывали дуги над их головами, загнали эфиротов в воду. Они настолько ослабли от потери крови, что у них не было сил даже протестовать.

Их было пятнадцать человек против четверых янычар, пусть и вооруженных дубинами. Они запросто могли бы одолеть стражников и завладеть их ятаганами и пистолетами, тем более что вряд ли кто-либо из янычар успел бы выстрелить: эти пистолеты не отличались удобством и быстротой в эксплуатации.

Крики и стоны бедолаг оповестили герцогиню и ее отряд о том, что пиявки начали кусаться и высасывать те жалкие капли крови, что пока еще оставались у пленников.

Один из ловцов, которому в икры, видимо, впилось уже изрядное количество тварей, не выдержал боли и попытался выбраться на берег. На него тут же набросился янычар, со свистом вращая дубиной над его головой, и завопил:

– Еще рано, собака! Подожди, пока они покроют ноги целиком. Ты ведь не магометанин!

Папаша Стаке, который спешил, чтобы лучше видеть подробности ловли, не сообщив, что может себя выдать, подскочил к турку с криком:

– Каналья! Ты что, не видишь, что он не в состоянии тебе ответить? А хочешь, я тебя брошу сейчас в болото? Ты настоящий бандит, в тебе даже к собаке нет жалости!

Мусульманин, явно не привыкший к такому обращению, обернулся и с удивлением посмотрел на человека, занесшего кулак над его головой.

– Да он христианин! – вырвалось у него.

– Я больше турок, чем ты, и я тебе говорю, что, если ты сейчас же не дашь этому парню выйти из воды, я швырну пиявкам тебя и не выпущу, пока они не высосут всю твою кровь, – прорычал папаша Стаке, схватив турка за воротник. – Понял, бандит? Ты бесчестишь Магомета и всех его сторонников!

– Эй, ты что делаешь? – крикнул капитан.

– Хочу его придушить, – отозвался папаша Стаке, стиснув руками глотку янычара.

– В отсутствие племянницы паши, Хараджи, здесь командую я!

Герцогиня вскочила с подушки и горящими глазами впиалась в капитана.

– Отдай приказ этим ничтожествам убраться! – властно крикнула она. – Я сын паши Медины, и по положению я выше твоей госпожи! Понял? Я победил в схватке Дамасского Льва, и одолеть тебя мне ничего не стоит – так, детские забавы! Повинуйся!

Услышав жесткие и властные ноты в голосе юноши, который уже взялся за рукоять сабли, давая тем самым понять, что готов выхватить ее из ножен, капитан, напуганный еще и решительным настроением эскорта, поспешил крикнуть янычарам:

– Пусть ловцы вернутся в хижины! Объявляю им выходной по случаю визита Хамида, сына паши Медины.

Четверо солдат, привыкших повиноваться приказам начальства, бросили дубины и расступились, давая ловцам пройти.

Герцогиня опустила руку в седельную сумку, которую Дамасский Лев велел наполнить цехинами, и, вытащив оттуда горсть монет, бросила их на землю, надменно заявив:

– Пусть сегодня эти люди получают двойную порцию водки и вдоволь еды. Даю по цехину на каждого. Если к моему возвращению это не будет сделано, я велю отрезать вам уши. Поняли? Остаток цехинов ваш!

Потом, дружеским жестом попрощавшись с ловцами, которые отупело на нее тарачились, она прищипорила коня и бросила испуганному капитану:

– Проводи меня к племяннице паши. Я желаю немедленно ее видеть.

– Тысяча чертей! – прошептал папаша Стаке. – Эта женщина – просто чудо какое-то! Мне бы ни за что не удалось заставить всех себе подчиняться, будь я хоть адмиралом турецкой армады! Нет, никогда не устану восхищаться силой духа этой женщины!

Всадники поехали дальше, лавируя между болотцами, заросшими густым тростником. Судя по тому, как шевелилась и подергивалась болотная жижа, ловцы здесь еще не побывали, и легионы пиявок дожидались, пока какая-нибудь старая кляча или тощие ноги ловцов подставят себя под их жадные рты.

Не прошло и десяти минут, как капитан, снова ехавший во главе кавалькады, указал герцогине на просторный красивый шатер красного шелка, разбитый возле довольно большого озера. На макушке шатра утренний ветерок шевелил три конских хвоста, украшенных серебряными полумесяцами.

– Что это? – спросила девушка.

– Шатер племянницы паши, – отвечал капитан.

– Она любит здесь жить?

– Время от времени, чтобы наблюдать за работой христиан и поразвлечься их мучениями.

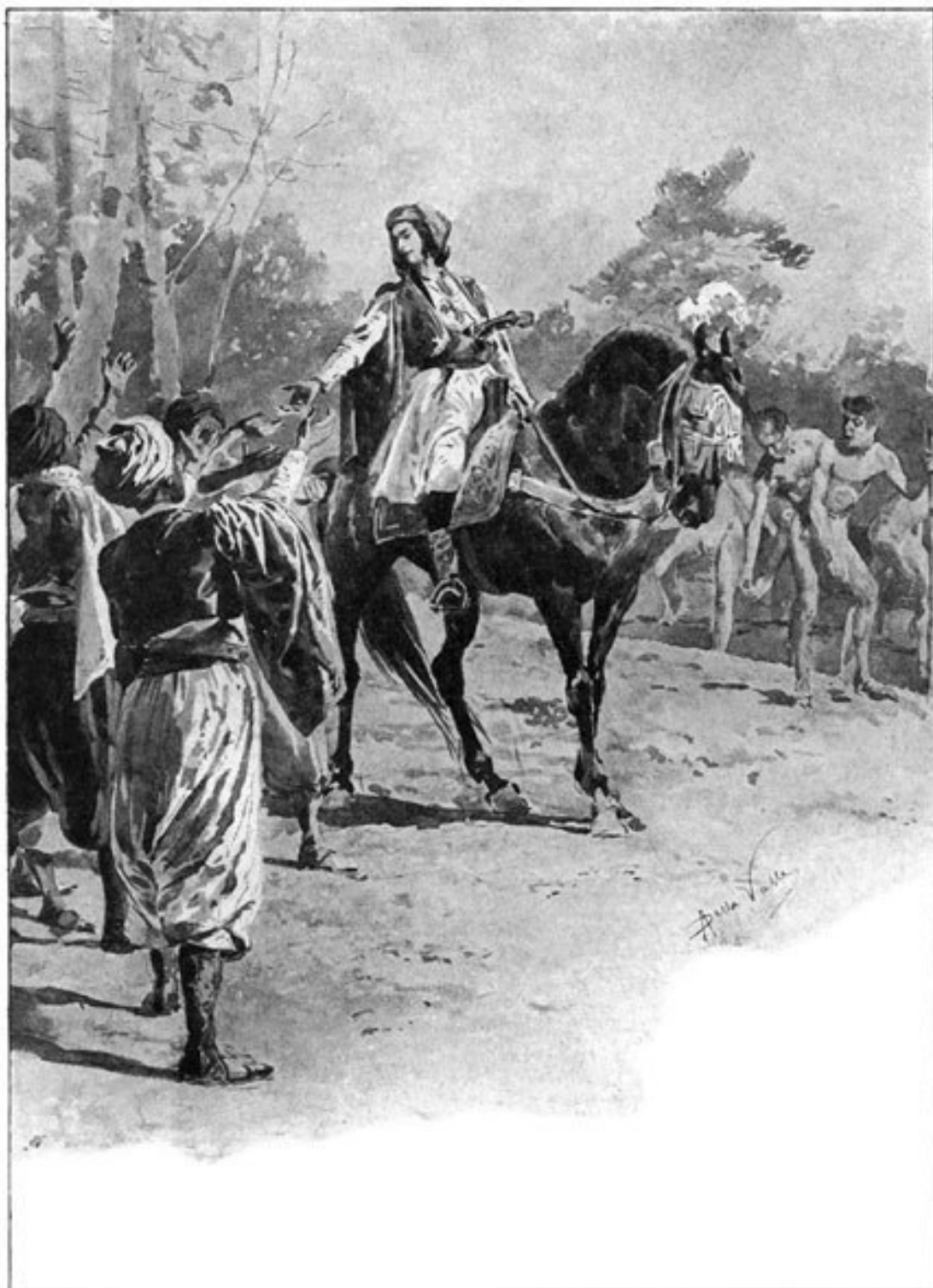
– И эта женщина надеется на любовь Дамасского Льва, который один великодушнее всего турецкого войска! – с презрением произнесла герцогиня.

– Она лишь надеется на это.

– Лев никогда не станет супругом тигрицы!

– Я об этом не задумывался, – отозвался турок, которого, казалось, поразило такое наблюдение. – Если уж ты друг Мулея-эль-Каделя, как ты говоришь, то Хараджа будет долго

его дожидаться. А я и правда об этом не думал. Мы приехали! Приготовься к встрече с племянницей паши.

Герцогиня опустила руку в седельную сумку и, вытащив оттуда горсть монет, бросила их на землю...

Они обогнули болото и остановились перед роскошным шатром, вокруг которого, под охраной человек тридцати вооруженных до зубов арабов и азиатов, теснились жалкие лачуги ловцов.

– Ступай, господин, – сказал капитан. – Хараджа сейчас потягивает свой кофеек и курит чубук, наплевав на все эдикты Селима. Она не боится, что ей отрежут нос.

– Проводи меня, – решительно сказала герцогиня, спешившись.

Капитан сделал знак расступиться четырем стражникам-арабам, дежурившим перед шатром с саблями наголо, и нырнул под полог со словами:

– Госпожа, к вам посланец от Мулея-эль-Каделя.

– Входите, – раздался резкий, с металлическими нотками, голос. – Мы рады оказать гостеприимство друзьям доблестного и непобедимого Дамасского Льва!

15

Племянница Али-паши

Хотя сердце герцогини трепетало, она решительно шагнула вперед. Капитан вдруг сделался необычайно учтив и подобострастно приподнял перед ней край алого шелка.

Посередине шатра, положив руку на спинку расшитого золотом дивана, стояла молодая женщина – высокая, стройная и очень красивая. Длинные волосы с вороним отливом обрамляли золотисто-смуглое лицо с маленьким ртом цвета спелой вишни, из-под прекрасно очерченных бровей живо глядели черные глаза.

Посередине шатра, положив руку на спинку расшитого золотом дивана, стояла молодая женщина...

В чертах ее лица было что-то от греческой статуи, некая упрямая сила, и чувствовалось, что эта женщина наслаждается славой собственной жестокости и больше привыкла властно повелевать, чем подчиняться.

Согласно моде знатных турчанок той эпохи, на ней были великолепные широкие шальвары из расшитого золотом белого шелка, простеганные изнутри, чтобы не просвечивали

ноги, и короткая зеленая курточка с серебряным шитьем по краю и пуговицами из бесценных крупных жемчужин. Концы широкого пояса из красного бархата, завязанного узлом спереди, спускались до самых башмачков с загнутыми носами, сшитых из красной кожи с золотым орнаментом. Украшений ни в ушах, ни на руках она не носила, зато на поясе у нее висела маленькая сабля в серебряных ножнах, отделанных перламутром, с золотой рукоятью, инкрустированной сапфирами и изумрудами.

Когда она увидела вошедшую герцогиню в живописном албанском костюме, бледность которой подчеркивала красоту ее огромных карих глаз и пышных темных волос, у нее невольно вырвался крик восхищения:

– Какой красавец-капитан!

Потом, быстро взяв себя в руки и сделав рукой досадливый жест, словно отмахиваясь от случайно вылетевших слов, сказала с наигранной грубоватостью:

– Так чего тебе надо, эфенди?¹⁰

– Сейчас объясню, кадинадык¹¹.

– Кадинадык! – воскликнула Хараджа, иронически усмехнувшись. – Мой милый капитан, так тебе следует называть женщин, что стареют в раззолоченных и благоухающих гаремах, а не племянницу Али-паши.

– Я не турок, я араб, – ответила герцогиня.

– Ах вот оно что! Ты араб? А что, юноши твоей страны все так хороши собой, эфенди? Я представляла себе арабов не такими милыми. Те, кого я видела на галерах моего дяди, великого адмирала, вовсе на тебя не походили. Так кто же ты?

– Я сын паши Медины, – невозмутимо отвечала герцогиня, прекрасно поняв все, что сказала Хараджа, говорившая по-арабски.

– А! А твой отец сейчас в Аравии? – спросила Хараджа, еле заметно улыбнувшись.

– Может, ты с ним знакома, госпожа?

– Нет, просто в детстве я много лет провела на берегу Красного моря. А теперь плаваю только по Средиземному. Так кто тебя послал?

– Мулей-эль-Кадель.

Лицо племянницы великого адмирала едва заметно дрогнуло.

– И что же он от меня хочет? – спросила она, чуть нахмутив брови.

– Он послал меня попросить, чтобы ты уступила ему одного из пленных христиан, взятых в Никозии.

– Христианина! – удивленно воскликнула Хараджа. – Кого из них?

– Виконта Гастона Л'Юссьера.

– Того француза, что воевал на службе у Венецианской республики?

– Да, госпожа.

– А по какой причине Дамасский Лев интересуется этим псом-гяуром?

– Не знаю.

– А его преданность Магомету, его вера, случаем, не пошатнулась?

– Не думаю.

– Я нахожу, что Дамасский Лев слишком великодушен.

– Можно сказать, это великодушные рыцаря.

– Турку это не к лицу, – сухо бросила племянница паши. – На что ему сдался этот человек, мой милый капитан?

– Точно сказать не могу, но предполагаю, его хотят отправить в Венецию в качестве посла.

¹⁰ Эфенди – господин.

¹¹ Кадинадык — обращение, равное мадемуазель, девица.

– Кто хочет отправить?

– Думаю, Мустафа.

– И великий визирь не знает, что этот христианин принадлежит моему дяде? – почти в гневе спросила Хараджа.

– Мустафа – главнокомандующий турецкой армией, госпожа, и все, что он делает, одобрено султаном.

– Какое мне дело до великого визиря, – пожав плечами, заявила племянница паши. – Здесь командую я, а не он.

– Итак, ты отказываешься, госпожа?

Вместо ответа Хараджа хлопнула в ладоши. Сразу появились два чернокожих раба и опустились перед ней на колени.

– Есть у вас чем угостить этого эфенди? – спросила она, не удостоив их даже взглядом.

– Есть йогурт, госпожа, – ответил один из них.

– Несите, презренные рабы.

Затем, повернувшись к герцогине с приветливой улыбкой, сказала:

– Здесь мало что есть, но в замке я окажу тебе гораздо лучшее гостеприимство, мой милый капитан. Надеюсь, ты не собираешься сразу от меня ускользнуть.

И тут, сразу посерьезнев, она вытянулась на диване в самой соблазнительной позе, подложив руку под голову и закутавшись в длинные черные волосы, а затем спросила:

– Чем занимается Мулей-эль-Кадель в лагере при Фамагусте?

– Отдыхает и залечивает рану, – ответила герцогиня.

Хараджа вскочила на ноги, как подстреленная львица, бросив на герцогиню пылающий взгляд.

– Он ранен! Кем?

– Христианским капитаном.

– Когда?

– Тому уже несколько дней.

– При штурме?

– Нет, на поединке.

– Он! Непобедимый Дамасский Лев! Первый и самый доблестный клинок армии! О! Этого не может быть!

– То, что я говорю, правда, госпожа.

– Его ранил христианин?

– Да, молодой капитан.

– Он что, бог войны, этот юноша?

– Он, несомненно, сильный боец, госпожа.

– О, как я хотела бы его увидеть! – вспыхнув, вскричала Хараджа.

– Но он же пес-христианин, госпожа.

– Христианин или турок, он, должно быть, великий герой, полубог!

Герцогиня еле заметно улыбнулась, но племянница великого адмирала не заметила иронии.

Обе надолго замолчали. Хараджа неподвижно стояла посередине шатра и нервно теребила рукоять своей сабли, а ее глаза, вспыхнув мрачным огнем, впились в изображение огромного льва на роскошном марокканском ковре, покрывавшем весь пол.

– Сражен! – пробормотала она, словно говорила сама с собой. – Он! Непобедимый Дамасский Лев! Значит, на Кипре нашелся человек сильнее и прославленной его? Сильнее льва! Но его сразить мог только тигр! Кто же он? О! Как бы я хотела познакомиться с ним!

– Я ведь сказал тебе, что Мулея-эль-Каделя победил христианин, – напомнила герцогиня.

Хараджа презрительно подняла плечи:

– Вера! Крест или ислам, какая женщине разница? К ее сердцу это не имеет никакого отношения.

– Может, ты и права, – ответила герцогиня.

Хараджа вскинула на нее глаза, несколько мгновений пристально ее изучала, а потом вдруг спросила:

– А ты герой, мой прелестный капитан?

Вопрос явно застал герцогиню врасплох, она несколько секунд помолчала, потом сказала:

– Если в твоём замке, госпожа, есть достойные шпажисты, можешь им сказать, что я готов сразиться с любыми, один против двоих, и они будут побеждены. Когда пожелаешь!

– Ты одолеешь даже Метюба?

– А кто это?

– Лучший клинок флота.

– Пусть придет.

– А ты не хотел бы, эфенди, помериться силами с Мулеем-эль-Каделем?

– Многие пробовали.

– Но Мулей – твой друг.

– Это верно, госпожа.

– Ты никогда не сходилась с ним в поединке?

– Нет.

– Я посмотрю нынче вечером, каков ты в бою. Мне нравятся только смельчаки, которые умеют побеждать и убивать.

– Когда ты прикажешь, госпожа, я покажу, как сражается сын паши Медины.

Хараджа снова на нее посмотрела и прошептала про себя:

– Красив и смел. А что больше? Красив или смел? Ладно, посмотрим.

В этот момент слуги внесли золотое блюдо с двумя серебряными чашами великолепной чеканки, наполненными йогуртом.

– Отведай пока этого, эфенди, – сказала племянница паши. – А я велю седлать моего коня. В моем замке ты гость, и я найду чем тебя занять. Мне нравится твоя компания, и несколько дней ты проведешь со мной.

– А как же Мулей-эль-Кадель?

– Подождет, – небрежно ответила Хараджа.

– Я тебе сказал, что приказ доставить виконта в Фамагусту, возможно, отдал Мустафа.

– И этот тоже подождет. Я не привыкла, чтобы мне кто-то приказывал, даже султан. Кипр – не Константинополь, а Средиземное море – не Босфор. Эй, вы, презренные рабы, седлайте моего скакуна.

– Еще один вопрос, госпожа.

– Говори, эфенди.

– А мог бы я взглянуть на виконта?

– Его здесь нет, – ответила Хараджа. – Нынче утром я отправила его обследовать дальнее болото, мне сказали, что там много пиявок.

– И ты его заставишь их ловить? – спросила герцогиня, еле сдерживая ужас.

– Нет, он будет только руководить работой. Мустафа и Мулей-эль-Кадель найдут его не слишком истощенным. Этот аристократ меня заинтересовал, хотя он такой же пес-христианин, как и все они. Однако он может заплатить хороший выкуп, а люди богатые даже у племянницы адмирала вызывают некоторое почтение. Поднимайся, мой милый капитан. В замке гораздо приятнее, чем на этих вонючих болотах.

Герцогиня доедала йогурт, украдкой насмешливо поглядывая на племянницу паши, а доев, сказала:

– Я готов, госпожа, выезжаем, когда пожелаешь. Женщин не заставляют ждать, как говорят в западных странах.

Хараджу, похоже, заинтересовала последняя фраза, потому что она сразу спросила:

– А ты путешествовал по христианским странам?

– Да, госпожа. Мой отец хотел, чтобы я познакомился с Испанией, Францией и прекрасной Италией.

– Зачем?

– Чтобы я совершенствовался во владении оружием.

– Значит, если представится случай, ты сможешь биться и оружием с прямым клинком?

– Более того, на мой взгляд, такие клинки лучше кривых турецких сабель.

– Берегись. Метюб – прекрасный фехтовальщик, и его не испугают ни итальянская или французская шпага, ни турецкая сабля.

– Кто знает, госпожа.

– А ты уверен в крепости своей руки, эфенди, ведь ты еще так молод!

– При чем тут возраст? Все дело в умении и точности удара, а не в возрасте.

– Ладно, посмотрю на тебя сегодня вечером в поединке с Метюбом.

– Я его не боюсь.

– Не боишься первой и храбрейшей шпаги флота?!

– Ты мне это уже говорила, – ответила герцогиня, улыбнувшись приветливо и немного лукаво. – Мы сразимся, и думаю, ты будешь довольна.

– Я стараюсь свести знакомство с лучшими фехтовальщиками из мусульман. Кафир!

– Я здесь, госпожа, – отозвался слуга, входя в шатер.

– Мой конь?

– Уже готов.

– Капитан, в замке Хусиф нас ожидает завтрак.

– Я к твоим услугам, – сказала герцогиня, склонившись перед грозной турчанкой. – А как же виконт Л'Юссьер?

– Он приедет завтра. Это важный вопрос – пиявки в моих болотах. Они могут стать источником больших доходов, а киприоты об этом и не догадываются. Странное дело! Получается, что этим тварям христианская кровь нравится больше, чем мусульманская. Может, она слаще на вкус?

– Может быть, – ответила герцогиня, бросив на племянницу паши мрачный взгляд.

– Мой милый капитан, мы отъезжаем!

Они вышли из шатра. Чернокожий слуга держал под уздцы белого арабского скакуна под длинным красным чепраком с золотым шитьем и с усыпанным мелкими бриллиантами султаном на голове.

– Мой боевой конь, – сказала Хараджа. – Мне прислал его Джебель Шамар. Думаю, на Кипре не найдется коня быстрее его. Я его очень люблю, и ты, как араб, наверное, знаешь, что в сердцах твоих соотечественников первое место занимает конь, а потом уже жена. Это верно, капитан?

– Да, госпожа.

– Странные люди арабы! Ведь, как говорят, в их стране столько красивых женщин! У Магомета тоже, наверное, был недурной вкус. Да, вот еще что: скажи мне, как тебя зовут?

– Хамид.

– Хамид... а дальше?

– Элеонора.

– Элеонора! – воскликнула племянница адмирала. – А что означает это имя?

- Не могу тебе сказать.
- По-моему, оно не турецкое и не арабское.
- Мне тоже так кажется, – с тонкой иронией произнесла герцогиня.
- Может, оно христианское?
- Не знаю.

– Элеонора! Что за странный каприз, что за странная фантазия пришла в голову твоему отцу, когда он давал тебе такое имя? Но оно красивое и звучное. Садись на коня, Хамид-Элеонора. К полудню будем в замке Хусиф.

Племянница паши вскочила в седло без чьей-либо помощи, с ловкостью и быстротой настоящей наездницы, и крикнула, отпустив поводья:

- За мной! Держись рядом, милый капитан! Заставим твою свиту поторопиться!

16

Причуды Хараджи

Отряд безудержно ринулся вперед, ибо Хараджа короткими и резкими ударами руки и дикими криками пустила своего арабского скакуна в бешеный аллюр.

Эта странная женщина, казалось, была в настоящем опьянении от неистовой скачки. Может быть, это напоминало ей лавирование на дядиных галерах, когда ветра Средиземного моря свистели в ушах.

Ни внезапные прыжки скакуна, когда он перелетал через трещины и расщелины, ни тряска ее не трогали и ей не мешали. В седле она держалась прямо, словно слилась воедино с конем.

Лицо ее оживилось, черные глаза горели, длинные волосы развевались по ветру. Она непрерывно прищипывала коня, вдыхая воздух полной грудью и покрикивая между рывками уздечки и грубоватым похлопыванием по холке:

– Поднажми, капитан, арабский скакун не может отставать!

Герцогиня, прекрасная наездница, превосходившая в этом искусстве многих мужчин, невероятными усилиями заставляла своего коня держаться ноздря в ноздю со скакуном племянницы паши.

А вот эскорт постепенно отставал, все более отдаляясь, несмотря на крики и безжалостное прищипывание несчастных животных. Не отставать от женщин удавалось только турку и Перпиньяно.

Эта дьявольская скачка продолжалась минут двадцать и утихла только на площади перед замком.

Молниеносно развернув коня, чтобы заставить его притормозить, герцогиня спешила и хотела помочь Харадже, но та остановила ее властным жестом:

– Племянница Али-паша спешивается и идет на абордаж без помощи оруженосцев или матросов.

Она ловко спрыгнула на землю, даже не опираясь на стремяна, обернулась к герцогине и сказала с вызывающей улыбкой:

– Мой милый капитан, ты гость моего замка, и любое твоё желание для меня – приказ.

– Ты слишком любезна, госпожа. Я постараюсь не злоупотребить твоим гостеприимством.

– Напротив, я требую, чтобы ты им злоупотребил, – ответила Хараджа.

– Но тогда уже не я буду командовать, – рассмеялась герцогиня.

Племянница адмирала на секунду задумалась над таким ответом, потом тоже рассмеялась:

– Ты прав, капитан. Я и правда, как обычно, принялась раздавать приказы. Это дурная привычка, но что ты хочешь? Я привыкла приказывать, а не подчиняться. Пойдем, завтрак уже готов: я слышу, муэдзин приступил к полуденной молитве.

Потом, махнув рукой и едва заметно пожав плечами, прибавила вполголоса:

– С пророка хватит и молитвы жреца. А Бог велик, он может сделать для нас исключение, по крайней мере на сегодня.

– Что она за женщина? – прошептала про себя герцогиня. – Она жестока к христианам, потому что они не мусульмане, а сама потешается над религией пророка и Аллаха. Будь начеку, Капитан Темпеста!

Хараджа отдала коней на попечение конюхов, которые бегом прибежали из замка, представила им свиту герцогини и, по-свойски взяв ее за руку, поднялась по лестнице и вошла в

просторный зал, где у дверей дежурили двое арабов в длинных белых плащах с большими красными кистями на капюшонах и саблями наголо в руках.

– Завтрак готов? – спросила Хараджа, даже не взглянув на них.

– Да, госпожа, – отвечали стражники, поклонившись до земли.

Зал, как и все гостиные в турецких домах, был обставлен очень элегантно, хотя и просто. Никаких огромных столов или тяжеловесной резной мебели в нем не наблюдалось.

Несколько диванов с шелковой узорчатой обивкой, обилие занавесок и ковров, сверкающих серебряным и золотым шитьем, легкие этажерки по углам, на стенах паноплии¹² с красиво развешенной коллекцией оружия из всех стран Европы и Азии. Там были громоздкие длинноствольные аркебузы без узоров и инкрустаций, аркебузы турецкие и персидские, богато украшенные золотом и резными фигурами, сабли, ятаганы, французские и итальянские шпаги, кинжалы, мизерикордии – клинки с короткими, узкими лезвиями – и еще много всего.

Посередине зала стоял изящно сервированный стол, покрытый желтой, с белыми цветами, шелковой скатертью, и на нем серебряные тарелки с дивной гравировкой, бокалы и рюмки, а также вазы из муранского стекла.

– Садись, мой милый капитан, – сказала Хараджа, уютно устраиваясь в небольшом старинном кресле с парчовой обивкой. – Мы будем завтракать вдвоем и сможем поговорить свободно, никто не будет нам мешать. А об эскорте не беспокойся, эфенди, их отлично примут, и у них не будет повода обижаться на отсутствие гостеприимства. У меня прекрасные повара, а продукты доставляют прямо из Константинополя и с островов Архипелага – все, что пожелаю. Кстати, ты вовремя приехал, я угощу тебя волшебной рыбой из Балаклавы.

– Из Балаклавы! А что это за рыба?

– Как, ты не знаешь легенду о волшебной рыбе?

– Нет, госпожа.

– Я тебе расскажу, когда будем ее есть.

– Нет, все-таки она странная... – пробормотала про себя герцогиня.

Хараджа взяла со стола серебряный молоточек и ударила в золотой колокол.

Вскоре поднялась штора, скрывавшая дверь, и появились четверо чернокожих рабов, которые несли серебряные тарелки с крошечными сладкими пирожками, пропитанными всяческими эссенциями. Мусульманские женщины обожают такие закуски.

– Они возбуждают твой аппетит, – сказала Хараджа герцогине. – А потом нам подадут знаменитую рыбу.

Герцогиня попробовала несколько пирожков, оценив их необычный вкус, и в зал вошли еще двое слуг с золотым блюдом, где лежали несколько рыбин с золотой чешуей. Но вот что странно: у каждой рыбины на правом боку было большое черное пятно.

– Это редкое кушанье, и я счастлива тебя им угостить, эфенди, – сказала Хараджа. – Думаю, даже самому султану нечасто доводится его есть: жадные муллы неохотно уступают этих рыб. Мне они стоят очень дорого, думаю даже, что золото гораздо дешевле этих обитательниц водоемов Балаклавского монастыря.

– Я не знаю, что это за монастырь, мне не приходилось воевать за пределами Аравии и Малой Азии.

– Сначала попробуй рыбу, – сказала Хараджа и протянула герцогине ножик с золотым лезвием.

Знатная гостья очистила одну рыбину и принялась за еду.

– Волшебный вкус, госпожа, на Красном море такие великолепные рыбы не водятся.

¹² Паноплия – щит с развешенным на нем оружием. В замках аристократов паноплии выполняли роль декора. (Примеч. перев.)

– Еще бы!.. Монахи не каждому их продадут, они предпочитают сами их есть, – с улыбкой отозвалась Хараджа. – И я понимаю, почему они такие дорогие. Но мне потраченных денег не жалко, ведь я могу предложить тебе блюдо, достойное султана Константинополя. И кто бы мог сказать, что когда-то эти рыбины сами спрыгнули со сковороды?

– Вот эти?

– Их предки.

– Что ты говоришь?

– Самая что ни на есть подлинная история, эфенди. Рассказывают, – продолжала Хараджа, не отрываясь от еды, – что Магомет Второй, наш великий султан, решил в определенный день штурмовать Константинополь.

– Двадцать девятого мая тысяча четыреста пятьдесят третьего года, – сказала герцогиня.

– Ты хорошо знаешь историю, милый капитан. Ты, наверное, неплохо образован?

– Очень мало, госпожа. Продолжай, прошу тебя.

– Так вот, поскольку тебе известно, что происходило в давние времена, ты, наверное, знаешь, что при Константине Одиннадцатом¹³ Драгаше, последнем из Палеологов, греки организовали прочную оборону, причем сам Константин предварительно принял покаяние в храме Святой Софии.

– Да, я слышал, мне об этом рассказывали старики-учителя.

– Войска Магомета, которые поклялись любой ценой завоевать древнюю Византию, а из храма Святой Софии сделать самую великолепную мечеть Востока, при первых лучах зари бросились на штурм и сверхчеловеческим усилием начали занимать башни, несмотря на отчаянное сопротивление, которое оказывали воины Палеолога.

Увидев, что наши отважные воины теснят их и без конца наступают, не обращая внимания на ураган стрел, летящих навстречу, греки отправили одного из солдат в монастыри, чтобы предупредить священников о падении города.

В одном из монастырей, под названием Балаклава, как раз жарили рыб особой породы, которых монахи разводили в специальных бассейнах. Рыбы очень высоко ценились из-за вкусного мяса, повар собирался уже снимать готовых рыбин со сковороды с кипящим маслом. Услышав известие, которое принес солдат, он пожал плечами, не поверив, что мусульманам удастся взять город, и крикнул:

«Если то, что сказано, – правда, пусть эти зажаренные рыбы спрыгнут со сковороды и поплывут. Иначе я не поверю в то, о чем рассказывает этот человек».

Едва он произнес эти слова, как все с изумлением увидели, как рыбы выпрыгнули из сковороды, ожили и заскользили по гладкому полу.

¹³ Константин XI правил до 1453 г. и звался Драгаш, по фамилии матери. (Примеч. перев.)

Все с изумлением увидели, как рыбы выпрыгнули из сковороды, ожили и заскользили по гладкому полу.

Весть о таком чуде достигла ушей Магомета, и он узрел в этом знак могущества пророка, велел разыскать рыб, которые были еще живы, и выпустить их в дворцовый бассейн.

– А те рыбы, что мы едим, произошли от тех самых? – спросила герцогиня.

– Да, эфенди. Посмотри внимательно, и ты увидишь у каждой на правом боку черное пятно. Оно – как фабричная марка. Ты веришь, что это чудо действительно случилось?

– Я в этом сомневаюсь, госпожа.

– И я тоже не верю ни капельки, – с веселым смехом сказала Хараджа. – У пророка в тот день, наверное, были более важные дела, чем рыбы из Балаклавского монастыря. Как бы там ни было, ты же не станешь отрицать, что они очень вкусные.

– Исключительно, – ответила герцогиня, глядя на нее с возрастающим удивлением.

Эта странная женщина, похоже, не только подтрунивала над пророком, она его просто высмеивала.

За рыбой последовали другие кушанья, все поданные на золотых и серебряных тарелках, фрукты из Египта и Триполитании и какие-то сласти с сильным ароматом. А потом слуга принес кофе, который герцогиня выпила с превеликим удовольствием, поскольку в те времена кофе был доступен только очень богатым аристократам в Турции и ценился на вес золота.

Хараджа без умолку болтала и смеялась, а когда слуги убрали со стола кофейные чашечки, велела принести себе резную серебряную шкатулку, украшенную драгоценными камнями. Оттуда она вынула две тоненькие белые трубочки и одну протянула герцогине.

– Что это такое? – спросила герцогиня, с любопытством разглядывая трубочку.

– Их курят, внутри, под тонкой бумагой, табак. Разве ты никогда не видел таких в нашей стране, эфенди?

– Нет, госпожа.

– А что, в Аравии не курят?

– Курят. В основном трубки, и то тайком: за это могут отрезать нос или губы. Ты же знаешь, Селим запретил курить табак, а тех, кто на этом попадется, ждет суровая расправа.

Хараджа снова звонко рассмеялась:

– Думаешь, я боюсь Селима? Он в Константинополе, а я здесь. Пусть только пошлет ко мне своих судей, и посмотрим, что я с ними сделаю. У меня на вершинах башен есть специальные столбы, и эти типы прекрасно будут смотреться в качестве флюгеров. Так что можешь свободно курить, мой милый капитан, и получишь большое удовольствие, когда нежный и ароматный дымок тебя чуть-чуть опьянит.

Она закурила сигарету – их тогда только-только начали производить, – глубоко затянулась и медленно выпустила дым, вытянув трубочкой красивые красные, словно кораллы, губы.

– Селим! Нерадивый и ленивый султан. Ему неохота заниматься делами, и он позволяет втягивать себя в гаремные разборки. Единственное, на что он способен, – это устраивать кровавую резню на потеху своим красоткам. О! Он ни капельки не похож ни на Магомета Второго, ни на Сулеймана. Если бы у него не было таких великих полководцев, как Мустафа и мой дядя Али, Кипр так и оставался бы в руках венецианцев, и не исключено, что галеры республики снова стали бы угрожать Константинополю.

– Но я слышал, госпожа, что и тебе не так уж противны кровавые зрелища.

– Я женщина, эфенди.

– Не понимаю.

– Чем занимаются у вас в Аравии женщины?

– Хозяйством. Смотрят за верблюдами, готовят мужьям еду.

– Значит, им есть чем себя развлечь, – сказала Хараджа, нарочито медленно затянувшись.

– Есть, госпожа.

– А какие развлечения у турецких женщин? Они заперты в гаремах, вдали от городского шума, как заживо погребенные. Им быстро надоедают и изысканные ароматы, и танцы невольниц, и рассказы старух. Ими овладевает глубочайшая скука и властное желание сильных, а значит, жестоких эмоций. Им начинает нравиться зрелище людских страданий, они мечтают о крови и убийствах и постепенно становятся черствыми и злыми. Я провела

юность в гареме своего дядюшки. Разве я могла вырасти другой, не такой, как все турчанки? Да все мы одинаковы: что турчанки, что христианки.

– О! – вскричала герцогиня и энергично махнула рукой, словно отметая такой довод.

– Послушай, эфенди. Однажды юная и очень красивая христианка шестнадцати лет от роду резвилась на берегу Средиземного моря под присмотром гувернантки. И вдруг из-за скал стремительно, как газели, выскочили пираты, не обращая никакого внимания на летевшие в них стрелы стражников замка. Они убили гувернантку, а девушку похитили. Она не была турчанкой, она была из знатного итальянского рода. Несмотря на все ее мольбы и слезы, ее привезли в Константинополь и продали как рабыню управляющему султана. Ее красота поразила Сулеймана, и он сделал ее своей любимой женой. Девушка забыла свою страну, свою религию, отца, который, наверное, ее оплакивал, и очень быстро ею овладела все та же глубочайшая скука. Этот недуг поражает не только турчанок. И христианка стала настоящим жестоким монстром. Когда она почувствовала, что все завидуют роскоши и благополучию, которые она любила выставлять напоказ, ее жизнь превратилась в сплошное исполнение смертных приговоров. Фавориток своего супруга и повелителя она передушила шелковым шнурком и велела бросить в Босфор. Дочерей Сулеймана она тоже не пощадила: эта тигрица в юбке однажды ночью выбросила их в Черное море, зашив в один мешок с петухом и котом, чтобы их агония была мучительной. Что еще? Она с улыбкой повелела резать старших дочерей султана прямо в его шатре, благо он в то время был на войне. И с той же улыбкой, даже со смехом, она пыталась отравить юного наследника трона, угостив его засахаренными фруктами. Так кто она была – турчанка или христианка? Скажи, эфенди!

– А как ее звали?

– Курремсултана.

– Иными словами, Роксолана.

– Да, и так ее тоже называли.

– Может, она надыхалась отравленным воздухом Босфора, – сказала герцогиня.

– Может быть, может быть... Ах!

– Что, госпожа?

– Я забыла кое-что очень интересное.

– Что?

– Ты ведь друг Дамасского Льва.

– Я уже тебе говорил.

– И ты утверждаешь, что не побоялся бы сразиться с этим непобедимым смельчаком?

– Думаю, не побоялся бы, – ответила герцогиня, которая держалась настороже, поскольку не понимала, к чему клонит эта странная женщина и чего она добивается.

– Видишь ли, эфенди, порой после обеда меня одолевает та же кровожадная скука, что так часто мучила Роксолану. Я турчанка, следовательно, имею на это больше оснований, чем Курремсултана.

– Не понимаю, госпожа.

– Я бы хотела увидеть, как ты сразишься с капитаном Метюбом, который хвалится, что он лучший фехтовальщик в войске моего дядюшки.

– Если ты того хочешь, госпожа, – отозвалась герцогиня, едва заметно нахмутив брови. И прошептала про себя:

– Эта женщина заставляет дорого платить за свои обеды. Вероятно, для аппетита за ужином потребуются мертвец?

Хараджа встала и сказала, подойдя к развешенному на стене оружию:

– Смотри, эфенди, здесь есть любое оружие, какое только может пожелать такой воин, как ты: ятаган, персидский кинжал, оружие с прямыми лезвиями из Франции и Италии, кинжалы. Мой капитан владеет всеми, значит, дело за тобой: ты должен выбрать себе оружие.

– Я выбираю прямой клинок, так я смогу лучше всего показать свое искусство, – сказала герцогиня.

– Метюб владеет и прямым клинком, и турецкой кривой саблей, – почти небрежно заявила Хараджа.

Однако в ее голосе все-таки прозвучала нотка раскаяния. Она подошла ближе и сказала, пристально глядя на герцогиню:

– Милый капитан, скажи по совести, ты действительно настолько в себе уверен? Мне будет очень жаль, если ты, такой молодой и красивый, падешь мертвым к моим ногам.

– Хамид-Элеонора никого не боится, – гордо отвечала герцогиня. – Зови своего капитана.

Хараджа ударила серебряным молоточком в бронзовый гонг, подвешенный на консоли, и холодно приказала прибежавшему тотчас слуге:

– Пусть скажут капитану Метюбу, что я жду его здесь. Хочу полюбоваться, как он будет рисковать жизнью.

17

Христианин против турка

Спустя несколько мгновений в зал вошел турецкий капитан, тот самый, что сопровождал герцогиню и ее отряд на болота. Вид у него был наглый и дерзкий.

– Ты звала меня, госпожа?

– Да, ты мне нужен, – ответила Хараджа, закулив вторую сигарету и вальяжно развалившись на одном из диванов, что стояли вдоль стен. – Мне скучно.

– Несмотря на компанию этого юного воина? – с легкой иронией спросил турок. – Что мне сделать, чтобы развлечь тебя? Хочешь, я снаряжу лодку для морской прогулки?

– Нет.

– Ну тогда ударами хлыста заставлю своих рабынь плясать для тебя?

– Мне это разонравилось.

– Ну хочешь, индийские борцы обдерут себе кожу с помощью нуки-какусты?¹⁴

– Может, и захочу, но позже.

– Тогда приказывай, госпожа.

– Я хочу увериться в том, что ты по-прежнему лучший клинок мусульманского воинства.

– Ну, для этого надо, чтобы ты меня бросила под ноги Дамасскому Льву, который, как говорят, и есть лучший мусульманский клинок. Желаете послать за ним, госпожа?

– Слишком далеко посылать, и потом, он ко мне не поедет.

– Клянусь пророком! Госпожа, ты хочешь, чтобы я сразился со стенами? Если это тебя развлечет, я могу сломать ради тебя штук двадцать лучших клинков.

– Здесь есть с кем сразиться.

– С кем? – спросил турок, удивленно оглядываясь.

Хараджа рукой указала ему на герцогиню, которая стояла у стола с таким видом, словно ее все это не касалось.

Турок разозлился:

– Ты хочешь, госпожа, чтобы я бился с этим мальчиком? – презрительно процедил он.

– С мальчиком! – с иронией вскричала герцогиня. – Ты, должно быть, позабыл, капитан, что я сын паши Медины.

– Может, ты и прав, эфенди, – сказал турок, – но мне все-таки кажется, госпожа могла бы найти для меня противника посolidнее.

– Но ведь ты, капитан, ни разу не пробовал сразиться со мной.

Турок повернулся к Харадже, которая продолжала как ни в чем не бывало спокойно курить, разглядывая то одного, то другого с живым интересом.

– Ты хочешь его смерти? – спросил турок. – Смотри, госпожа, как бы не было неприятностей от Мустафы, если ты станешь так обращаться с сыном высокопоставленной особы.

– А я у тебя совета не спрашиваю, Метюб, – заявила племянница адмирала. – Выполняй приказ, только и всего.

– Но я убью эфенди одним ударом.

– Так много я не прошу, – отвечала Хараджа. – Выбор за тобой, милый капитан. Какое оружие ты предпочтешь?

Пока герцогиня рассматривала арсенал на стенах, Хараджа властным жестом приказала турку подойти.

¹⁴ Нуки-какусты – орудие борьбы, похожее на кастет.

– Чего ты хочешь, госпожа? – спросил капитан, уже не на шутку разгневанный.

– Смотри: до первой капли крови! Если ты его убьешь, завтрашнего утра тебе не видать.

Метюб склонил голову, с трудом сдерживая досаду, и отодвинул стол, чтобы расчистить место для поединка.

Герцогиня тем временем выбрала три итальянские шпаги с плоским лезвием и крепкой рукояткой и попробовала их на упругость. Она не проявляла никакого беспокойства и тихонько шепнула про себя:

– Может статься, этим я получу возможность освободить Л'Юссьера. Один картуш – и дело сделано. Не может быть, чтобы туркам был известен этот секретный выпад неаполитанской школы, которому меня так хорошо обучил отец. Даже если он закроется, я его достану снизу.

Когда она вернулась в центр зала, турок, ни на секунду не выпуская ее из виду, уже выбрал такую же итальянскую шпагу, хотя ему и хотелось бы сжать в кулаке кривую саблю.

– Мне удивительно, что ты, эфенди, умеешь обращаться с оружием, которым сражаются только христиане.

– Должен тебе сказать, капитан, что меня учил боевому искусству отступник из христиан, – отозвалась герцогиня. – Это оружие лучше, чем кривая сабля, дает проявиться ловкости и быстроте фехтовальщика. В любом случае, настоящий воин должен уметь обращаться с оружием гяуров.

– Ты рассуждаешь лучше, чем пророк, – сказала Хараджа, загасив третью сигарету. – Будь я Селимом, я назначила бы тебя главным по оружию.

Герцогиня снова подумала, что турчанка слишком требовательна и капризна и заставляет слишком дорого платить за свое гостеприимство, однако ответила ей легкой улыбкой.

– Ты готов, Метюб? – осведомилась племянница паши.

– Да, – просто ответил капитан, проверяя гибкость шпаги. – Вот клинок, который просто жаждет крови. – И прибавил: – Когда пожелаешь, эфенди.

Герцогиня заняла позицию в середине зала и насмешливо произнесла:

– Клинок сына паши Медины тоже застоялся без дела и пересох.

– И ему бы хотелось капельку моей крови? – так же насмешливо парировал турок.

– Не исключено.

– Надеюсь, его желание не сбудется, и придется ему и дальше ржаветь на стенке. Ты готов, эфенди?

Вместо ответа герцогиня встала в оборонительную позу, полностью раскрывшись и опустив шпагу во вторую позицию.

– Ух ты! – заметил турок. – Ты, эфенди, излишне уверен в своей ловкости. Я тебе как учитель фехтования говорю: не становись в такую позицию, имея перед собой противника, силу которого не можешь оценить. Ты, эфенди, все-таки слишком открываешься.

– Обо мне не беспокойся, – отвечала герцогиня. – Я не имею обыкновения провоцировать того, кто вышел со мной на поединок.

– Тогда получи вот это, эфенди! – вне себя крикнул турок, сделав молниеносный глубокий выпад.

Не отступив ни на шаг назад, герцогиня также молниеносно парировала посылку и вытянулась в броске. Кончик ее шпаги разорвал шелковую куртку противника на уровне сердца, не поранив тела.

– Клянусь пророком! Да этот мальчишка – чудо какое-то!

Хараджа, не меньше его удивленная поразительной точностью укола, быстро встала и отбросила сигарету в сторону.

– Метюб, – сказала она, – похоже, ты нашел противника, способного вышибить тебя из седла. А ведь ты мне только что сказал, что он совсем мальчик.

Турок взревел.

– Я его сейчас убью, – процедил он сквозь зубы. – Если только...

Грозный взгляд Хараджа оборвал его на полуслове.

– Не забывайся, – сказала она. – Вперед, мой милый капитан! Ты достоин знаменитого Дамасского Льва.

Герцогиня снова заняла оборонительную позу, угрожая турку в третьей позиции. На миг она застыла, а потом так неистово атаковала противника, что тот был вынужден нарушить стойку и отпрыгнуть назад.

– Bravo, эфенди! – крикнула Хараджа. – Сдавайся, капитан!

Но Метюб был не из тех, кто легко позволяет себя одолеть, и бросился в атаку, как разъяренный зверь.

В течение двух-трех минут оба противника обменивались уколами, парируя их с необычайной ловкостью, ибо турок тоже был превосходным фехтовальщиком, а потом герцогиня, в свою очередь, нарушила стойку и отскочила назад.

– Ага! Наконец-то ты устал, эфенди! – заорал турок, готовясь к новой атаке.

Хараджа побледнела и уже подняла руку, чтобы остановить турка, но вдруг с удивлением увидела, как герцогиня низко наклонилась, отставив левую ногу.

Метюб в этот момент атаковал с диким воплем.

Клинок герцогини сверкнул под самой грудью противника, а сама она приникла к полу, опершись на левую руку.

– Получи картуш! – крикнула она. – Защищайся!

Метюб вскрикнул от боли. Кончик шпаги вошел ему в тело, но неглубоко, потому что герцогиня вовремя сдержала удар.

– Все, Метюб, удар тебя достал! – захлопала в ладоши Хараджа. – Вот как сражаются доблестные воины!

Турок сделал длинный выпад, надеясь взять реванш, но герцогиня уже выпрямилась и атаковала из четвертой позиции, выбив у него шпагу и оставив безоружным.

– Проси пощады! – крикнула она, приставив ему к горлу конец шпаги.

– Нет! Добей! – прохрипел Метюб.

– Прикончи его, эфенди, – сказала Хараджа. – Жизнь этого человека принадлежит тебе.

Вместо того чтобы атаковать, герцогиня отступила назад и бросила шпагу на пол со словами:

– Нет! Хамид-Элеонора не привык добивать побежденных.

– Моя рана не опасна, эфенди, – сказал турок, – и я мог бы попросить реванша, если позволишь.

– Этого не хочу я, – вмешалась Хараджа. – И покончим с этим.

Посмотрев на герцогиню долгим взглядом, она прошептала:

– Красив, силен и великодушен... Этот юноша превосходит Дамасского Льва.

Потом подошла к обоим противникам, которые все еще стояли, напрягшись, друг против друга, и указала Метюбу на дверь со словами:

– Ступай лечиться.

– Прикажи меня убить, госпожа.

– Ты всегда отличался храбростью, – сказала Хараджа, и голос ее смягчился. – И ты останешься лучшим клинком флота, такие, как ты, для нас слишком ценны.

Турок опустил голову и вышел, держась рукой за грудь, чтобы остановить кровь, уже пропитавшую его зеленую шелковую куртку. Дойдя до порога, он резким, сердитым дви-

жением поднял богатую парчовую портьеру и, обернувшись к герцогине, провожавшей его глазами, бросил ей:

– Надеюсь, когда я выздоровею, эфенди, ты не откажешь мне в реванше.

– Когда пожелаешь, – холодно ответил Капитан Темпеста.

– Эфенди, – спросила Хараджа, когда турок вышел, – кто тебя научил так искусно обращаться со шпагой?

– Я уже говорил: отступник из христиан, которого мой отец держал в услужении.

– Ну и как тебе моя необычная идея заставить тебя сразиться с моим капитаном?

– Да никак. Обыкновенный женский каприз, – ответила герцогиня с нарочитой небрежностью.

– Скверный каприз, ведь он мог стоить тебе жизни, эфенди. Ты простишь меня?

– Четыре укола шпаги того не стоят, госпожа.

Хараджа на миг застыла, словно погрузившись в какую-то свою мысль, потом сказала:

– Мне уже не скучно, теперь моя очередь тебя развлекать. Спустимся во внутренний двор. Моих индийских бойцов уже предупредили, и они тебя ждут.

– У тебя есть даже индийские рабы?

– Мне их подарил дядя, когда я уж слишком заскучала в замке Хусиф. Пойдем, мой доблестный капитан.

Они спустились по парадной лестнице и вышли в просторный внутренний двор, где за эти несколько часов уже соорудили два помоста. На одном заняли места спутники герцогини и офицеры гарнизона крепости, а на верхних галереях толпились рабы и рабыни.

Каменный пол двора был посыпан песком, и посередине горделиво возвышались друг напротив друга два гиганта с геркулесовой статью, бритыми головами и бронзовой кожей, отливающей желтизной. На них были только набедренные повязки из белого шелка.

В правой руке у каждого было крепко зажато какое-то странное оружие, полностью покрывавшее пальцы, на котором топорщились длинные, с большой палец, острые металлические шипы.

Хараджа подвела герцогиню к двум удобным креслам, стоявшим на роскошном персидском ковре, и жестом пригласила сесть. Потом вынула из сумочки жемчужное ожерелье, должно быть очень дорогое, и швырнула его на пол шагах в пяти от себя.

– Этот приз будет ждать победителя.

Бойцы вытянули шеи, горящими глазами глядя на ожерелье, которое для них, наверное, было целым состоянием.

– А как будут биться эти бойцы? – спросила герцогиня, не понимая сути поединка.

– Видишь, эфенди, что у них на пальцах?

– Железные шипы.

– Это нуки-какusti, индийское оружие, – пояснила Хараджа. – Оно очень глубоко вонзается в тело и может даже убить.

– И ты, госпожа, позволишь им терзать друг друга?

– Разве я не плачу им, чтобы они развлекали меня? Дядя не для того мне их подарил, чтобы они бездельничали.

– По-моему, это жестоко.

Племянница паши пожала плечами и заявила:

– Они ведь тоже неверные.

И, не дожидаясь возражений, хлопнула в ладоши. Разговоры на помостах стихли.

Индийские бойцы по этому знаку сделали шаг навстречу друг другу и издали короткий дикий крик, видимо боевой клич индийцев.

Хараджа подалась вперед, чтобы не пропустить ни одной детали кровавого зрелища. Лицо ее вдруг вспыхнуло, глаза загорелись, а ноздри задрожали, как у тигра, почуявшего кровь жертвы.

Герцогиню, которая наблюдала за ней, до глубины души поразило жестокое выражение ее лица.

«Да эта женщина – демон! – сказала она себе. – Никогда мне не понять ее души».

Оба индийца, издав боевой клич, разошлись на три шага, смирив друг друга взглядами и бросились вперед, прикрывая грудь левой рукой, чтобы защитить сердце от страшных шипов.

Однако это был финт, ложный выпад, только для того, чтобы оценить силу и ловкость противника.

Они снова разошлись на несколько метров, несколько раз подпрыгнули, проверяя тело на гибкость и упругость, и снова бросились друг на друга, стараясь попасть в противника шипом.

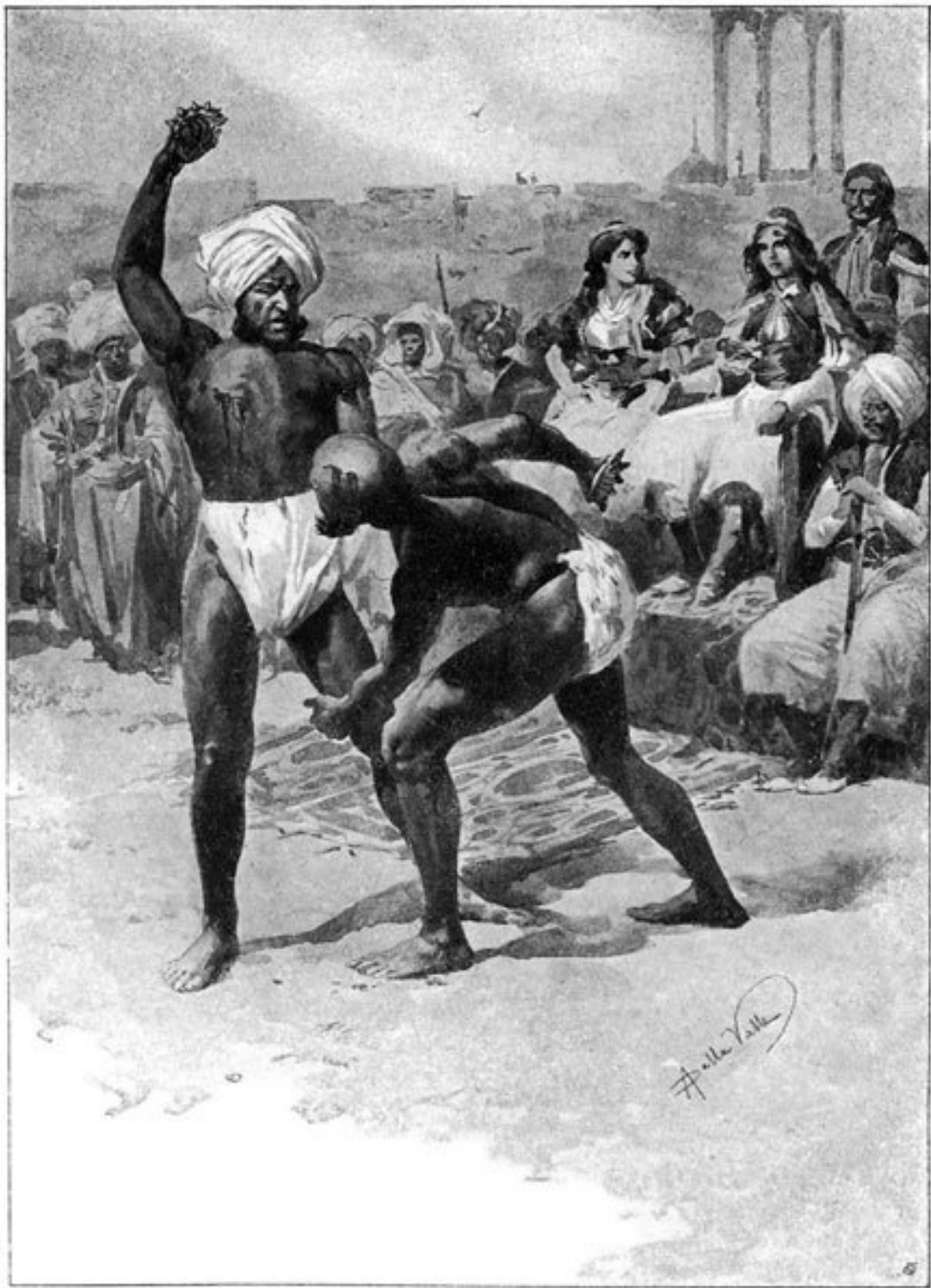
Они друг друга стоили, если судить по скорости и ловкости, с какой оба уворачивались от ударов.

Хараджа подбадривала их криками:

– Да! Молодцы! Нападайте!

Каждый из бойцов, однако, делал все, чтобы не попасть под удар противника. Они отпрыгивали то в одну сторону, то в другую, то бросались вперед, то отступали, то резко наклонялись, а потом буквально взвивались вверх, словно их подбрасывало пружиной.

Зрители, затаив дыхание, наблюдали за бойцами, следя глазами за каждым движением. Даже герцогиню, помимо воли, увлек этот странный боксерский поединок. Она никогда ничего подобного не видела.

Оба индийца, издав боевой клич, бросились вперед, прикрывая грудь левой рукой, чтобы защитить сердце от страшных шипов.

С четверть часа бойцы стойко держали оборону, потом снова стали теснить друг друга яростными ударами.

Не прошло и пяти секунд, как один из бойцов тяжело упал на землю. Железный кулак угодил ему прямо в голову, шипы глубоко проникли в череп, и он мгновенно умер.

Победитель поставил ногу на грудь поверженного противника и в третий раз издал боевой клич. Но и ему не удалось выйти невредимым из этой жуткой схватки.

Кожа у него на лбу висела клочьями, вся левая рука была в крови, а на груди зияла широкая рана.

– Подними с земли жемчужное ожерелье, – сказала Хараджа. – Ты честно его заработал, объявляю тебя доблестным бойцом.

Индус печально усмехнулся, поднял ожерелье, долгим взглядом посмотрел на убитого, на бой с которым его толкнули не вражда и ненависть, а чужая воля, и медленными шагами удалился в галерею, оставляя за собой кровавый след.

– Тебе понравилось, эфенди? – спросила Хараджа.

Элеонора несколько мгновений молчала, потом покачала головой:

– Я предпочитаю войну: там, по крайней мере, ты лицом к лицу с теми, кто принадлежит к другой расе или религии и с кем ты никогда не встречался.

– Но я женщина, и мне порой просто нечего делать, – отвечала Хараджа. – Я тоже предпочитаю участвовать в абордаже, но здесь, в замке, где мне ничто не угрожает, чем мне заняться, эфенди?

– Может, ты и права, – сказала герцогиня, не зная, что ответить.

– Пойдем, эфенди, я не хочу больше предлагать тебе подобные зрелища, по-моему, они тебе не очень по нраву. Прогуляемся по террасам замка, и я покажу тебе всю мощь и прекрасную защиту этой крепости. Взять ее будет долгим и нелегким делом. Мой дядя выставил вдоль рвов не меньше двенадцати тысяч моряков.

– Я к твоим услугам, госпожа.

Турчанка нетерпеливо махнула рукой.

– «Госпожа», все время «госпожа»! – вскричала она почти в гневе. – Ведь ты же не простой солдат, эфенди, ты сын паши. Зови меня Хараджа.

– Как пожелаешь, – отвечала герцогиня с едва заметной улыбкой.

– Пойдем.

Они вышли со двора и по лестнице поднялись к просторным террасам за зубчатой стеной замка, потом турчанка вошла в одну из башен, приглашая герцогиню следовать за ней.

– Отсюда открывается великолепный вид, и здесь можно поговорить, не боясь, что кто-нибудь нас услышит.

Они поднялись по узкой лестнице, на которой двоим было не разойтись, и после утомительного подъема вышли на самую верхнюю террасу, полностью закрытую зубцами стены. На террасе стояли две кулевины с изображениями Льва Святого Марка на казенниках.

– Смотри, эфенди, – сказала Хараджа. – Замок возвышается и над равниной, и над морем. С башен гарема султана не было видно так далеко.

18

Кровавые истории

Перед глазами герцогини открылась прекрасная панорама: башня была самая высокая из всех.

На западе простиралось лазурное Средиземное море, гладкое как зеркало. На нем кое-где виднелись пятнышки, похожие на бабочек. С юга на север тянулись живописные скалистые берега острова, с крошечными мысами и длинными волнорезами, с маленькими бухтами и глубокими расщелинами, напоминавшими знаменитые норвежские фьорды. На востоке зеленела кипрская равнина, а за ней – горная цепь, которая таяла в прозрачной дали где-то на дальнем горизонте.

В одной из бухт герцогиня сразу узнала галиот и шебеку, стоявшие рядом на якоре.

Глаза Хараджа тоже остановились на парусниках.

– Это твое судно, эфенди? – спросила она, указав на галиот.

– Да, госпожа.

– Хараджа, я же тебе сказала.

– Да, Хараджа.

– Как красиво звучит мое имя в твоих устах! – сказала турчанка, проведя рукой по лбу, словно стараясь спрятать прорезавшую его едва заметную морщинку.

Потом пристально взглянула на герцогиню и снова заговорила:

– Ты спешишь с отъездом?

– Я хочу скорее доставить Дамасскому Льву виконта Л'Юссьера. Если я задержусь, это может разозлить Мустафу.

– А, ну да, ты же приехал за этим христианином. А если я его пошлю под охраной Метюба? Мне кажется, разницы не будет никакой.

– Ты же знаешь, Хараджа, Мустафа любит, чтобы ему подчинялись, и, если я лично не доставлю ему виконта, это может навлечь на меня немилость и опалу.

– Но ты ведь не какой-то там капитан, ты сын паши.

– Отец велел мне повиноваться великому визирю, который взял меня под свою опеку.

Хараджа облокотилась о парапет, уперлась подбородком в ладони и долго молчала, не отрывая глаз от огромной акватории Средиземного моря. Герцогиня тоже молчала, пытаясь угадать, какая мысль не дает покоя этой странной женщине.

Вдруг Хараджа вздрогнула и резко повернулась к герцогине. Глаза ее горели, лоб был нахмурен.

– А ты бы не побоялся, эфенди, выйти на поединок с Дамасским Львом? – спросила она, и дикие, грубые нотки, прозвучавшие в ее голосе, выдали неожиданный всплеск ярости.

– Что ты хочешь этим сказать, Хараджа? – удивленно отозвалась герцогиня.

– Отвечай на вопрос, Хамид. Способен ли ты встретить лицом к лицу такого противника, как Дамасский Лев?

– Надеюсь, что да.

– Он твой близкий друг?

– Да, Хараджа.

– И что с того? – прошипела турчанка сквозь стиснутые зубы. – Порой рушится даже самая крепкая дружба, и друзья по ничтожному поводу или из-за ревности становятся заклятыми врагами.

– Я тебя не понимаю, Хараджа, – сказала герцогиня, пораженная внезапным порывом возбуждения, охватившим турчанку.

– Ты лучше поймешь меня сегодня вечером, после ужина, мой милый капитан. Освобождение этого христианина произойдет только здесь, но если Мустафа будет вот так отбирать пленных, захваченных моим дядей, то ему придется иметь дело со мной. Пусть явится и атакует меня, если посмеет! Паша стоит выше великого визиря, и флот сильнее сухопутного войска. Пусть попробует!

Хараджа выпрямилась, руки ее были прижаты к груди, глаза горели гневом.

– Пусть только попробует! – повторила она осипшим голосом.

И вдруг резко сменила тон и снова стала веселой, улыбчивой красавицей.

– Пойдем, мой милый капитан. Вернемся к этому разговору после ужина. Мои вспышки гнева похожи на бури в Средиземном море: ужасны, но коротки, а потом быстро возвращается хорошая погода. Давай пройдем по террасам. Я покажу тебе, в каком месте моряки моего дяди атаквали крепость.

На лице турчанки не осталось ни следа былой ярости. В ее глазах, таких же прекрасных, как у герцогини, больше не светилось мрачное пламя, лоб разгладился, словно неожиданный порыв ветра разогнал затемнявшие его облака.

Она бросила последний взгляд на море, сверкавшее в лучах закатного солнца, и спустилась по узкой лестнице на террасы, которые опоясывали по периметру массивные стены, защищенные зубцами, по большей части разрушенными.

Многочисленные кулеврины, почти все венецианские, смотрели черными жерлами отчасти на море, отчасти на равнину, а вдоль парапетов виднелись пирамиды железных и каменных ядер.

Хараджа провела герцогиню почти по всем террасам, с которых просматривался огромный участок территории, и остановилась перед старинной квадратной башней.казалось, башню снизу доверху расколол гигантский топор какого-то великана.

– Вот отсюда моряки великого адмирала вошли в замок, – сказала Хараджа. – А я находилась на борту дядиной галеры и могла наблюдать все этапы этого ужасного сражения.

– А, так ты тоже там была, Хараджа...

– Племянница паши не могла больше сидеть без дела в стенах гарема. Это я командовала галерой.

– Ты?

– Тебя это удивляет, эфенди?

– Значит, ты умеешь управлять кораблем?

– Как и положено лоцману паши, – ответила турчанка. – Думаешь, я не избороздила все Средиземное море? Я захватила немало христианских судов и ходила на абордаж вместе с командой. Ты, наверное, не знаешь, эфенди, что мой отец был корсаром в Красном море. Может быть, ты о нем слышал.

– Я не знаю, как его звали.

– Рамаиб.

– Кажется, что-то слышал.

– Его жизнь трагически оборвалась.

– Вот тут я мало что могу сказать, Хараджа.

– Я все тебе расскажу сегодня вечером. Ведь это в обычае у арабов, верно?

– Они проводят ночи напролет, слушая рассказы стариков.

Они продолжили прогулку по террасам, поднимаясь на башни, а потом, когда солнце исчезло за горизонтом, спустились в зал, который освещали четыре прекрасных хрустальных светильника муранского стекла со множеством свечей.

Стол уже был накрыт и украшен большими букетами цветов с сильным, пьянящим ароматом.

Как и утром, к столу никого больше не пригласили. Наверное, гордой племяннице паши были не по нраву доверительные отношения с капитанами.

Стол, как и во время обеда, отличался великолепием и, что было невероятно, уставлен бутылками старого кипрского вина, несмотря на строжайший запрет пророка на напитки, полученные в результате брожения.

– Если уж сам султан, глава правоверных, пьет вино, то и я могу отведать, – ответила Хараджа на упрек герцогини, которая, боясь себя выдать, отстаивала мусульманские традиции. – Пророк, должно быть, не отличался хорошим вкусом, если довольствовался верблюжьим молоком пополам с водой.

И она пригубила сладкое вино, подтрунивая над Магометом и его запретами. Однако в вине она, видимо, искала некий источник энергии, потому что, едва увидев доньшко бокала, тут же снова его наполнила, подзадоривая «милого капитана» выпить с ней вместе.

– У пророка нет времени нами заниматься, – говорила она, смеясь. – Пей, Хамид, от этого вина делается хорошо, оно вливает в жилы тот огонь, который никогда не зажжет вода. Твое здоровье!

Однако после ужина и кофе, когда Хараджа закурила сигарету, она вдруг посерьезнела. Казалось, ее душу терзала какая-то тревога.

Она резко поднялась и принялась нервно расхаживать по залу, то и дело останавливаясь перед висящим на стенах оружием.

Герцогиня уже заподозрила, что она замышляет еще один поединок с очередным офицером из свиты, чтобы отвлечься от своей опасной «турецкой хандры», но быстро успокоилась, увидев, что Хараджа уютно устроилась на диване и жестом приглашает ее сесть рядом на продолговатую шелковую подушку, лежавшую на ковре. Возле подушки стоял серебряный ларчик со сладостями, которые наверняка содержали гашиш.

– Мой отец, – начала она, – был великим корсаром, идеалом для людей такого рода, ибо никто не мог с ним соперничать ни в жестокости, ни в щедрости. Я тогда была еще совсем девочкой, но мне и сейчас кажется, что я вижу его, как он сходит с корабля: лицо мрачное, борода развевается по ветру, за поясом полно оружия. Он очень любил меня и брата, но нам приходилось плохо, если мы его не слушались. Он мог нас запросто убить, как хладнокровно убивал всех моряков, которые осмеливались ему перечить. Можно сказать, все Красное море принадлежало ему, и даже галеры султана Сулеймана не смогли бы оспорить у него владение этой огромной акваторией между Африкой и Аравией. Он был грозным человеком и наводил ужас даже на меня, хотя, уходя в плавание или возвращаясь, всегда меня обнимал и целовал. Он собрал себе экипаж, который не боялся ни пророка, ни Аллаха, ни дьявола, и с этим экипажем опустошал все побережье от Суэца до пролива Баб-эль-Мандеб.

О его жестокости ходили легенды. Он не пощадил ни одного из моряков, взятых живыми. Всех выбрасывали в море, предварительно связав по рукам и ногам, чтобы никто не выплыл.

С экипажем он никогда не разговаривал и никому не позволял ни малейшей фамильярности. Однако был щедр и добычу делил поровну без всяких предпочтений.

С другой стороны, секрет его необыкновенного, почти гипнотического воздействия на команду заключался прежде всего в необычайной храбрости, делавшей его морским полубогом. К тому же он обладал даром какого-то дикого, первозданного красноречия, которое в моменты самых жестоких и кровавых абордажей подсказывало ему звучные, энергичные фразы. Никакой запах пороха не смог бы так зачаровать и вдохновить команду.

Мой старший брат часто сопровождал его в набегах, и ему приходилось туго, если в моменты наибольшей опасности он проявлял хоть малейшую нерешительность. Этого отец не прощал никому, даже тем, у кого в жилах текла его кровь.

Однажды брат, едва вышедший из детского возраста, после жестокого сражения с португальской галерой, которая была крупнее его галеры и гораздо лучше вооружена, был вынужден бросить жертву и искать спасения в одном из аравийских портов, чтобы не дать понапрасну перерезать всю свою команду.

Когда он появился перед отцом в разодранной в клочья одежде, с окровавленной саблей, но целый и невредимый, тот, вместо того чтобы подбодрить сына, заорал ему в лицо:

– Собака! Скотина! И ты осмелился явиться ко мне без единого пятнышка крови на груди! Сбросьте в море это ничтожество!

По счастью, те, кому была поручена эта печальная миссия, не осмелились связать приговоренного по рукам и ногам. Будучи прекрасным пловцом, он благополучно добрался до берега и спасся.

Прошло много лет, прежде чем брат дал о себе знать. Когда отец понял, что сын жив, то велел ему вернуться в замок и помирился с ним. Спустя несколько недель Осман, так звали моего брата, с честью принял смерть на палубе корабля, победно отразив атаку противника.

– А отец? – спросила герцогиня.

– Он трагически последовал за ним в могилу несколькими месяцами позже. Отец напал на поселок, где, как он знал, жил очень богатый грек, владелец несметных верблюжьих стад. Вместе со своими людьми он ворвался в дом и в комнату, где находился хозяин с молодой красавицей-женой и слугой. Они отчаянно отбивались от аркебуз и ятаганов нападавших.

Отец был уверен в легкой победе и взял с собой всего несколько человек. Остальные занимались богатой добычей.

Грек был убит. Отец с поднятой саблей бросился на женщину, поскольку не щадил никого, но ее слезы и необычайная красота, видимо, повлияли на него, и он на миг застыл в нерешительности. Этот миг и стал для него роковым: женщина быстро подняла с пола пистолет с дымящимся запалом и выстрелила в упор прямо ему в грудь.

Женщина быстро подняла с пола пистолет с дымящимся запалом и выстрелила в упор прямо ему в грудь.

Он упал замертво. Пуля попала в сердце.

— А женщина спаслась?

— Не знаю.

Хараджа снова закурила сигарету, осушила еще один бокал кипрского вина и улеглась на диван, положив руку на темноволосую голову юного капитана.

– Меня забрал к себе и удочерил дядя, который прославился своими героическими делами в Средиземноморье, храбро сражаясь с венецианцами и генуэзцами. Сначала меня поместили в гарем, но потом, когда дядя увидел, что там я совсем зачахла, он взял меня на борт адмиральского корабля. Он понял, что я натура деятельная, и научил меня командовать и управлять кораблями. Тогда во мне и пробудились отцовские инстинкты. У меня в жилах текла кровь пирата, и пусть я была женщиной, его устремления стали мне близки. Я быстро сделалась правой рукой дяди и сопровождала его во всех походах по Средиземному морю, соперничая с ним в храбрости и, не стану скрывать, в жестокости. Это я после abordage мальтийской галеры велела привязать всех выживших к якорям и утопить в море. Это я истребила все население Шио, не пожелавшее мусульманского ига... Шио! Лучше бы я не ступала на эту землю!

Хараджа резко встала, лицо ее исказила ярость, глаза сверкнули, ноздри задрожали. Сжав руками виски, она глубоко вдохнула ароматный воздух зала, потом откинула назад длинные волосы, уронив при этом на пол нитку жемчуга, которая их украшала, и глухо проговорила:

– Я сражалась в сухопутном войске, а моряки нас поддерживали. Я никогда раньше не видела такого красивого, сильного и храброго юноши. Настоящий бог войны! Там, где было опаснее всего, сверкала его сабля и гребень его шлема, и никакие кулеврины или аркебузы не могли его остановить. Он смеялся над смертью и спокойно бросал ей вызов, словно сам пророк дал ему какой-то талисман, который сделал его неуязвимым. И я влюбилась! Я очень сильно любила его, но он не понял моей любви, вернее, не пожелал понять. Слово «любовь» для него было пустым звуком, он жаждал только славы. Сколько бессонных ночей я провела, какое испытала отчаяние из-за него!

Я увидела его только много дней спустя, под стенами Фамагусты. Разлука и средиземноморские шторма не погасили пламени, что сжигало мое сердце. Я говорила с ним, я долго смотрела в его глаза, но он не залился краской, даже не вздрогнул.

А ведь он знает, что я его люблю, вернее, любила... Он как был, так и остался ко мне равнодушен. Я для него всего лишь одна из тех женщин, которые даже взгляда не стоят. Я! Хараджа, племянница великого адмирала! Ненавижу его! Ненавижу! И теперь хочу, чтобы он умер!

Из ее сверкающих глаз выкатились две горячие слезы. Гордая, жестокая и кровожадная племянница паши плакала.

Герцогиня, пораженная таким всплеском отчаяния, смотрела на нее и силилась понять, кто же был тот мужчина, что так глубоко ранил сердце женщины, которая, казалось, вообще была не способна любить.

– Хараджа, – сказала она, помолчав, взволнованная отчаянием, отразившимся на лице турчанки. – О ком ты говоришь? Кто тот воин, что не понял твоей любви?

– Кто? Кто?.. Ведь ты его убьешь, правда?

– Кого?

– Его!

– Кого – его? Я не знаю, кто он.

Хараджа подошла к герцогине, положила ей руки на плечи и страшным, диким голосом произнесла:

– Тот, кто победил Метюба, лучшего из бойцов флота паши, сможет сразить и того, кто считается лучшим клинком мусульманского войска.

– Я все еще не понимаю тебя, Хараджа.

– Ты хочешь, эфенди, получить того христианина?

– Да, ведь я сюда послан, чтобы освободить его и доставить к Мустафе.

– Я тебе его выдам, но только тебе и с двумя условиями.

- Какими?
- Первое: ты вызовешь на поединок Дамасского Льва и убьешь его.
- Герцогиня вскрикнула от удивления:
- Мне убить Мулея-эль-Каделя?
- Да, я так хочу.
- Но ты же знаешь, Хараджа, он мой друг, я тебе говорил.
- Турчанка пожала плечами и высокомерно усмехнулась:
- Может быть, ты боишься, эфенди?
- Хамид-Элеонора не боится ни шпаги, ни мусульманской сабли. Я это уже доказал.
- Тогда убей его.
- И под каким предлогом я разорву нашу старую дружбу и вызову его?
- Под каким? Мужчина всегда найдет какой-нибудь повод, а тем более мужчина-воин, – сказала Хараджа, залившись визгливым смехом.
- Я в долгу перед Мулеем-эль-Каделем.
- Что за долг? Я готова заплатить.
- Для этого не хватит никакого богатства. Это долг признательности.
- «Признательности»? – с издевкой передразнила Хараджа. – Пустое слово, мой отец его даже знать не желал. Либо освобождение христианина и смерть Дамасского Льва, либо ничего. Тебе выбирать, эфенди. Хараджа не знает жалости.
- Ты не назвала второго условия, – сказала герцогиня.
- Ты вернешься, доставив христианина.
- Для тебя это важно, Хараджа?
- Да. Даю тебе минуту на размышление.
- Герцогиня молчала. Осушив еще один бокал вина, турчанка снова растянулась на диване, не сводя с юного капитана пристального взгляда.
- Колеблешься?
- Нет, – решительно ответила герцогиня.
- Убьешь его?
- Попытаюсь, если Дамасский Лев, напротив, не убьет меня.
- Турчанкой, казалось, овладело глубокое беспокойство.
- Но я не хочу, чтобы ты умирал! – крикнула она. – Ты что, тоже хочешь погасить пламя волнения, от которого трепещет мое сердце? Значит, все вы, мужчины, свирепые львы?
- Если бы не опасность себя выдать и если бы перед ней был кто-то другой, а не эта женщина, от которой можно ожидать жестокой мести, герцогиня не сумела бы сдержать приступ смеха. Но шутить с племянницей паши было слишком опасно, и она остереглась выдать свои мысли, дав волю смеху.
- Я принимаю твои условия, – поразмыслив, сказала герцогиня.
- Ты вернешься? – пылко и порывисто спросила турчанка.
- Да.
- Но сначала убьешь Дамасского Льва, так?
- Убью, если хочешь.
- Хочу ли я? Для турчанки нет ничего более прекрасного и сладостного, чем месть.
- Герцогиня ответила еле уловимой улыбкой.
- Хараджа снова встала.
- Завтра, – сказала она, – виконт будет здесь.
- Герцогиня вздрогнула и вспыхнула.
- Я уже послала гонца на болота, чтобы узника доставили под конвоем.
- Спасибо, Хараджа, – сказала герцогиня, подавив вздох.

– Ступай отдохнуть, эфенди. Уже поздно, я злоупотребила твоим вниманием. Ты, должно быть, устал от всех треволнений. Иди, мой милый капитан, этой ночью Хараджа будет думать о тебе.

Она взяла серебряный молоточек и ударила в гонг.

Тут же появились двое рабов.

– Проводите эфенди в приготовленную для него комнату. До завтра, Хамид.

Герцогиня галантно поцеловала протянутую турчанкой руку и вышла. Впереди шли двое рабов с факелами.

19

Виконт Л'Юссьер

Спустившись по лестнице, рабы остановились перед одной из комнат первого этажа, выходящей во двор, и пригласили герцогиню войти.

В тот самый миг, когда она уже собиралась перешагнуть порог и миновать тяжелую парчовую портьеру, которую приподняли негры, у нее за спиной вдруг раздался знакомый голос:

– Эфенди!

Герцогиня обернулась, а оба раба схватились за ятаганы, висевшие на широких перевязях лазурного шелка. Должно быть, они получили от хозяйки приказ обеспечивать безопасность гостя.

– А! Это ты, Эль-Кадур? – спросила Элеонора, увидев, как он идет к ней сквозь колоннаду.

Потом, заметив, что слуги не опустили поднятые ятаганы, она властно сказала им:

– Остановитесь! Этот человек – мой верный слуга, и он привык спать под моей дверью. Ступайте: здесь нечего опасаться.

– Госпожа приказала охранять тебя, эфенди, – осмелился робко заметить один из рабов.

– В этом нет нужды, – отвечала герцогиня. – Беру ответственность на себя. Оставьте меня одного.

Оба негра поклонились до земли и поднялись обратно по лестнице.

– В чем дело, Эль-Кадур? – спросила Элеонора, когда стихли шаги рабов.

– Я пришел получить твои приказания, госпожа, – ответил араб. – Никола Страдиот беспокоится и хочет знать, что нам делать дальше.

– Пока ничего. Однако надо послать кого-нибудь на наш галиот и предупредить матросов, чтобы завтра были готовы к отплытию.

– Куда? – с тревогой спросил араб.

– В Италию.

– Значит, мы уходим с Кипра?

– Завтра Л'Юссьера освободят, и моя миссия закончится.

– Господина освободят?

– Да, Эль-Кадур.

Араб скорчился, словно получил в спину заряд из аркебузы, и уронил голову на грудь.

– Хозяин будет свободен! – прошептал он. – Свободен!

Его лицо словно свело судорогой.

– Все кончено, – сказал он себе, – Эль-Кадур не сможет увидеть счастья своей хозяйки.

Он быстро выхватил из-за пояса ятаган и наставил острие себе в грудь.

Элеонора, не сводившая с него глаз, остановила его руку.

– Ты что делаешь, Эль-Кадур? – властно спросила она.

– Проверяю, госпожа, достаточно ли остро заточен клинок, чтобы убить турка.

– Какого турка?

– Прежде чем покинуть Кипр, я хочу снять кожу с одного неверного и увезти ее с собой! – с недоброй улыбкой отвечал араб. – Я обтяну его шкурой свой боевой щит.

– Ты говоришь неправду, Эль-Кадур. Уж слишком мрачно горят твои глаза.

– Я хочу убить этого человека, госпожа. А потом Мустафа убьет меня. Но что за важность? Он уничтожит простого раба!

В словах Эль-Кадура прозвучала такая горечь, что герцогиню пробрала дрожь.

– Ты снова задумал какое-нибудь безумство?

– Может быть.

– Имя человека, которого ты задумал убить!

– Не могу сказать, синьора.

– Я приказываю!

– Мулей-эль-Кадель.

– Тот самый благородный мусульманин, который меня спас? Так-то вы, арабы, благодарите тех, кто вырвал вас из когтей верной смерти? Вы кто – гиены или шакалы? Но уж не львы, это точно!

Ничего не ответив, Эль-Кадур понурил голову. Из груди его вырвалось глухое рыдание.

– Говори! – приказала герцогиня.

Араб с яростью отбросил назад свой белый плащ и ответил с глубокой горечью:

– Однажды твой отец обещал мне свободу. Но он умер, и я, как верный пес, остался в твоём доме. Я должен был охранять его дочь, и никакие опасности, даже самая ужасная смерть, не смогли бы помешать мне поехать за тобой на этот проклятый остров. Синьора, я выполнил свою миссию: завтра ты и синьор виконт, свободные, счастливые, на всех парусах помчитесь в вашу прекрасную страну, и я уже буду вам больше не нужен. Позволь же бедному арабу следовать своей печальной судьбе. Пророк, видно, не создал меня для радости. У меня одно желание: найти свою смерть, и чем страшнее она будет, тем лучше, раз уж презренный мусульманин не отличается великодушием. Позволь мне убить этого человека, госпожа. Он на тебя заглядывался, он втайне любит тебя. Не забывай, ты христианка. Хоть чему-то послужит жизнь бедного раба: он убьёт соперника своего господина.

Герцогиня быстро подошла к арабу, который забился в угол комнаты и весь сжался, словно зверь перед прыжком.

– Ты действительно так думаешь? – спросила она.

– Эль-Кадур все видит, Эль-Кадур наблюдает и не обманывается. Хараджа меня не волнует. Эта женщина сумасбродна, как и все турчанки. Меня беспокоит Дамасский Лев...

– Но почему, Эль-Кадур?

– Потому что раб прочел в сердце своей госпожи.

– Что? Христианка, любящая христианина, не может любить турка, врага своей расы!

Араб развел руками и ответил:

– Судьбы людские в руках Аллаха! Помешай ему, госпожа, если сможешь.

– Господь не Магомет, и его могущество намного превосходит силу пророка. Ты обманулся, Эль-Кадур.

– Нет, госпожа, глаза мусульманина задела твое сердце.

– Но не затронули его. Как мог ты допустить мысль, что я, женщина, покинула бы Италию и отказалась от всех жизненных удобств, чтобы надеть мужское платье и броситься в Фамагусту на бой с жестоким и безжалостным врагом, не щадившим христиан, если бы сердце мое не было целиком отдано виконту? Какая другая женщина осмелилась бы на такое? Скажи, Эль-Кадур. Я люблю Л'Юссьера, и никакие глаза Дамасского Льва не заставят меня его забыть.

– И все-таки, – сказал араб, слегка прикрыв веки, – я вижу: на твоём пути встретится мужчина, и это не виконт.

– Выдумки.

– Нет, госпожа, он носит тюрбан поверх шлема, и у него в руке кривая сабля.

– Чушь! – сказала герцогиня, но вид у нее был смущенный.

– Араб не ошибся, госпожа, вот увидишь. Турок одолеет христианина.

– Нет, ты действительно умом повредился, Эль-Кадур. Элеонора не изменит человеку, который ее любит.

– Я вижу тьму вокруг тебя, госпожа.

– Хватит, Эль-Кадур!

– Пусть будет так, госпожа.

Герцогиня принялась в волнении ходить взад-вперед по комнате.

Араб, не двигаясь с места, стоял как бронзовая статуя и пристально наблюдал, как менялось ее лицо.

– Где синьор Перпиньяно и Никола Страдиот? – неожиданно спросила герцогиня, остановившись.

– Их поместили в комнату, которая выходит во двор, вместе с моряками и слугой Мулея-эль-Каделя.

– Ты обязательно должен их предупредить, что завтра мы выходим в море. Они ничего не знают о решении Хараджи?

– Нет, госпожа.

– Будет благоразумно послать кого-нибудь на наш галиот, чтобы греки удвоили охрану. Если хоть один турок сбежит, никто из нас не выйдет из рук Хараджи живым. Теперь я слишком хорошо знаю, на какую жестокость она способна. Ох ты!

– Что такое, госпожа?

– А как же шебека?

– Я тоже о ней сейчас подумал. Если племянница паши проследует за нами до бухты, как мы объясним исчезновение турецкой команды?

– Мы все можем пропасть из-за какой-то ерунды, – сказала Элеонора, побледнев. Я больше чем уверена, что Хараджа за нами увяжется, и, возможно, с приличным эскортом. Во дворе нет часовых?

– Нет, госпожа.

– Позови Николу. Надо, чтобы кто-нибудь немедленно вышел из замка и поспешил на рейд. Если мы хотим спастись, шебека должна исчезнуть.

Эль-Кадур осторожно и бесшумно прикрыл дверь и выглянул во двор, обведя взглядом аркаду.

– Похоже, все разошлись, я никого не вижу. Да и чего бояться этой крепости теперь, когда рычание Льва Святого Марка стихло?

– Приведи Николу.

Араб бесшумно исчез под сводами аркады.

Несколькими минутами позже грек-отступник, который, видимо, еще не ложился, предстал перед герцогиней.

– Вы уже знаете, о чем пойдет речь, Никола? – спросила герцогиня.

– Да, ваш слуга мне все рассказал.

– И что вы об этом думаете?

– Я думаю, шебека должна исчезнуть навсегда. Мы ее отбуксируем в открытое море и потопим. А племянница паши и ее капитаны пусть думают, что она снялась с якоря и отправилась обследовать берег.

– Кто пойдет предупредить ваших людей?

– Есть у меня один шустрый матрос, ловкий, как обезьяна, и очень смелый, – ответил Никола. – Его я и пошлю на рейд.

– А как он сможет выйти из замка? Подъемный мост наверняка стерегут янычары.

– А он пойдет не через подъемный мост, синьора. Надо рвом есть множество амбразур, и Олао не составит труда выбраться наружу. Я за него отвечаю.

– Вы отдадите приказ потопить шебеку?

– Ничего другого нам не остается, да она нам и ни к чему. Отдыхайте спокойно, синьора, и ни о чем не волнуйтесь. Мой матрос через пять минут будет за пределами крепости. Спокойной ночи.

Едва грек ушел, герцогиня заперла дверь и, не раздеваясь, бросилась на кровать, прошепав:

– Завтра я наконец увижу его. Господи, помоги нам.

Ночью ничто не потревожило сон гарнизона крепости. Должно быть, Олао удалось выбраться, не привлекая внимания часовых, расставленных возле башенных зубцов, потому что в ночной тишине не раздалось ни одного крика тревоги.

Когда при первых лучах рассвета герцогиня вышла во двор к беседкам, ее уже почти-тельно ждали двое рабов, а посередине двора, под тентом, пили кофе и оживленно беседовали слуги ее свиты.

– Госпожа ожидает тебя, эфенди, – сказал герцогине слуга.

– Христианина доставили? – спросила Элеонора, и голос ее дрогнул.

– Не знаю, эфенди, но кто-то входил в крепость нынче ночью: я слышал, как гремели цепи подъемного моста.

– Подождите меня минуту. Я должен отдать распоряжения своим людям.

Она пересекла двор и направилась к своим. Никола и Перпиньяно, увидев ее, быстро встали и пошли ей навстречу.

– Вашему матросу удалось выйти? – вполголоса спросила она у грека, пожав руку венецианцу.

– Сейчас шебека уже должна быть на дне, – ответил Никола. – Я своими глазами видел, как Олао вылез из амбразуры и спрыгнул в ров. Ни один часовой тревогу не поднял.

– А что виконт? – спросил Перпиньяно.

– Похоже, он уже здесь, – отозвалась герцогиня.

– Итак, еще немного – и вы его увидите.

– Конечно.

– А вы не задумывались, синьора, об опасности, которой себя подвергаете?

– Какой опасности, Перпиньяно?

– Он ведь может сразу вас узнать и произвольным возгласом выдаст и себя, и вас.

Герцогиня побелела как полотно. Замечание венецианца ее потрясло.

Вполне возможно, что француз, увидев ее перед собой после долгих месяцев разлуки, не сможет удержаться от крика и рванется к ней. Что же тогда будет?

– Мне страшно, – произнесла герцогиня. – А нельзя его как-нибудь предупредить?

– Предоставьте это мне, синьора, – сказал грек. – Я ведь принадлежу к вашему эскорту и вполне могу взглянуть на пленного. Здесь нам уделяют много внимания и считают почетными гостями. Можно воспользоваться расположением этих турецких псов. Ступайте к племяннице паши и положитесь на меня. Я хорошо знаю мусульман.

– Вы предупредите его, Никола?

– Я попрошу его быть осторожнее.

– Я на вас рассчитываю. Это куда большая опасность, чем шебека на рейде.

– Знаю, синьора. Здесь слишком много народу, чтобы затевать драку: около четырехсот матросов и янычар.

– Готовьтесь уходить.

– По вашему приказу, синьора, – сказал Перпиньяно, – мы будем готовы к любой перестрелке. Верно, Никола?

– Да, наше оружие соскучилось по мусульманской крови, – отозвался грек.

Элеонора жестом попрощалась с ними и направилась к рабам, которые поджидали ее на первых ступенях лестницы.

– Я готов идти за вами, – сказала она.

Поднявшись на верхний этаж, она не без опасения вошла в тот самый зал, где уже обедала и ужинала.

Хараджа, еще прекраснее, чем прежде, одетая в розовые шелка и широкие лазурные шальвары, ожидала ее за столом, где дымились чашечки с кофе.

Ее длинные черные волосы были перевиты нитками крупного жемчуга, в ушах сияли серьги с бриллиантами и сапфирами величиной с орех, а на ногах красовались сафьяновые туфельки на высоком каблуке, расшитые золотом и драгоценными камнями.

Голову венчал маленький тюрбан красного шелка, отделанный дорогим муранским кружевом, а через плечо был перекинут белый плащ из тонкой шерсти с широкой серебряной вышивкой.

– Ночью привезли христианина, – заявила она, едва завидев герцогиню. – Он нас ждет за пределами крепости.

Элеонора вздрогнула, но изо всех сил постаралась себя не выдать.

– Его доставили прямо с болот? – спросила она как можно равнодушнее. – Может быть, он болен?

– Тлетворный воздух болота никому не идет на пользу, – отвечала Хараджа. – Пей, мой милый капитан, и выбрось из головы этого нечестивца. Если Мустафа действительно собирается послать его в Венецию, то тамошний мягкий климат и нежные ветры Адриатики быстро вернут ему силы. Ты хочешь ехать сразу?

– Да, Хараджа, если ты ничего не имеешь против.

– Меня заботит не христианин, а то, что мне будет не хватать тебя. Никогда не забуду тот чудный вечер, что мы провели вместе. Мне казалось, нет больше никакого замка Хусиф! Ты ведь быстро вернешься, правда, эфенди? – порывисто сказала она. – Ты обещал.

– Да, если Дамасский Лев меня не убьет.

– Убить тебя! Нет, это невозможно! – вскричала Хараджа. И с тоской добавила, словно говорила сама с собой: – Неужели месть будет для меня роковой?

Она резко тряхнула головой, потом положила руку на правое запястье Элеоноры:

– Нет, Дамасский Лев никогда не сможет тебя победить, эфенди. Эту руку я видела в бою, и если она сразила лучшего фехтовальщика флота, то сразит и Мулея-эль-Каделя. Ты самый юный и самый доблестный боец мусульманской армии, и я берусь сообщить об этом самому султану.

Потом серьезно и грустно спросила, с трудом подавив вздох:

– Ты ведь не забудешь меня, эфенди, и скоро вернешься?

– Надеюсь, – ответила Элеонора.

– Ты мне обещал.

– Ты же знаешь, Хараджа, что жизнь человеческая в руках Аллаха и пророка.

– Аллах и Магомет не будут столь жестоки, чтобы уничтожить такое юное, полное жизни создание. Райские гурии тебя еще подождут. Ну что, едем? Я чувствую, тебе не терпится меня покинуть.

– Нет, я еду исполнить свой долг, Хараджа. Я солдат, и главный мой начальник – Мустафа.

– Ты прав, Хамид: прежде всего ты обязан повиноваться. Так поехали скорее. Кони и моя свита уже, должно быть, готовы.

Она набросила на себя широкий плащ из тончайшей шерсти с широкой, вышитой серебром каймой, подняла капюшон с кистями, закрыв голову и часть лица, и спустилась по лестнице. За ней шла герцогиня, а впереди два араба, стоявшие на часах у дверей зала.

20

Предательство поляка

На площади перед замком, по ту сторону подъемного моста, в ожидании племянницы паши и сына паши Медины застыли две шеренги всадников.

Одна состояла из греков-отступников, Перпиньяно, Эль-Кадура и папаши Стаке с его юнгой, другая – из двух дюжин вооруженных до зубов янычар с готовыми к бою аркебузами.

Среди всадников, верхом на вороном коне, сидел высокий человек лет тридцати, с бледным, исхудалым лицом, с длинными темными усами и глубоко запавшими черными глазами. Вместо сверкающей, расшитой золотом и серебром одежды, какую любили носить турки той эпохи, на нем была простая темная куртка, широкие штаны и выгоревшая феска с кисточкой, давно утратившей свой огненный цвет.

Его лихорадочно блестящие глаза сразу остановились на герцогине, и по телу пробежала судорожная дрожь. Он не вскрикнул, не простонал, напротив, до крови закусил губу, чтобы не выдать себя.

Элеонора тоже сразу его заметила и сначала страшно побледнела, а потом залилась краской, словно вся кровь бросилась ей в лицо.

– Вот этот христианин, – указала на всадника Хараджа. – Ты видел его раньше?

– Нет, – отвечала герцогиня, делая над собой невероятное усилие, чтобы выглядеть спокойной.

– Мне сказали, его слегка лихорадит. Конечно, испарения на болотах нездоровые, – небрежно сказала Хараджа. – Думаю, морской воздух пойдет ему на пользу и в Фамагусту он прибудет в приличном виде. Позаботься о нем, эфенди, насколько сможешь, чтобы он не выглядел слишком скверно и никто не мог бы сказать, что я плохо обращаюсь с пленными христианами.

– Обещаю, – глухо ответила Элеонора.

Женщинам подвели двух коней в богатых сбруях, у которых, должно быть, уже огонь пробежал по жилам, и всадницы поспешили вскочить в седла.

– Стерегите христианина! – крикнула Хараджа янычарам. – Вы за него головой отвечаете!

Восемь охранников окружили виконта, и оба отряда, с Хараджой и герцогиней впереди, галопом поскакали к пристани.

Эскорт Элеоноры замыкал движение, соблюдая дистанцию метров пятьдесят до арьергарда янычар. Группу возглавляли Перпиньяно и Никола.

– Неужели все действительно хорошо закончится? – сказал венецианец греку. – Не может быть, чтобы нам все время так везло.

– Если Вельзевул не покажет рога, то надеюсь, что игра нам удалась, – отозвался грек. – Шебека уже, наверное, на дне.

– А если исчезновение парусника вызовет подозрения у племянницы паши?

– Не думаю. Мы не можем отвечать за действия турецкого экипажа.

– Через пару часов мы уже выйдем в море, и пусть тогда племянница паши нас возьмет, если сможет.

– Мне кажется, в этой округе кораблей нет, а флот паши постоянно находится в Никозии. А что вы скажете о синьоре Л'Юссере?

– Меня восхищает его хладнокровие. Я боялся, что, увидев герцогиню, он не сможет не вскрикнуть от радости, это ведь так естественно. Для него это, должно быть, стало большим сюрпризом. Вы его предупредили?

– Эль-Кадура шепнул ему полслова и велел не расслабляться.

– Племянница паши совсем замучила виконта. Она заставляла его ловить пиявок наравне со всеми.

– Хараджа всегда отличалась жестокостью. Я на себе испытал, пробыв у нее в руках три месяца, – отвечал Никола. – Она немногим уступает тигрице, и, если бы не янычары, я бы ей не дал вернуться в замок. Уж я бы залепил ей в грудь свинцовое ядро, чтобы отомстить за несчастных христиан, с которыми она так обращается.

– Не делайте глупостей, Никола, – сказал Перпиньяно. – Янычары сильнее нас, и мы можем все потерять.

– Знаю, потому и воздержусь от любых действий и не запалю фитили у своих пистолетов, хотя мне очень хочется броситься на этих псов и изрубить их в куски ятаганом. Я слишком много выстрадал и как христианин, и как отступник.

– Но между вами герцогиня.

– Ее шпага стоит больше, чем все наши вместе. Я слышал, она победила и разоружила самого Метюба.

– И Дамасского Льва тоже, так что мы должны сохранять спокойствие, Никола.

– И осторожность. Негоже бить яйца, пока они удобно лежат в корзинке.

Оба отряда между тем продолжали скакать галопом уже не по узкой тропе вдоль моря, доступной лишь пешеходам, а по широкой дороге, проложенной по краю скалистого берега, образующего полукруглый выступ перед заливом Хусиф.

Хараджа и Элеонора не разговаривали, обе, казалось, погрузились в свои мысли.

Время от времени Элеонора, будучи уверена, что турчанка на нее не смотрит, оборачивалась назад, чтобы украдкой бросить взгляд на виконта, словно подбадривая его и моля не выдать себя. Француз отвечал ей улыбкой и как бы ожидал ее взгляда. К семи утра оба отряда, не замедляя скачки ни на секунду, уже спускались к бухте.

– Вон там внизу мой корабль, – сказала герцогиня, указывая турчанке на галиот, стоящий на якоре с полуспущенными парусами меньше чем в кабельтове от берега.

– Вот это да! – воскликнула Хараджа. – А почему не видно моей шебеки? Ты должен был увидеть ее, Хамид, когда бросал здесь якорь.

– Она тут и была, – отвечала герцогиня. – Маленький парусник с командой в дюжину человек на борту?

– Она стояла на якоре?

– Больше того, команда пыталась помешать нам сойти на берег.

– Идиоты! Не могут отличить друзей от врагов, метельщики средиземноморские.

– Недоверие – полезная вещь, Хараджа.

– А сколько своих людей ты оставил охранять судно?

– Троих.

– Меня беспокоит отсутствие шебеки, – сказала Хараджа, нахмутив брови. – Может быть, на берегу случилось что-нибудь серьезное?

– Что тебя пугает, Хараджа?

– У венецианцев достаточно галер, – ответила турчанка.

– Что они могут сделать теперь, когда над всеми городами острова триумфально развевается флаг пророка, а христиане потерпели сокрушительное поражение?

– Может, твои люди мне что-нибудь объяснят.

– Надеюсь, Хараджа.

Они спустились к воде, и турчанка первая прыгнула с седла, больше не заботясь о коне.

Остальные тоже спешили, а от галиота тем временем отделилась шлюпка с двумя матросами, оставленными для охраны, и Олао.

– Здесь стояла на якоре шебека, – сказала Хараджа, когда они сошли на берег.

– Стояла, госпожа, – ответил тот, что ночью выскользнул из крепости. – Но сегодня утром они подняли парус и сказали, что хотят осмотреть берег.

– А вы не видели никакой вражеской галеры на горизонте?

– Вчера вечером перед закатом на юге показался какой-то корабль, он шел прямо к острову. Возможно, шебека вышла в море удостовериться, что это за судно: турецкое или христианское.

– Тогда она быстро вернется, – сказала Хараджа. – Прежде всего возьмите на борт христианина и хорошенько привяжите его на палубе, а лучше запирайте в какой-нибудь каюте и поставьте у двери часового.

– Я за это отвечаю, госпожа, – сказал Никола.

Виконт, который держался холодно и спокойно, только изредка украдкой поглядывая на герцогиню, сел в шлюпку под охраной папаши Стаке, Симоне и четверых греков.

– Хамид, – сказала Хараджа, подходя к герцогине, которая не отрывала глаз от шлюпки, – настало время проститься. Не забывай, эфенди, что я жду тебя с нетерпением и рассчитываю на твою руку в деле мести Мулею-эль-Каделю. Если захочешь, я сделаю тебя начальником крепости Хусиф, мой дядя похлопочет перед султаном. Я велю, чтобы тебе оказали всяческие почести и ты получил бы любые титулы, какие пожелаешь. Придет день, и ты станешь самым могущественным из пашей мусульманской империи. Ты понял меня, мой милый капитан? Хараджа будет ждать твоего возвращения и все время думать о тебе.

– Ты слишком добра ко мне, госпожа.

– Никакой «госпожи», я тебе сказала, называй меня Хараджа.

– Да, правда, я забыл.

– Прощай, Хамид, – сказала турчанка, крепко стиснув руку Элеоноры. – Мои глаза будут провожать тебя в море.

– А мое сердце будет биться для тебя, Хараджа, – отвечала герцогиня с еле заметной иронией. – Вот увидишь, я вернусь, когда убью Дамасского Льва.

Шлюпка, перевозившая на галиот виконта Л'Юссьера, вернулась, а за ней еще одна.

Элеонора села в первую шлюпку вместе с Перпиньяно, Эль-Кадуром, слугой Мулея-эль-Каделя Бен-Таэлем и греками, и они отчалили от берега. Остальные усаживались во вторую шлюпку.

Хараджа, прислонившись к коню, которого держала под уздцы, провожала герцогиню глазами, и красивое лицо жестокой турчанки заволочло легкое облачко грусти.

Отступники, остававшиеся на судне, уже подняли паруса и выбирали опущенный с носа якорь.

Едва ступив на палубу, папаша Стаке снова взял командование на себя.

– Живее, ребята! Как только задует северо-восточный бриз, мы полетим, как акулы. И пусть они догонят нас на своих чистокровных арабских скакунах, если смогут. Эх, хорошую шутку мы с ними сыграли! Эх, хорошую шутку! Ну и посмеюсь же я!

На помощь подоспели греки, и якорь быстро подняли.

Галиот прошел метров десять задним ходом, потом развернулся, повинувшись мощным рукам Николы, который держал штурвал, и двинулся к выходу из бухты.

– Я тебя жду, Хамид! – в последний раз крикнула Хараджа.

Герцогиня помахала ей платком и, уже не сдерживаясь, рассмеялась. Ее звонкий смех перекрыл мощный бас папаши Стаке:

– Отдать шкоты, ребята! Мы сделали этих турок!

Хараджа дождалась, пока корабль скроется за выступом скалы, вскочила на своего арабского скакуна и шагом направила коня в обратный путь. Янычары ехали за ней.

Лоб ее перерезала глубокая морщина, и она время от времени придерживала коня, чтобы обернуться и взглянуть в сторону моря. Но галиота уже не было видно: он обогнул мыс и полным ходом устремился в открытое море.

Выехав с берега на обрывистую дорогу, Хараджа резко прищипорила коня и пустила его в бешеный галоп. Через полчаса она уже въехала на площадь перед замком. Свита не могла ее догнать и намного от нее отстала.

Она уже собралась галопом миновать подъемный мост, как вдруг увидела на дороге, ведущей на болота, высокого, толстого, с длинными черными усами капитана янычар на взмыленном гнедом коне.

Хараджа остановилась, а дозорные янычары на башне схватились за аркебузы с зажженными фитилями.

– Стойте! Госпожа! – крикнул всадник и резко развернул коня, чтобы тот остановился на полном скаку.

– Вы, случайно, не племянница великого адмирала Али-паши?

– Кто ты? – спросила Хараджа, нахмутив брови и неприветливо глядя на него.

– Как видите, капитан янычар, – отвечал всадник, – и еду прямо из лагеря в Фамагусте.

Клянусь, я скакал на моем бравом коне семь часов, у меня все тело затекло.

– Я племянница Али-паши, – ответила Хараджа.

– Как мне повезло! Я боялся, что не застаю вас в замке. Христиане еще здесь?

– Эй, капитан, сдается мне, ты меня допрашиваешь, – сказала Хараджа, слегка задетая. – Я тебе не какой-нибудь там офицер Мустафы.

– Простите, госпожа, но я очень спешу. Мы, знаете, все такие.

– Мы? Кто ты такой?

– Когда-то я был христианином, поляком, а теперь я турок, верный последователь пророка.

– А! Отступник! – с явным презрением бросила Хараджа.

– Можно передумать, госпожа, и перестать поклоняться Кресту, – сурово заявил всадник. – Как бы там ни было, но теперь я турок и явился сюда, чтобы оказать вам ценную услугу.

– Услугу какого рода?

– Я вас спрашивал, здесь ли еще христиане.

– Какие христиане?

– Те, что приезжали освободить некоего виконта Л'Юссьера.

– Христиане?! – побледнев, вскричала Хараджа.

– Я так и думал, они выдавали себя за турок.

– Кто ты?

– Когда я был христианином, меня звали капитан Лашинский, – отвечал поляк. – Теперь я ношу турецкое имя, которого вы никогда не слышали. Даже племянница великого адмирала не сможет упомянуть имен всех мусульманских командиров. Так они еще здесь? Отвечайте, госпожа.

– Значит, меня обманули? – крикнула Хараджа, придя в неопределимую ярость. – Хамид...

– Ах да! Хамид! Именно это имя взял себе Капитан Темпеста.

– Капитан Темпеста!

– Госпожа, – сказал поляк, увидев, что к ним подходят янычары из свиты Хараджи. – Мне кажется, здесь не слишком подходящее место для доверительного разговора.

– Ты прав, – отозвалась Хараджа, которая бледнела на глазах. – Следуй за мной!

– Говори, – приказала она, захлопнув за собой дверь. – Ты заявил, что Хамид – христианин?

– Это знаменитый Капитан Темпеста, он под Фамагустой победил в поединке Дамасского Льва, который выехал к стенам осажденного города, чтобы помериться силами с христианскими клинками.

– Хамид сразил Льва?

– И даже ранил его, госпожа. И вполне мог убить, но предпочел даровать ему жизнь.

– Значит, неправда, что этот юный христианин – друг Мулея. Он мне солгал.

– Нет, госпожа, не солгал. Турок и христианин больше не враги. Турок спас христианина, когда Мустафа приказал истребить всех до единого защитников злополучного города.

– Хамид – христианин! – тихо повторяла Хараджа, словно о чем-то задумавшись.

Потом вдруг пожала плечами:

– Турок или адепт Креста – какая разница? Он прекрасен, горд и благороден, а пророку не обязательно открывать сердца, свое или чужое.

Поляк ухмыльнулся.

– Прекрасен, а может, прекрасна, госпожа? – с язвительным смешком поинтересовался он.

Племянница великого адмирала поглядела на поляка почти с ужасом.

– Что ты хочешь этим сказать, капитан? – дрожащим голосом спросила она.

– Прошу прощения, госпожа, но прекрасен или прекрасна, горд или горда, благороден или благородна... – с тонким сарказмом продолжал поляк. – Так или иначе, а вы обманулись относительно истинной сущности Капитана Темпесты.

– Что ты сказал! – крикнула Хараджа, и кровь бросилась ей в лицо. – Что ты сказал? – повторила она, схватив капитана за руку и хорошенько потрянув.

– А то, что этот красавчик Хамид или Капитан Темпеста на самом деле зовется Элеонорой, герцогиней д'Эболи.

– Он женщина!

– Да, женщина.

Хараджа взвыла, как смертельно раненный зверь, и прижала руки к сердцу. Так она простояла несколько мгновений, бледная как смерть, а потом впала в дикую ярость.

– Меня взяли хитростью! Обманули! Надо мной насмеялись!

Она распахнула дверь и крикнула:

– Метюб!

Мусульманин, который курил, лежа на коврике в углу двора, вскочил и подбежал к ней.

– Бери моего лучшего коня и скачи туда. Вели поднять паруса и догони галиот...

Увидев Хараджу с искаженным лицом, горящими глазами и с пеной на губах, он решил, что поляк ее обидел, и замахнулся правой рукой, чтобы поразить его в горло, а левой выхватил из-за пояса ятаган.

– Нет, – сказала Хараджа. – Где твоя галера?

– Она всегда на якоре на рейде в Доце.

– Бери моего лучшего коня и скачи туда. Вели поднять паруса и догони галиот, который привел сюда этот Хамид... Они все христиане... они всех нас обманули... скачи, плыви и привези мне этого Хамида. Живого, слышишь, Метюб, он мне нужен живым.

– Слушаюсь, госпожа, – ответил турок. – Еще до заката мой «Намаз» догонит галиот, и я отомщу за тот удар шпагой, что нанес мне нахальный мальчишка.

21

Да здоровствует капитан!

Пока турецкий капитан и поляк-отступник стремительно скакали к берегу, чтобы задержать беглецов, галиот, подгоняемый свежим ветром, летел на всех парусах на юг, чтобы, прежде чем покинуть остров, зайти в залив Суда.

Герцогиня уже решила в последний раз повидаться с Дамасским Львом, которому была обязана собственной жизнью и освобождением виконта. И потом, она должна была вернуть ему корабль и найти себе другой, поскольку греки изъявили желание плыть с ней в Италию, чтобы там по возможности наняться на какое-нибудь судно или поступить наугад на военную службу.

Едва галиот прошел мыс, который скрывал его от глаз янычар и владелицы замка, герцогиня бегом спустилась в кубрик, где ее со вполне понятным нетерпением дожидался виконт.

Два крика раздались почти одновременно:

– Элеонора!

– Гастон!

Л'Юссьер обхватил ладонями прекрасное тонкое лицо девушки, глаза его горели. Их блеск усиливала лихорадка, мучившая исхудавшее от потери крови тело виконта.

– Я давно знал, Элеонора, что вы отправились на Кипр, – сказал он. – Надежда когда-нибудь увидеть вас поддерживала меня и позволяла переносить все муки, на которые обрекали меня мусульмане, и не сдаваться.

– Вы знали, Гастон! – вскричала герцогиня.

– Да, молва о подвигах Капитана Темпесты дошла до Хусифа и даже до болот.

– Но каким образом?

– Мне рассказал о нем один пленный христианин, которого схватили, когда он пытался выйти из города. Мы с ним вместе ловили пиявок. Он описал мне ваше лицо, а главное, сказал, что с вами рядом всегда находился Эль-Кадур. И я сразу догадался, что вы и есть тот капитан, которым так восхищается вся Фамагуста. Поверьте, Элеонора, в тот день я чуть с ума не сошел от радости. Вы – в Фамагусте! Я к тому времени уже так исстрадался от унижений и боли, что вряд ли какое-нибудь известие могло меня обрадовать и ободрить.

– И вот вы здесь, рядом, после стольких страхов, после всего этого ужаса... Разве это не кажется сном, виконт?

– Да, и я горд, что своим освобождением обязан вам, вашей храбрости и вашей твердой руке.

– Я сделала то, что любая женщина на моем месте сделала бы или хотя бы попыталась сделать, мой Гастон.

– Нет, моя Элеонора, – с живостью отвечал виконт. – Таким мужеством могла обладать только герцогиня д'Эболи. Ни одна женщина не отважилась бы явиться сюда, в логово тигров и львов, которое вселяет ужас в самые храбрые сердца воинов-христиан. Думаете, я не знаю, что вы победили первый клинок мусульманского войска?

– Откуда вы узнали?

– Тот солдат, который рассказал мне, что вы и Эль-Кадур здесь, поведал и о поединке.

– Пустяки, – с улыбкой сказала герцогиня.

– Эти пустяки напугали христианских капитанов, – отвечал виконт.

– Им просто не повезло: они не учились искусству владеть оружием у лучшего снайпера и фехтовальщика Неаполя, – шутя произнесла герцогиня. – Этой победой я обязана моему отцу.

- И вашему мужеству, Элеонора.
- Ладно, Гастон, не будем больше об этом. Скоро я вас познакомлю со своим противником.
- С кем? С Дамасским Львом? – удивленно спросил Л'Юссьер.
- Мы направляемся к нему, это его корабль, и это он меня спас. Без его помощи мне бы не выйти живой из Фамагусты.
- А он нас не выдаст? – с тревогой спросил виконт.
- Не выдаст, он слишком благороден. И потом, если я обязана ему спасением, то он мне – жизнью.
- Я знаю: вы оставили ему жизнь, хотя имели полное право убить. Но я все равно не доверял бы этому турку.
- Не бойтесь, Гастон, этот мусульманин не такой, как другие.
- Но потом мы сразу отплывем в Италию, верно, Элеонора?
- Да, Гастон, больше нам на Кипре делать нечего. Республика бросила остров на произвол судьбы, и непохоже, чтобы она стремилась снова его завоевать. Мы поедем в Неаполь, счастливо там заживем и позабудем все горести прошлого. Мягкий климат залива быстро восстановит ваши силы после всех мучений, которым вас подвергла безжалостная Хараджа. Поднимемся на палубу, Гастон. Я не успокоюсь, пока мы не увидим берега Италии.
- Какая еще опасность может нам угрожать? – спросил виконт.
- Мне беспокоит, Гастон, – повторила герцогиня. – Я опасюсь, что Хараджа станет нам мстить. Эта женщина очень жестока, обладает немалой энергией, и потом, в ее распоряжении галеры ее дядюшки.
- Мне говорили, что мусульманский флот стоит в Никозии, – сказал виконт. – Пока они сюда доберутся, мы будем уже далеко.
- Мы остановимся только, чтобы зафрахтовать другой корабль, и сразу отплывем по Средиземному морю на восток.
- Давайте поднимемся на палубу, Элеонора. Морской воздух действует на меня лучше, чем болотные испарения.
- Он взял ее под руку и повел на верхнюю палубу.
- Галиот уже вышел из бухты и легко скользил на юг по лазурным водам Средиземного моря.
- Скалистые, изрезанные фьордами берега Кипра вырисовывались в семи-восьми кабельтовых.
- Как у нас дела, папаша Стаке? – спросила герцогиня у старого моряка, который приближался к ним, держа берет в руке.
- Отлично, синьора, галиот идет быстрее галеры. А синьор виконт доволен нашей изобретательностью?
- Дай руку, моряк, – отвечал Л'Юссьер.
- Это большая честь для меня, господин виконт, – смущенно сказал папаша Стаке.
- Жми смело, это встретились руки христиан.
- Честных христиан, синьор, – сказал старый морской медведь, пожав протянутую руку, – и всегда готовых поколотить этих мусульманских свиней. Уф! И зачем только Господь произвел на свет этих злобных бестий! Я бы их всех передушил, – прибавил он, яростно почесав нос, – и скормил бы акулам... нет, крабам!
- Вдруг раздался голос:
- Добрый день, хозяин.
- А! Черный хлебушек явился, – пробормотал папаша Стаке, увидев, что за спиной виконта вырос араб. – Что-то у дикаря нынче похоронный вид.

Эль-Кадур молча подошел к виконту. Лицо у него и правда было невеселое, в черных глазах стояли слезы.

– Мой храбрый Эль-Кадур! – воскликнул виконт. – Как я рад тебя видеть!..

– И я рад не меньше твоего, синьор виконт, – ответил араб, стараясь придать лицу жизнерадостное выражение. – Теперь уж мы наверняка вызволили тебя из рабства. Ну вот, теперь ты счастлив, синьор.

– Да, безмерно счастлив. Надеюсь, мусульманам больше не удастся разлучить меня с женщиной, которую я люблю.

По лицу араба на миг, как вспышка молнии, пробежала судорога. Герцогиня, которая не сводила с него глаз, это заметила.

– Господин, – сказал Эль-Кадур, – теперь ты больше не нуждаешься в моих услугах. Я свое предназначение выполнил и хочу попросить тебя об одной милости, в которой хозяйка мне отказала.

– О какой? – спросил удивленный виконт.

– Не бери меня с собой в Италию.

– Эль-Кадур! – властно прервала его герцогиня.

– Бедный раб хотел бы вернуться на родину, – продолжал араб, сделав вид, что не услышал окрика хозяйки. – Наверное, жить мне осталось недолго, я чувствую, силы покидают меня, я страшно устал и хочу вернуться домой. Мне каждую ночь снятся бескрайние пустыни Аравии, зеленые пальмовые рощи с перистыми листьями и шатры, чернеющие на высохшей, но такой прекрасной равнине. Ее целует солнце, ее ласкают воды Красного моря. Мы, дети пустыни, живем недолго, а когда чувствуем приближение смерти, нам нужны только две вещи: ложе из песка и тень наших пальм. Попроси женщину, которую ты любишь, чтобы она дала свободу бедному рабу.

– Значит, ты хочешь покинуть нас, Эль-Кадур? – спросила герцогиня.

– Да, если позволишь.

– Но ведь ты вырос рядом с моей невестой, ты был ей защитой и спутником, почему же ты хочешь покинуть нас, Эль-Кадур? – спросил виконт. – Неаполь лучше Аравии, а герцогский дворец лучше шатра. Говори.

Араб прикрыл глаза. Герцогиня пристально на него смотрела. Она уже поняла, какое тайное пламя сжигает сердце дикого сына пустыни.

– Ты действительно этого хочешь, Эль-Кадур?

– Да, госпожа, – глухо ответил араб.

– И тебе не будет жаль твою хозяйку? Ведь ты с детства был ей другом.

– Бог всемогущ.

– Как только мы отплывем с Кипра, ты получишь свободу, мой верный Эль-Кадур.

– Благодарю, госпожа.

Больше он не сказал ни слова, завернулся в свой широкий плащ и уселся на носу, а виконт и герцогиня приветствовали матросов, выстроившихся вдоль борта.

Папаша Стаке и Никола снова подошли к ним.

– Синьора, – начал папаша Стаке, – вы не забыли, что у нас на борту экипаж шебеки?

– Турецкие моряки?

– Эти шелудивые псы крепко связаны и заперты в трюме галиота. Они могут представлять для нас немалую опасность, а потому я пришел спросить, что с ними делать.

– А вы как думаете?

– Я бы их так и утопил, со связанными руками и ногами, – не задумываясь ответил папаша Стаке.

– А я бы повесил их на реях, – отозвался Никола.

– Но они против нас не воевали и не сделали нам ничего плохого.

– Они турки, синьора.

– Правильно, папаша Стаке, и именно поэтому мы, христиане, должны проявить великодушие. Правда, Гастон?

Виконт кивнул.

– Что же нам, высадить на берег этих негодяев? – спросил старый морской волк, явно несогласный с таким неуместным великодушием. – Если бы мы попали к ним в лапы, то, ставлю мой берет против куска каната, акулы на славу попиروвали бы человечинкой.

– Может, у тебя и есть причины им отомстить, но я, женщина, не могу позволить хладнокровно убить пленных.

Моряк с недовольным видом покачал головой и снова заговорил:

– Я забыл вам кое-что сказать, синьора. Матросы, которым вы поручили потопить шебеку, нашли в ее трюме два больших сундука, явно предназначенных владелице замка.

– Ты велел их открыть?

– Да, там лежали богатые наряды для турчанки. Принести их? Мне кажется, вам больше нет нужды носить мужскую одежду. Теперь рядом с вами синьор виконт, и он будет вам защитой. Это наш мужской долг – защищать вас грудью.

– Что ж, идея превратиться в мусульманскую даму меня забавляет. Больше нет резона оставаться Капитаном Темпестой или Хамидом.

– Вы станете еще привлекательней, Элеонора, – заметил виконт. – А вот дамам кружить головы больше не будете. Я знаю, Хараджа в вас влюбилась до безумия, искренне поверив, что вы мусульманский принц.

– Я могла бы вволю посмеяться над этой идиллией, если бы вы не были пленником. Узнай она всю правду сразу, не знаю, как дорого пришлось бы мне заплатить за обман.

– Да, из когтей этой гиены вы бы живой не выбрались.

– Надеюсь, она меня больше не увидит, разве что отправится меня разыскивать в Неаполь или в Венецию.

– Это будет затруднительно, синьора, – снова вступил в разговор папаша Стаке, который ненадолго отлучился, чтобы отдать матросам приказ принести ящики, предназначенные Харадже. – Мы еще не так далеко ушли, чтобы с уверенностью сказать, что мы выскользнули из ее когтей.

– Никто не мог сказать ей, что я женщина.

– Э! Кто знает, синьора, доносчиков везде хватает.

– Вы стали пессимистом, папаша Стаке?

– О нет, синьора. Я просто хочу поскорее оказаться у берегов Италии или хотя бы Сицилии. Меня беспокоит этот капризный ветер. Бриз слабеет, и боюсь, мы можем угодить в неожиданный штиль.

– Но мы уже далеко от Хусифа.

– До него миль двадцать, синьора, не бог весть что.

– Но нам ничто не угрожает.

– Пока не угрожает.

– Тогда велите готовить завтрак, папаша Стаке.

– А я пойду пороюсь в сундуках моей невесты, – со смехом сказала герцогиня.

Подождав, когда она спустится по лесенке в каюту, Гастон взял под руку старого моряка, отвел его на нос и с тревогой спросил:

– Скажите, господин помощник капитана, вы действительно чего-то боитесь?

– Нет, господин виконт. То, что турки станут нас преследовать по морю, маловероятно, тем более мы потопили их шебеку. Но возможно, именно ее исчезновение и вызовет подозрения у Хараджи. Это очень хитрая женщина.

– Но ведь могла же шебека потерпеть крушение.

– При такой тихой погоде?

– Вы уверены, что не видели больше никаких кораблей возле Хусифа?

– Я весьма бегло осмотрел берег и не могу утверждать, что в какой-нибудь закрытой бухте или канале не прячется еще парусник.

– Мы хорошо вооружены?

– Четыре кулеврины на палубе, есть аркебузы, шпаг, мечей и щитов в достатке, патронов тоже хватает. Шебеки нам бояться нечего. Ей придется плохо, если вздумает нас преследовать или, не дай бог, пойдет на abordаж. Этот галиот – крепкое, хорошее судно, и одолеть его сможет разве что галера.

– Я не думаю, что здесь окажутся галеры, – сказал виконт.

– Ну разве что придут со стороны моря. В этом случае нам останется только высадиться на берег, и я это сделаю без колебаний. О! Вот и синьора! Клянусь всеми львами республики! Такая турчанка способна вскружить голову все пашам и самому султану!

Появившаяся на палубе герцогиня была чудо как хороша. До этого никто из присутствующих не видел ее в женском платье, кроме Л'Юссьера и Перпиньяно, которые любовались ею в Венеции.

Из предназначавшихся Харадже туалетов она выбрала костюм скорее грузинский, чем мусульманский, который выгодно подчеркивал ее смуглую кожу, черные глаза и длинные волосы цвета воронова крыла.

На ней был очень элегантный кулиджэ, – короткая курточка в складку из красной, расшитой золотом парчи, с рукавами ниже локтя, с прорезями спереди, позволявшими видеть белую шелковую рубашку, – *пиряхен*, которую носят грузинки и персиянки. Широкие, до щиколоток штаны из шелковой парчи были расшиты узорами из крошечных жемчужин, а на ногах красовались маленькие туфельки с узким, загнутым вверх носком. Бедра герцогини охватывала широкая полоса голубого шелка, доходившая до нижнего края курточки.

Волосы она заплела в мелкие косички, оставив два локона, обрамлявшие лицо и спускавшиеся до груди, и надела на голову крошечную чалму с круглой шапочкой, которую окружала белая вуаль.

Л'Юссьер молча застыл перед ней, не сводя с нее восхищенных глаз, а папаша Стаке, наоборот, вдруг словно обезумел: подбросил в воздух свой берет и заорал во всю глотку:

– Да здравствует наш капитан!

И ему ответил веселый хор мужских голосов:

– Да здравствует капитан!

Едва стих этот вопль восторга, как неожиданно раздалось отчаянное ругательство.

Все повернулись к корме.

На шканцах, сжав кулаки и пригнувшись, как зверь, готовый к прыжку, стоял Никола Страдиот. Лицо его было искажено, а глаза внимательно всматривались в линию горизонта на северном направлении.

– Эй, Никола, ты что, спятил? Какая муха тебя укусила? Все настроение испортил...

– Во имя Креста!.. – хрипло крикнул грек. – Там вдали трехмачтовый парусник обходит мыс Хусиф! Если это не галера республики, значит турецкая, будь она проклята! Вы только поглядите на этого хищника!

22

Галера идет на abordaj

Крик Николы сразу охладил восторги экипажа по случаю появления красавицы-капитана.

– Это не просто ушат холодной воды, это уже бомба! – вскричал папаша Стаке, скрипнув зубами.

Виконт побледнел и с тоской взглянул на помертвевшее лицо герцогини.

– Трехмачтовик! – крикнул он и повернулся к Николе, который вглядывался в горизонт, сложив ладони домиком. – А вы не ошиблись?

– Нет, господин виконт, – отвечал грек. – У меня слишком хорошее зрение, чтобы я мог спутать галеру с шебекой или галиотом. Сейчас она развернулась, обогнув мыс Хусиф, и идет в открытое море прямо на нас.

– Шарахни меня сломанным якорем! – проворчал папаша Стаке и нахмурился. – Как же окаянная турчанка догадалась, что мы ничего общего не имеем с этим мошенником Магометом? А ну-ка поглядим... У меня тоже еще зрение хоть куда!..

Он быстро проскочил палубу и взлетел по лесенке на шканцы, а за ним Д'Юссьер, герцогиня, Перпиньяно и Эль-Кадур.

– Поглядим, поглядим... Может, тебе приснилось, Никола? – ворчал он, подходя к кормовому фальшборту. – Быть того не может, чтобы мусульманские псы уже бросились за нами вдогонку. Что же у них за носы, если они чувствуют христиан на таком расстоянии? Может, их при случае приспособить трюфели искать?

Не переставая, по обыкновению, бормотать себе под нос, он подошел к греку, который на что-то указывал, протянув руку в северном направлении.

– Где эти паруса? – спросил он.

– Смотри.

– Ах ты, акулий потрох! Не может быть! Действительно трехмачтовик! Похоже, это галера.

– Венецианская или турецкая? – с тревогой спросил виконт.

– У меня на глазах линз нету, господин виконт, – отвечал старик. – С такого расстояния я бы и в подзорную трубу не разглядел, какой флаг на грот-мачте.

– Но ты точно не думаешь, что это венецианская галера? – спросила герцогиня.

– Уф! – фыркнул папаша Стаке, тряхнув головой. – С чего бы сюда явиться галере Светлейшей республики, если Кипр уже в руках турок?

– Значит, галера турецкая?

– Это более вероятно, синьора.

– И мы позволим себя догнать и потопить?

– Нам остается только высадиться на берег, – сказал, подходя, Никола Страдиот. – К несчастью, ветер совсем стих.

– Но берег далеко, – заметил папаша Стаке. – Чтобы преодолеть пятнадцать миль при штиле, нам потребуется не меньше восьми часов.

– Решайте сами, – сказал виконт. – А почему той галере удастся поймать ветер?

– Она идет в открытом море, синьор, вне береговых мысов. Я по цвету воды вижу, там ветер не стих.

– Тогда давайте повернем на запад.

– Отойдем от береговой линии.

– У нас есть кулеврины и аркебузы, нас много, и мы, насколько я понимаю, полны решимости.

– Мы готовы скорее умереть, чем снова угодить в рабство, – сказал Никола. – Можете рассчитывать на моих людей, синьор.

– Что скажете, Элеонора? – спросил виконт. – Капитан Темпеста может дать дельный совет.

– В открытое море, папаша Стаке, – ответила герцогиня. – Мы не знаем, что это за судно: дружественное или вражеское. Если увидим, что там мусульмане, вернемся к берегу. Как думаете, папаша Стаке?

– Как бог свят! – воскликнул старик. – Я всегда говорил, что вас надо назначить адмиралом, вы того заслуживаете! Опытный моряк не рассуждал бы разумнее вас, синьора. Потравить шкоты, ребята! Поворачиваем на запад. Там ветер, а галиот не черепаха в болоте. Они нас пока не догнали, и потом, у нас есть пушки и ядра им в подарок. Готовимся к маневру, все огнестрельное и холодное оружие на палубу!

Пока матросы под командованием Перпиньяно, который, как мы уже говорили, знал толк в артиллерии, заряжали и готовили кулеврины, чтобы в случае чего можно было встретить врага бортовым залпом, остальные прилагали все усилия, чтобы вывести галиот в ту зону, где дует ветер.

Задача была не из простых: парусник находился слишком близко от берега, защищенного от ветра мысами. Однако за полчаса частью на парусах, частью на веслах удалось вывести его в открытое море и поймать бриз. Правда, бриз был слабоват и дул порывами.

Виконт и герцогиня с тревогой наблюдали за курсом галеры, которая была гораздо дальше от мысов и имела больше возможностей поймать ветер.

Обмануться насчет курса мощного парусника было уже невозможно. Его нос был нацелен точно на галиот, а все маневры с парусами производились, чтобы его догнать.

Галера была еще далеко, и трудно было определить, турецкая она или венецианская, однако наиболее вероятно, что на грот-мачте у нее развевался флаг пророка с полумесяцем, а не флаг республики со Львом Святого Марка.

– Они нас догонят? – спросила герцогиня.

– Боюсь, что да, – ответил виконт.

– А мы сможем противостоять абордажу?

– Галиот против галеры не выстоит.

– Значит, мы попадем в плен, – с тоской заключила Элеонора.

– Они нас пока не догнали. Этот папаша Стаке мне кажется опытным моряком, он не даст так просто себя схватить.

В этот момент у них за спиной послышался голос:

– Синьора, вы не забыли, что мой хозяин приказал мне заботиться о вас?

Герцогиня быстро обернулась. Перед ней стоял Бен-Таэль, слуга Дамасского Льва.

– Что ты хочешь? – спросила она.

– Мой господин велел мне, в случае если вам будет угрожать опасность, предупредить его, и мне кажется, момент настал.

– Ты тоже думаешь, это мусульманский корабль?

– Я только что слезал на самую макушку грот-мачты и убежден, что над парусами того судна развевается флаг пророка. К тому же у него очень высокий корпус, на галеру республики он не похож.

– И что ты думаешь делать?

– Хочу, чтобы вы разрешили мне добраться до берега и отправиться к хозяину раньше, чем меня схватят.

– Но до берега семь или восемь миль.

Слуга улыбнулся:

– Бен-Таэль – пловец, которому нет равных, к тому же он не боится акул.

– Но у нас пока нет уверенности, что галера нас настигнет. Посмотри: сейчас наш галиот идет очень быстро.

– Это верно, синьора, но на всякий случай надо подстраховаться.

Герцогиня бросила вопросительный взгляд на виконта.

– Можем ли мы рассчитывать на поддержку Дамасского Льва? – поинтересовался Гастон.

– Я твердо в этом уверена, – ответила герцогиня. – Он был очень признателен за то, что я сохранила ему жизнь.

– Тогда, если хочешь, ступай, – сказал Л'Юссьер, повернувшись к слуге. – Если мы увидим, что от галеры нам не уйти, мы высадимся на берег, и там ты сможешь нас найти.

– Вблизи Суды есть один потайной залив, мы там прятались. Ну, ты знаешь...

– Да, синьора. Я буду вас там ждать.

Он потуже затянул пояс, проверил, в порядке ли ятаган, сбросил плащ и, оставшись почти голым, легко перемахнул через фалышборт и скрылся под водой.

– Сто тысяч акул! Полундра! Человек за бортом! – завопил папаша Стаке. – Разворачиваемся!

– Успокойтесь, папаша Стаке, – сказала герцогиня. – Это раб Мулея-эль-Каделя направился к берегу.

– Что, этот бездельник испугался своих соотечественников? Пусть только вынырнет, я дам по нему заряд из аркебузы.

– Он плывет с моего разрешения. Хватит о нем. Как там галера?

– Да разбери ее холера! Чтоб она в преисподнюю провалилась! Чтоб лопнул от злости этот пес шелудивый, Магомет! – рывкнул старый моряк, который, похоже, вышел из себя. – Можно подумать, что у этого корабля запас ветра в трюме!

– Догоняет? – спросил Л'Юссьер.

– Да, господин виконт. Насколько я вижу, ветер там сильнее, чем здесь.

– Это турок! Турок! – раздался голос с верхушки грот-мачты.

– Да хранит нас святой Марк и его лев! – сказал папаша Стаке, швырнув в сторону свой берет. – Я с самого начала был в этом уверен.

– Что думаете предпринять, господин помощник капитана? – спросил виконт.

– Прижмемся к берегу и постараемся добраться до бухты Суды.

– Это единственное, что мы можем попытаться сделать, – раздался голос Николя Страдиота, который подошел к ним. – Но я сомневаюсь, что галера даст нам время на это.

– Она идет намного быстрее нас, и минут через десять мы окажемся под огнем.

– Потравить шкоты, готовься к развороту! Меняй кливера! – скомандовал грекам папаша Стаке.

Галиот, который шел на запад, повернул на восток.

К несчастью, у берега ветер был совсем слабый и неблагоприятный. Галера же, которая шла в открытом море при попутном ветре, быстро приближалась.

Минут через десять она почти поравнялась с галиотом и дала первый холостой залп, требуя, чтобы галиот остановился и поднял флаг.

– Вот мы и влипли! – крикнул папаша Стаке, готовый рвать на себе волосы. – При этом проклятом штиле мы дойдем до берега не раньше чем через три четверти часа. Господин виконт, вы, синьора, и все остальные, готовимся отразить нападение.

– Элеонора и Перпиньяно, на батарею! – скомандовал Гастон. – Там легче укрыться, чем здесь.

– А вы? – с тревогой посмотрела на него герцогиня.

– Мое место на палубе с Николой, Эль-Кадуром и папашей Стаке. Пока турки не пошли на абордаж, в вашей доблестной шпаге нет необходимости. Быстрее, Элеонора, они собираются дать по нам бортовой залп. Доверимся Богу и нашей храбрости.

Увидев, что она колеблется, он мягко, но властно взял ее за руку и увел на батарею, где Перпиньяно с семьей греками уже готовил кулеврины к бою.

– Берегите себя, Гастон, – сказала герцогиня, обвив руками его шею. – Помните, я люблю вас.

– Я не подставляюсь под турецкие пули, – с улыбкой отвечал виконт. – Мы с ними старые знакомые, и как они не достали меня в Никозии, так и здесь облетят стороной. Не бойтесь, Элеонора.

– Но у меня нехорошее предчувствие.

– Оно у всех бывает перед боем, даже у самых храбрых. Вы это знаете, наверное, лучше меня, Элеонора, ведь вы были при штурме Фамагусты.

Его прервал второй пушечный выстрел, последовавший за холостым, и громкое ругательство Николы.

– Мое место на палубе, – сказал виконт, отстраняясь от герцогини. – Я должен быть там.

– Ступайте, храбрый мой.

Гастон Л'Юссьер обнажил шпагу и быстро взбежал по лесенке, а Перпиньяно уже кричал грекам:

– Готовьтесь к бортовому огню!

Когда Гастон Л'Юссьер выскочил на палубу, галера была не более чем в восьмистах шагах и шла параллельно берегу, пытаясь перерезать дорогу галиоту.

Мачты у нее были гораздо выше, и фор-брамсели набирали достаточно ветра, чтобы двигать корабль, обходя маленькие мысы и подъемы, а бедному галиоту доставались лишь редкие дуновения.

Первый боевой выстрел мусульман был сделан без промаха. Ядро, пущенное с хорошим прицелом, снесло верхушку флагштока латинского паруса с фок-рея. Падая, она чуть не ранила одного из греков.

Отправив первое железное послание, галера развернулась поперек ветра и показала все десять люков левого борта, из которых торчали черные жерла кулеврин.

Мусульманское судно было солидное: очень высокий ют и шканцы, широкие латинские паруса под марсом и прямой парус сверху. Тоннажем оно превосходило галиот по крайней мере раз в шесть.

На обеих палубах толпилось множество солдат в кирасах и шлемах, с пиками и саблями. Они выжидали момент, чтобы пойти на абордаж.

– Как думаете, – сказал виконт, подойдя к папаше Стаке, стоявшему у штурвала, – успеем мы дойти до берега раньше, чем турецкие пушки отправят нас на дно?

– Об этом надо спросить Магомета, господин виконт, – ответил моряк. – Но вполне вероятно, что именно в данный момент этот паршивый пес окажется немым и глухим. Чтоб его дьявол утопил в чане с расплавленной серой!

Тут с галеры прогремел еще один выстрел, и на палубу с грохотом свалилась бизань-брам-стенга, срезанная чуть выше салинга.

И в тот же миг с батареи донесся голос лейтенанта Перпиньяно:

– Огонь!

Четыре кулеврины, все поставленные на правый борт, выстрелили почти одновременно, продырявив паруса галеры и подняв на воздух часть носового фальшборта, да еще разорвав в клочки немалое число аркебузирова.

– Черт побери! Вот залп, который стоит бутылки кипрского, нет, целого бочонка! – крикнул папаша Стаке. – Попейте кровушки своих солдат, собаки!

Мусульмане не замедлили ответить залпом из всех орудий с левого борта. Один за другим с нарастающим грохотом прогремели десять выстрелов, и на бедный галиот посыпались каменные и железные ядра, а он, из-за отсутствия ветра, не мог даже сманеврировать.

Левый фальшборт снесло напрочь почти целиком, вместе с двумя греками, убитыми наповал каменными осколками. С кормовой рубки сорвало крышу, и рубку сильно попортило, а ядра застряли во флорах и в корпусе, насквозь прошив трюм.

– Это называется «ураганный огонь», – сказал папаша Стаке, чудом увернувшись от летящих ядер. – Еще один такой залп – и нас всех разнесет.

Виконт бросился к люку, ведущему на батарею, и крикнул вниз:

– Раненых нет?

– Нет, – отозвался Перпиньяно. – Огонь, ребята!

Последние слова потонули в грохоте четырех кулеврин.

Галера, которая снова подошла ближе, получила сильнейший залп в бок и завалилась на правый борт, а одно из ядер полетело на шканцы, где было полно солдат, оставляя за собой кровавый след. Мусульмане подняли ужасный крик, а в них тем временем принялись стрелять аркебузы.

Л'Юссьер, Эль-Кадур и все, кто был на верхней палубе, вооружились ружьями и залегли за баррикадой, наскоро сооруженной между фок-мачтой и грот-мачтой из ящиков, бочонков и бухт канатов. Это они открыли огонь по юту и шканцам галеры.

Папаша Стаке и Никола пытались подвести галиот к берегу, но очень быстро убедились, что это бесполезно, поскольку с каждым отвоеванным кабельтовым ветер все больше слабел: его не пропускали высокие береговые мысы.

Галера подходила все ближе и ближе, собираясь взять галиот на абордаж. Ее экипаж в шесть-семь раз превосходил численностью экипаж галиота, и справиться с горсткой моряков для них не составило бы труда.

Тем временем пушечные залпы и выстрелы из аркебуз следовали друг за другом с возрастающим грохотом. Артиллеристы галиота под командованием Перпиньяно, непревзойденного наводчика, совершали чудеса, хотя им и не удавалось подорвать кулеврины мусульман.

Спустя четверть часа фок-мачта галиота, срубленная как раз под марсом, с грохотом рухнула на палубу, накрыв парусами и канатами всю баррикаду.

Виконт с трудом выбрался наружу и закричал:

– Все на палубу! Они идут на абордаж!

Но тут пуля, выпущенная из аркебузы, ударила ему прямо в грудь, и он упал, успев только крикнуть:

– О моя Элеонора!

Эль-Кадур и Никола, которые видели, как он упал, бросились к нему, а папаша Стаке вне себя завопил:

– Они ранили виконта!

Крик услышали на батарее. Перпиньяно и герцогиня, в тревоге, бледные как смерть, бросились вверх по лестнице, а солдаты, поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, прекратили огонь.

Герцогиня кинулась к виконту.

– Гастон! – кричала она, заливаясь слезами.

Л'Юссьер, которого поддерживали Эль-Кадур и Никола, улыбнулся:

– Пустяковая рана... Не пугайтесь, Элеонора... Пуля прошла грудь навылет... может быть...

Больше говорить он не мог. По телу прошла судорога, он смертельно побледнел, широко открытыми глазами посмотрел на герцогиню и упал на руки Эль-Кадура и Николы.

Элеонора пронзительно вскрикнула, потом выпрямилась и погрозила галере кулаком:

– Гнусные подлецы! Вы его убили!

Она подняла шпагу, которую выронил виконт, и с отчаянным криком рассвирепевшего зверя бросилась на шканцы:

– За мной, мои храбрецы! Перебьем этих презренных гадов и сами погибнем!

Эль-Кадур, поручив Л'Юссьера Николе, одним прыжком поравнялся с герцогиней.

– Госпожа, – сказал он, – что ты делаешь? Синьор виконт всего лишь ранен. Зачем тебе искать смерти, если он может поправиться?

– Отойди, дай мне умереть!

– Нет. Мне велено тебя оберегать, госпожа. Тебя доверил мне твой отец. Смотри, турки тоже прекратили огонь, и Метюб делает нам знаки, чтобы мы сдавались.

– Метюб! – воскликнула герцогиня. – Капитан Хараджи! Мы пропали!

Силы вдруг покинули ее, она упала на бухту каната, закрыв руками лицо, и глухо зарыдала.

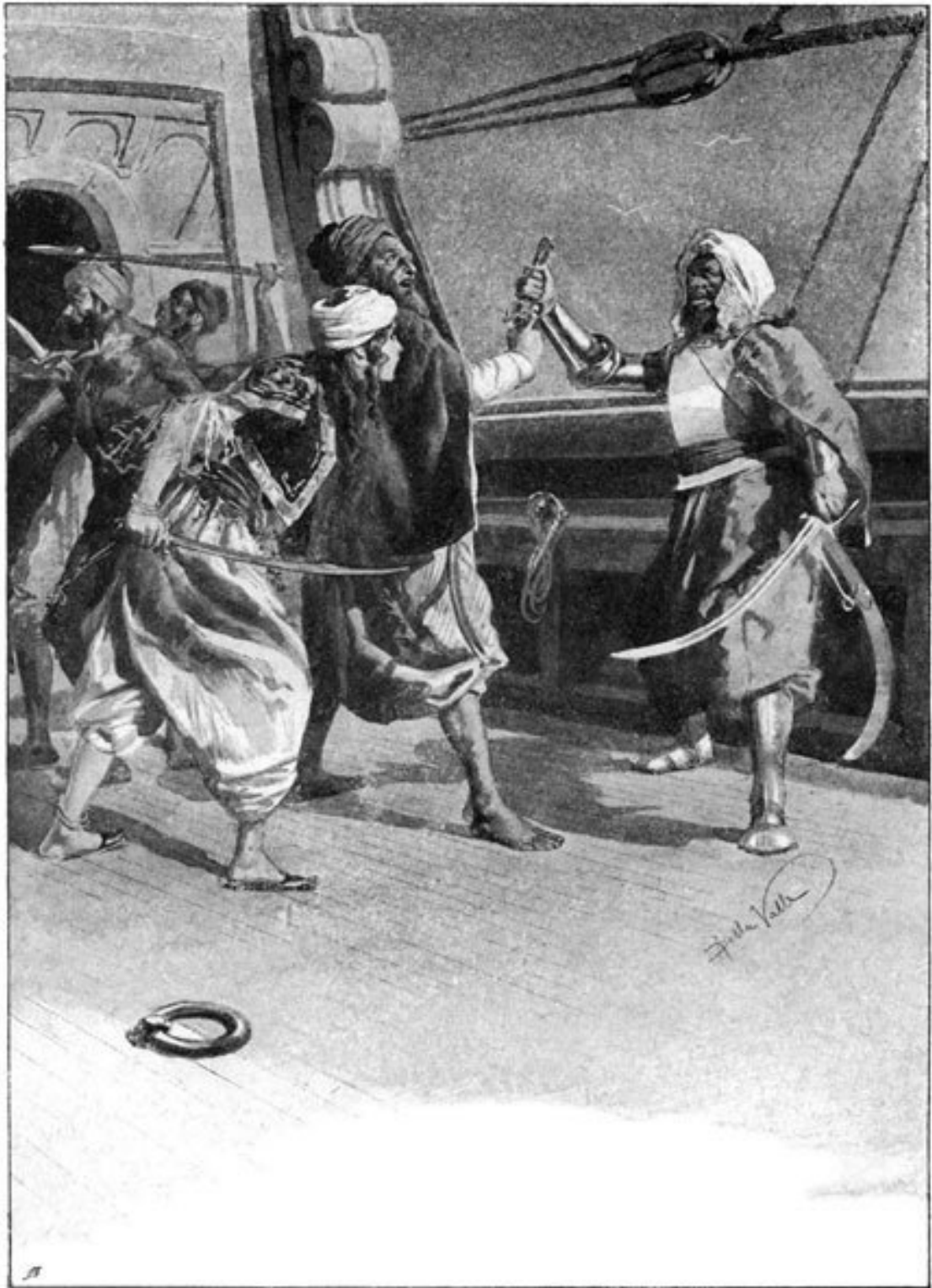
Тем временем галера вплотную подошла к галиоту с кормы, и мусульмане принялись бросать толстые кранцы, чтобы смягчить удар при abordage, и закидывать abordажные дреки между вантами и линиями грот-мачты.

Первым на шканцы галиота прыгнул Метюб в сверкающей кирасе и тяжелом бронзовом шлеме с поднятым забралом, а за ним человек двенадцать турок, все, как и он, в железных доспехах, вооруженные длинными пистолетами с дымящимся запалом и кривыми саблями с широким клинком.

– Счастлив увидеть тебя снова, синьора, – с насмешкой сказал он, обращаясь к герцогине. – Ты восхитительная женщина, и в этом платье нравишься мне гораздо больше, чем в том, что ты носила в замке. Так, значит, ты дочь паши Медины, а вовсе не сын. К несчастью для Хараджи.

Услышав эти издевательские слова, герцогиня вскочила, как лвица, схватив шпагу, которую только что уронила.

– Ты, ничтожество! – крикнула она. – Однажды я тебя ранила перед племянницей Али-паши, а теперь я тебя убью! Защищайся, женщина тебя вызывает! Ты ведь хвастал, что ты лучший клинок мусульманского войска! Выходи, если не трусишь!

– Струсил! Хочешь убить меня пулей! Покажи, какой ты рыцарь, турок! Я женщина, но ты-то мужчина!

Турок отскочил назад и быстро выхватил из рук солдата пистолет.

– Струсил! Хочешь убить меня пулей! – кричала герцогиня в запредельном возбуждении. – А я ведь тебя атакую шпагой! Покажи, какой ты рыцарь, турок! Я женщина, но ты-то мужчина!

По толпе окруживших их моряков прокатился ропот. И этот ропот явно не одобрял поведение капитана Хараджи.

Красота и мужество герцогини поразили даже самых свирепых приверженцев пророка.

Один из офицеров схватил Метюба за руку и не дал ему выстрелить в храбрую женщину.

– Эта христианка принадлежит Харадже, и ты не можешь ее убить.

Капитан не сопротивлялся и дал себя разоружить.

– Рассчитаемся в Хусифе, синьора, – сказал он, и румянец залил его щеки. – Сейчас не время обмениваться ударами шпаги или сабли.

– Рассчитаешься с той, что победила Дамасского Льва и тебя! – крикнула герцогиня.

– Женщина!.. – раздалось удивленные голоса.

– Да, я женщина, но я справилась с обоими!

Потом, отшвырнув шпагу, презрительно бросила:

– А теперь делай со мной что хочешь.

Турок стоял в нерешительности, колеблясь между глубоким восхищением, которое вызывала эта женщина, и ненавистью: ведь он-то сам перед всем экипажем выглядел рядом с ней ничтожным и жалким.

– Я вас арестую, – заявил он. – Я обязан доставить вас в замок Хусиф.

– Тогда свяжи меня, – с иронией отвечала герцогиня.

– Такого приказа я не получал. На моей галере имеются каюты.

– А что ты думаешь сделать с моими друзьями?

– Это Хараджа будет думать и решать.

– Немного подумаю и я, – раздался голос человека в костюме капитана янычар, который проталкивался сквозь толпу моряков.

23

Договор с поляком

В это время Перпиньяно отбивался от семи или восьми мусульман, а папаша Стаке поддерживал его, с небывалой щедростью раздавая тумачи, которые вряд ли нравились недругам Креста. Услышав голос капитана янычар, Перпиньяно вдруг встрепенулся, раскидал противников и бросился к нему.

– Изменник! – бросил он в лицо янычару. – Получай!

И, сильно размахнувшись, изо всех сил влепил ему пощечину, похожую по звуку на удар хлыста.

Капитан янычар выругался и крикнул:

– Ага! Ты меня узнал? Я очень рад, но за эту пощечину ты мне ответишь, и расчет пойдет не на цехины и не на партии в кости!

– Лацинский!

Герцогиня с презрением отпрянула, словно брезгуя прикоснуться к этому человеку.

– Он самый, Медведь Польских Лесов, – отозвался капитан с нехорошей улыбкой. – Христианин дал Кресту пинка и сделался правоверным магометанином.

– Подлый отступник! – крикнула Элеонора. – Ты позоришь христианство!

– Зато взамен я приобрел симпатии прелестных гурий, что населяют магометанский рай, – отвечал поляк в своей обычной издевательской манере.

– Покончим с этим, – вмешался Метюб, начиная терять терпение. – Отведите эту женщину в каюту, отнесите раненого в лазарет, а всех остальных гоните в трюм. Не стоит терять время на пустые разговоры. Повинуйтесь, матросы.

– Вот как турки отплатили честным людям, которые пощадили пленных, – сказал обесиленный папаша Стаке. – Я говорил, их надо было скормить акулам.

– На что ты намекаешь, старик? – спросил Метюб. – Что за пленные?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.